

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1998 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

6(2) / 2014

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: intellige2007@rambler.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

В авторской редакции
Компьютерная верстка
А.В. Доржиевой
Перевод на английский язык
А.Ц. Эрдынеева

Подписано в печать 08.04.2014.
Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ.л. 11,62. Уч.-изд. л. 10,35.
Тираж 1000. Заказ 70.
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
И.К. Шаранхаев, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя, директор Издательства БГУ);
Н.И. Атанов, д-р экон. наук, проф.; *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доц.;
А.С. Булдаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук,
проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. на-
ук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелова*, д-р
филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.;
К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук,
проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук,
проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

И.И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (гл. редактор); *А.Н. Постников*, д-р
филос. наук, проф. (зам. гл. редактора); *Э.Д. Дагбаев*, д-р социол. наук, проф.
(зам. гл. редактора); *Л.Л. Абаева*, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
Д.Ш. Цырендоржиева, д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора);
П.А. Чукреев, д-р социол. наук, проф.; *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.;
Л.Е. Янгутов, д-р филос. наук, проф.; *В.И. Коваленко*, д-р филос. наук,
проф.; *О.Н. Козлова*, д-р филос. наук, проф.; *В.Л. Кургузов*, д-р культуроло-
гии, проф.; *В.В. Мантатов*, д-р филос. наук, проф.; *П.Ю. Саух*, д-р филос.
наук, проф.; *Ц.Ц. Чойропов*, д-р социол. наук, проф.; *А.М. Кузнецова*, д-р
филос. наук, доц. (отв. секретарь)

© Бурятский государственный университет, 2014

ФИЛОСОФИЯ

УДК 24 (510)

© Л.Е. Янгутов

О ДОБУДДИЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ КИТАЯ (часть 2)

В статье рассматриваются религиозные верования китайцев периода династий Шан-Инь и Чжоу. Анализируются характерные особенности этих верований, их социальная и политическая значимость. Рассматриваются культы Шан-ди и Неба.

Ключевые слова: религиозные верования, тотемизм, идеология, власть, политика, жрецы.

L.E. Yangutov

ON THE PRE-BUDDHIST RELIGIOUS BELIEFS OF CHINA (part 2)

The article considers the religious beliefs of the Chinese Shang-Yin and Zhou Dynasties. The characteristic features of these beliefs, their social and political significance are analyzed. The cults Shang-di and Heaven are considered.

Keywords: religious beliefs, totemism, ideology, power, politics, priests.

Следующий этап в развитии религиозных верований в Китае связан с формированием в XVI в. до нашей эры протогосударственного образования, известного как шан-иньское (商殷). Оно характеризовалось разложением родоплеменных отношений, причиной чему послужило углубление социальной дифференциации внутри родоплеменного общества, что, в свою очередь, обусловило определенные коррективы в религиозной сфере. В этот период, наряду с культом Предков, большую значимость приобретают культ Земли (土崇拜) и культ тотемного предка шан-иньцев Шан-ди (上帝). Их возвышение было связано с тем, что они становились идеологически востребованными в условиях тех социально-политических процессов, которые были характерными периоду формирования протогосударственного образования. Культ Шан-ди выступил как идеологическое обоснование укрепления и правонаследования власти – необходимого компонента формирования государственности. Наследственная власть предполагала укрепление власти в руках единого правителя – вождя. Единый правитель должен был опираться на авторитет единого божества, каковым стал Шан-ди.

Культ Земли явился идеологическим обоснованием идеи территориальной общности и целостности протогосударственного образования Шан-Инь. В представлениях о культе Земли произошло смещение акцентов. Если в неолитический период культ Земли, главным образом был связан с культом плодородия, то в шан-

иньский период этот культ стал связываться с пониманием земли как целостной территории. Как территории, связывающей социальную общность.

Дальнейшее развитие первобытного общества и последующее за ним разложение родоплеменных отношений, приведшее к социальной дифференциации внутри родоплеменной организации, обусловил тот факт, что постепенно в руках вождя племени и родоплеменной верхушки, приближенной к вождю, начинают сосредотачиваться материальные богатства. Вождь концентрирует в своих руках власть, дающую ему единоличное право распределения материальных благ и регулирования социальными процессами, что приводило к усилению власти вождя как правителя. Власть становится наследственной и выступает гарантом устойчивости новых отношений и интересов социальных групп, их места и роли в общественной организации. Образование протогосударства, несущее черты будущего государства с необходимостью обуславливало появление нормативных институтов. Формирование этих институтов предполагало процесс трибализации, т.е. процесс формирования структурированной этнической общности [1, с. 17].

По мере дальнейшего развития процесса формирования структурированной этнической общности во главе с правителем-вождем, возникла необходимость укрепления власти правителя-вождя, поскольку его функции управления

и регуляции все более расширяются. Появление частной собственности обуславливает дальнейшую социальную дифференциацию общества, разделение его на классы, что также вызывало необходимость укрепления власти, поскольку «с момента появления частной собственности возникает необходимость в охране этой собственности, в удержании в повиновении неимущих классов, использовании их в интересах экономически господствующего класса» [2, с. 317].

Укрепление власти правителя-вождя означало не только ее внешнюю защиту – вооруженную охрану от недовольства большей части общества, оставшейся за чертой раздела собственности, но и идеологическую. Это, прежде всего, необходимость обоснования своего права на власть.

Одним из действенных средств идеологического укрепления власти стала ее сакрализация, которая осуществлялась посредством тотемных верований. Они начинают использоваться как средство обоснования права вождя на власть через утверждение прямого его родства с тотемным предком. Было важно доказать свое ближайшее родство с божественным предком, дающим право властвовать от имени и по воле этого божества.

Таким божеством в ранней истории Китая стал Шан-ди (上帝). Правители Шан-Инь, которых именовали ванам (王), были объявлены его прямыми потомками.

Шан-ди – это тотемный предок шан-иньцев, считавшийся их прародителем и покровителем.

Согласно легенде, зафиксированной в источниках эпохи Чжоу (周), Шан-ди приняв облик птицы, чудодейственным способом зачал сына, который стал родоначальником племени Шан-Инь. Так, например, в тексте «Ши цзин» («Книга стихов») говорится:

Ласточка волей небес опустившись с высот,
Шанских царей порождает прославленный род [3, с. 461].

Верховное божество Шан-ди изображалось иероглифами шан (上) и ди (帝). Смысловые значения иероглифа шан (上) – «верх», «предыдущий», «высший», «превосходный» [4, с. 52], а смысловое значение иероглифа ди (帝) «император», «монарх» [4, с. 307]. По словам М.Е. Кравцовой: «Иероглиф ди (帝) в историческом контексте следует понимать в его абстрактном значении – «связывать нечто или кого то друг с другом», а образ Шан-ди есть олицетворение группы божеств, обеспечивавших единство этнокультурных групп и объединений, вошедших в состав Шан-Инь» [5, с. 738]. Относительно

иероглифа шан (上) она пишет: «Шан (上) может означать как «высший» в смысле «самый главный», так и «находящийся на самом верху» [5, с. 738]. В этом смысле он считался высшим божеством, стоящим над всеми другими божествами. Вместе с тем, в условиях формирующегося государства это божество все более наделялось социальными функциями, главной из которых была тотемная, подчеркивающая, что Шан-ди – прежде всего прямой предок шан-иньских правителей, над которыми он осуществляет свое покровительство, оберегает и защищает их право на власть и на привилегированное положение в социальной иерархии общества. В этой связи в отношении к верховному божеству, да и не только к верховному, но и другим божествам, преобладали практические интересы, окрашенные рационализированными ритуалами обусловивший характер взаимоотношения с божествами: «мы – вам (уважение), вы – нам (заботу и поддержку)» [1, с. 24].

Логическим следствием культа Шан-ди как культа первопредка шан-иньского рода стало дальнейшее усиление культа предков. Усилению культа предков способствовало представление шан-иньцев о том, что правители Шан-Инь после своей смерти в загробном мире служили Шан-ди, помогая ему во всех его делах [6, с. 23]. Будучи помощниками Шан-ди, бывшие правители приобретали божественное могущество и совместно с Верховным божеством вершили земными делами, влияли на судьбы людей. Об этом свидетельствуют древние источники. Так в «Ши цзине» говорится о покойном правителе Вэнь-ване, правившем в XI в. до н.э., говорится:

«Царь Просвещенный – Вэнь-ван – пребывает теперь в вышине,
О, как на небе пресветлый сияет Вэнь-ван...
Ввысь устремится Вэнь-ван или вниз снизойдет,
Справа или слева владыки небесного он!» [3, с. 329].

По словам Л.С. Васильева шан-иньцы «сблизили, фактически даже слили воедино культ высшего божества с культом своих умерших предков. С одной стороны, это слияние привело к чудовищному гипертрофированию самого культа предков, превратившегося в Китае со временем в основу основ всей религиозно-этической системы. С другой стороны, это привело к потере, в культе Шанди многих из тех специфических черт, которые характерны именно для культа великого бога» [7, с. 53]. Л.С. Васильев видит в этом причину того, что культ Шанди «не превратился в культ великого бога, который имел бы много храмов и жрецов и пользовался бы всеобщим молитвенным покло-

нением В условиях древнего Китая культ Шанди остался культом родоплеменной знати, видевшей в Шанди своего предка. Поэтому культ Шанди, как и культ других родовых предков в Китае, имел скорее рациональный, нежели эмоциональный характер» [7, с. 53].

Действительно, Шан-ди не стал в Древнем Китае таким божеством, каким он был у других народов. Он не был ни богом-творцом, ни богом, оказывающим влияние на все природные явления и все сферы бытия. Его влияние главным образом ограничивалось социальной сферой, сферой взаимоотношения между правителем и его подданными. Такое отношение к верховному божеству во многом объявляется исключительной прагматичностью и рациональностью древних китайцев. Поэтому в условиях формирующего государственного образования в Древнем Китае, самой главной функцией Шанди была функция идеологической защиты шан-иньских правителей как ближайших родичей. Поэтому, когда в XI в. до н. э. племенной союз чжоусцев (周) свергнул династию Шан-Инь, чжоусцы не могли управлять государством от имени тотемного предка покоренного ими племени. Чжоусцы не имели никакого отношения к Шан-ди, им необходимо было свое божество, от имени которого они могли бы управлять завоеванными территориями. При этом они не могли управлять от имени своего родового культа, которым считался Государь Просо (后稷), поскольку он не имел отношения к покоренным племенам и не вызывал у них ни уважения, ни страха. Их право на власть должно было опираться на более универсальное божество. Таким божеством стало Небо (天). «Главной причиной замены культа Шан-ди культом Неба явилась идеологическая востребованность в божественном гаранте права чжоусских правителей на власть. Этот момент стал решающим в дальнейшем развитии культа Неба, в котором постоянно превалировал социально-политический и идеологический аспект» [8, с. 27]. Вместе с тем, чжоуские правители не могли не считаться с культом Шан-ди. Им необходимо было, во-первых, обосновать законность свержения власти шан-иньских правителей, являющихся прямыми потомками Шан-Инь, во-вторых, обосновать правомерность верховности Неба как высшего божества, от имени которого они стали управлять завоеванными племенами. В этой связи представляют большой интерес исторические факты, о которых свидетельствуют древние китайские источники. Так в 1027 г. до н.э. чжоусский правитель У-ван разгромив войско последнего шанскогована Чжоу Синя, первым делом совершил в храме предков

шан-иньцев жертвоприношения шан-иньскому божеству Шан-ди, и вручил власть шан-иньскому наследнику власти Угэну и вернулся домой. Примечательность этого факта заключается в том, что У-ван совершил обряд не в честь своего родового божества, а в честь шанского. Он не воспользовался властью как победитель, а отдал ее законному наследнику [1, с. 27]. Это отражает тот факт, что для чжоуского вана власть правителей Шан-Инь как прямых потомков верховного божества Шан-ди была также сакральной. Поэтому переход власти от шан-иньских правителей к чжоуским должен иметь идеологическое оправдание. Иначе власть завоевателей становится нелегитимной. Должно быть найдено идеологическое обоснование низвержения шан-иньских правителей – прямых потомков верховного божества Шан-ди. При этом, оно должно быть найдено в том же религиозном ключе. И оно было найдено в содержательном контексте культа предков. Последний шан-иньский правитель Чжоу-синь был обвинен в том, что нарушил этот культ. Его обвинили в том, что они перестали почитать своих предков, перестали осуществлять ритуальные действия по отношению к ним. В результате в Шан-Инь стали процветать насилие, стяжательство, зло и воровство. Древнекитайские источники изобилуют указаниями на грехи последнего шан-иньских правителей, нарушивших культ предков. Так в памятнике «Ши цзин» содержится ода «Слово Вэнь-вана последнему государю Шан-Инь». Это обращение Вэнь-вана – отца У-вана разгромившего последнего правителя Шан-Инь, в котором Вэнь-ван осуждает шан-иньского правителя за его негативные деяния. В оде говорится:

«И царь Просвещенный¹ воскликнул: О, горе!
О, горе великому царству Инь-Шан!
Насилие и угнетение вижу,
Одна лишь корысть и стяжание вокруг!
Насильники эти на месте высоком,
А ты из стяжателей выбрало слуг
Нам небо их наглых, на муку послало,
А ты подняло их, ты силу им дало» [3, с. 92].

Утверждается, что У-ван, завоевывая Шан-Инь, исполнил волю Неба, а не преследовал цели свержения династии Шан-Инь. Небо повелело ему наказать недобродетельного шан-иньского правителя Чжоу Синя. При этом У-ван характеризуется как человек, почитающий своих предков. В памятнике «Ли цзи» сообщается: «У-

¹Вэнь-ван(文王) переводится как царь Просвещенный.

ван и Чжоу-гун² обладали великой сыновней почтительностью! Почитание родителей – это добродетельное наследование воли предков, и в добродетельном завершении деяний предков» [9, с. 899].

Окончательный переход власти к чжоуским правителям произошел после смерти У-вана. Его брат Чжоу-гун установил власть над некогда могущественным протогосударственным образованием Шан-Инь. Под эгидой чжоуских правителей было объединено полиэтничное государственное образование. Объявленный ими божественный покровитель их власти – Небо (天), почитался также и в неолитическом Китае, и в протогосударственном объединении Шан-Инь, о чем свидетельствуют древние письменные источники. Так в памятнике «Шу цзин» (书经 «Книга истории»), известном также, как «Шан шу» (尚书) говорится о том, что «Небо в таинственном молчании установило народу принципы их совместного проживания» [10, 洪范 五, гл. Великий образец]. Судя по этим высказываниям, небо играло большую роль в общественной жизни древних китайцев. Одной из важнейших функций тех, кто правил страной было наблюдение за небом.

Культ Неба имел огромную значимость и у самих чжоусцев. Поэтому не удивительно, что Небо в новом чжоуском государственном образовании было объявлено верховным божеством, с достаточно сильной идеологической нагрузкой. И, если шан-иньские правители обосновывали легитимность своей власти через положение о непосредственном родстве с Шань-ди, то чжоуские правители объявляли себя сыновьями Неба (Тяньцзы). В «Шан шу» сказано: «Сын неба является отцом и матерью народа, и поэтому он является ваном (правителем) Поднебесной» [10, 洪范 五, гл. Великий образец]. Культ Небо окончательно утвердился при Чжоу-гуне, которого в Китае почитали особо уважительно. При нем было осуществлено огосударствление культа Неба.

Изложенные выше события социально-политической истории Китая получили достаточно широкие пояснения в древних источниках, характеризуя Небо как верховное божество. По мере идеологического усиления культа Неба, расширяются его социальные функции. Небо это не только покровитель царствующего дома правителей Чжоу, но это и покровитель рода человеческого. Например, в письменном источнике «Ши цзин» говорится:

«Небо, рождая на свет человеческий род,
Тело и правило жизни всем людям дает,
Люди, храня этот вечный закон, хороши,
Любят и ценят прекрасную доблесть души» [3, с. 395].

В «Шан шу» утверждается о том, что Небо даровало легендарному правителю Китая Юю (禹), Великий образец, или же Великий закон, на основе которого Юй осуществлял принцип социального регулирования. Этот образец состоял из девяти разделов, в которых устанавливался порядок взаимоотношений между людьми, этические и социальные нормы поведения каждого отдельного человека] и в правилах отношений между людьми» [10, 洪范 五, гл. Великий образец].

В чжоуском Китае было выдвинуто учение о небесном мандате (天命), которое имело ярко выраженную социальную направленность. Небесный мандат или же небесное предопределение, дает право правителю на власть. Получивший от Неба право на власть правитель, управляет всеми, кто проживает под Небом – в Поднебесной (天下), тем самым он осуществляет Волю Неба (天志). Воля Неба определяет судьбы людей, их социальное обустройство, принципы взаимоотношения между ними: между родителями и детьми; правителя и подданными. Небо может награждать, может и карать. Сакральный характер Воли Неба как небесного предопределения выражается в его таинственности и скрытости. Ее невозможно понять и постигнуть простым людям. В Ши цзине говорится:

«Неба веления и путь
Сколь в своей тайне бесконечны» [3, с. 414].

Воля Неба раскрывается лишь тому, кто обладает небесным мандатом, кто призван осуществить ее. Это правитель, кому небесным мандатом дано право управлять народом Поднебесной. Но если правитель нарушает предопределение Неба, оно смещает его с престола. Так случилось с последним шан-иньским правителем Чжоу Синем. В «Ши цзине» дается наизадавание правителям:

«Трон сохраняя, от Неба себя не отринь!
Славы сиянье о долге свершенном простри,
Мудро размысли, как Небо отринуло Инь» [3, с. 414].

В другом источнике «Шан шу» сообщается: «Чжоу – гун сказал: «Мудрый Ши, Небо, которое не знает сострадания, послало бедствие на Инь³, и Инь было лишено мандата. Я его получил для Чжоу. Я не смею утверждать со знанием

²Чжоу-гун (周) – брат У-вана (武)

³Имеется в виду Шан-Инь.

дела, что основав государство, мы обеспечим вечное благоденствие, но, так как Небо помогает [нам], я не смею также утверждать со знанием дела, что его конец станет добрым предзнаменованием» [10, 君爽, гл. Мудрый Ши].

Культ Неба, как и культ Шан-ди имел ярко выраженную социальную и политическую направленность. Небо не было творцом всего сущего. Оно не влияло на явления природы.

Этот момент получил развитие в учении древнекитайского философа Конфуция. В его сочинении «Лунь Юй» говорится: «Разве Небо говорит? А между тем, четыре времени года меняются, вещи рождаются. Разве Небо говорит?» [11, с. 198]. Здесь философ подчеркивает, что Небо не имеет никакого отношения к явлениям природы. Смена времен года происходит без его участия. Также без его участия происходит рождение вещей. Его влияние ограничивается социальной и политической сферой.

Социально-политическая направленность культа Неба имела этическое наполнение. Уже сам факт лишения Небом мандата на управление последних шан-иньских правителей за прегрешения и забвения предков указывает на этический аспект его действий. В «Шу цзине» говорится о том, что Небо, покарвав шан-иньских правителей за их пороки, даровало мандат на управление Поднебесной чжоуским правителям именно за их высокие моральные качества. Здесь же говорится о том, что Небо послало Юю Великий образец (закон) состоящий из девяти разделах, в котором устанавливались социальные и этические нормы и принципы взаимоотношений между людьми [10, 洪范 五, гл. Великий образец].

Культ Неба, как и культ Шан-ди был тесно связан с культом предком. Но если, культ Шан-ди был связан с культом предком напрямую, поскольку сам Шан-ди был, прежде всего, предком шан-иньцев, то связь культа Неба с культом предком являлась, скорее всего, идеологической. Ведь главным аргументом не легитимности последних шан-иньских правителей было обвинение в том, что они забыли о своих предках, перестали ухаживать храмы своих предков, перестали приносить им жертвоприношения. И это вызвало гнев Неба, которое решило покарать шан-иньских правителей. Небо как верховное божество заботилось о сохранении почтения к предком. Его заботой была поддержка культа предков. Гнев Неба за забвение своих предков обрушивается не только на правителей, но на всех людей. В «Шу цзине» говорится: «Небо лишает поддержки людей, потому что они не могут продолжать осуществлять почтительность

и добродетель, завещанную предками» [10, 君爽, гл. Мудрый Ши]. Культ предков получил очень сильное развитие при правлении чжоуской династии. Его влияние получило широкое распространение в социальной сфере китайского общества. Он стал одним из важнейших факторов социальной регламентации жизнедеятельности китайцев.

Влияние культа предков на социальную регламентацию жизнедеятельности китайцев, нашло отражение в учении о сыновней почтительности (孝 сяо).

Учение о сыновней почтительности стало краеугольным в семейных отношениях китайцев. Согласно этому учению, «каждый обязан служить родителям, кормить их, заботиться он них при жизни и совершать моления и жертвоприношения в их честь после их смерти» [12, с. 76–77]. Популярность принципа сыновней почтительности в Китае была настолько велика, что, наряду с такими классическим памятниками, как «Ши цзин», «Шу цзин», «Ли цзи», «И цзин» и «Чуньцю», был создан письменный текст «Сяо цзин» («Книга сыновней почтительности»). «Книга сыновней почтительности» предписывала также заботу о себе, полагая, что нанесенный вред себе, в первую очередь наносит вред родителям. В ней говорится: «тело, волосы, кожу, получаешь от отца и матери, поэтому не смей их повреждать» [13, л. 4а].

Культ предков заботился о продолжении рода, о родовой преемственности. Заботиться о родителях означало заботиться о том, чтобы на тебе не закончилось продолжение рода. Устойчивость принципа сыновней почтительности была подкреплена религиозной окраской, в которую был облачен культ предков. Кара со стороны Неба за забвение родителей и предков была важнейшим фактором устойчивости принципа сыновней стороны. Религиозную окраску имело положение принципа сыновней почтительности, которое обязывало совершать ритуальные действия по отношению родителям после их смерти. Детям вменялось совершать моления и жертвоприношения в честь родителей. Эти моления и жертвоприношения напрямую были связаны с почитанием родовых предков. В древнем Китае считалось, что «каждый умерший представлялся мистическим воплощением своего древнего предка и всех последующих поколений отцов. Умирая, он воссоединялся с ними, сливался с единством, объединяющем всех тех, кто жил прежде, кто передал свою жизнь живущим ныне; точнее, сохраняет свою жизнь в живущих, а еще точнее – сохраняет свое тело» [14, с. 137].

Принцип сыновней почтительности не замыкался семейными отношениями, он простирался и на государство в целом, которое рассматривалось как единая семья, в котором роль отца отводилась правителю, роль детей его подданным.

Культ предков, дополненный учением о сыновней почтительности, возвысил авторитет отца как главы семейства и авторитет правителя как отца своих подданных. Этот авторитет был настолько велик, что он заменил в древнем Китае институт жречества. Иными словами, в древний период истории Китая, не был создан институт жречества, поскольку функцию жрецов выполняли правитель на государственном уровне, и родитель на семейно-бытовом уровне.

Сословие людей, обладающее знанием всех тонкостей и нюансов ритуальных обрядов и жертвоприношений, в чью обязанность входило бы совершение этих обрядов и жертвоприношений, не было востребовано в период добуддийских верований китайцев. В связи с этим не были созданы постоянные святилища и храмы, которые могли бы стать центрами религиозной жизни древних китайцев, в которых совершалось бы общение с высшими божествами, духами предков и умерших родителей.

Как пишет Л.С. Васильев: «Жрецов в собственном смысле этого слова древний Китай не знал, как не знал он персонифицированных богов и храмов в их честь. Те же высшие божества, которым поклонялись иньцы (шан-иньцы – Л.Я.) и чжоусцы (Небо и Земля), не нуждались в специальных жрецах, ибо обязанности первосвященника в ритуалах в их честь исполнял сам правитель, а функции ассистировавших ему жрецов выполняли служившие правителю чиновники» [7, с. 254–255]. Далее Л.С. Васильев пишет: «Жреческие же функции они (чиновники – Л.Я.) обычно выполняли в дни обрядов и жертвоприношений, отправление которых входило в систему управления, т.е. обеспечения порядка, который был необходим для нормального существования общества, и за соблюдение и укрепление которого отвечали перед Небом правитель и все его приближенные. Неудивительно, что вся деятельность жрецов чиновников была ориентирована, прежде всего, на выполнение необходимых административных обязанностей, призванных сохранять устойчивость санкционированной Небом социальной структуры» [7, с. 255].

Подводя итоги вышесказанному отметим, что добуддийским верованиям Китая периода правления династий Шан-Инь и Чжоу, как и в неоли-

тический период, были присущи ярко выраженные рационалистические и практичные мотивы. В них также отсутствуют представления о сотворении мира, занимающее весьма важное место в верованиях и мифах других народов, на задний план отеснены божества, функции которых распространялись на природную сферу. На первый план в Шан-Инь и Чжоу выдвигаются божества, не только социально значимые, но и идеологически и политически востребованные. При этом, несмотря на востребованность религиозного компонента в китайском обществе, в добуддийском Китае не оформилось сословие жрецов, в чью обязанность входило бы совершение религиозных обрядов и жертвоприношений. И, наконец, добуддийским религиозным верованиям было характерно отсутствие институционально оформленных верований, а также отсутствие идеи спасения как конечной цели верующих.

Литература

1. История Китая. – М., 2004.
2. Осинский И.И., Добрынина М.И. Политология. – М., 2011.
3. Ши цзин (诗经) // перевод А.А. Штукина. – М., 1957.
4. Большой китайско-русский словарь // под ред. И.М. Ошанин. – М., 1983–1984. – Т.2.
5. Кравцова М.Е. Шан-ди / Духовная культура Китая. – М., 2007. – Т.2. Мифология. Религия.
6. 中国通史 (Чжунгутунши, Всеобщая история Китая). – Пекин, 2003.
7. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М., 2001.
8. Янгутов Л.Е. Бадмаева Д.Б. Трактат «Лихолунь» и добуддийские верования укайцев // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2007. – №11.
9. 礼记 中庸 三十一 (Ли цзи, гл. 32. Использование срединности).
10. 尚书 (Шан шу).
11. Лунь юй. – Шэньян, 1996.
12. Бяньвэнь о воздаянии за милости / перевод и комментарии Л.Н. Меньшикова. – М., 1972. – Ч.1.
13. 牟子 理惑论 // 弘明集 (Моу-цзы. Лихолунь // Хунминцзи). – Шанхай, 1936.
14. Городецкая О. Дух и тело в погребальных традициях древнего Китая // Проблемы Дальнего Востока. – №2, 2005.

Янгутов Леонид Евграфович, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, e-mail: yanguta@mail.ru

Yangutov Leonid Evgrafovich, doctor of philosophical sciences, professor, head of department of philosophy, culturology and religious studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of RAS, Ulan-Ude, e-mail: yanguta@mail.ru

СОКРАТ, «ЕВТИФРОН» И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Цель статьи – рассмотреть происхождение основной синтагмы аналитической философии, а именно эллиптического рассуждения о взаимосвязи истинности и нормативности высказываний научной теории. Автор доказывает кардинальное различие между корреспондентной и когерентной теорией истины и делает обоснованный выбор в пользу первой.

Ключевые слова: гносеология, аналитическая философия, эпистемология, истина, «Евтифрон».

E.A. Taysina

SOCRATES, «EUTHYPHRO» AND ANALYTICAL PHILOSOPHY

This paper is aiming at consideration the origin of the main syntagma of analytical philosophy: namely, an elliptical figure of reasoning on the relationship between truth and norms of statements of scientific theory. The author proves a radical difference between the corresponding and coherent theories of truth and makes a grounded choice in favor of the first one.

Keywords: gnoseology, analytical philosophy, epistemology, truth, «Euthyphro».

В теоретико-познавательной эллиптической конструкции, построенной Платоном в раннем его диалоге «Евтифрон» [1], неявно прослеживается созвучность современной аналитической философии, что фактически делает источник первым изложением основной ее синтагмы.

С самого начала повествование «Евтифрона» отличается драматичностью и динамизмом. Точкой отсчета становится убийство – смертный грех, совершенный отцом Евтифрона. Так завязывается диалог о нечестии и благочестии. Нечестиво ли со стороны сына преследовать по суду своего отца? Эта тема обсуждалась и в нашей культуре: у Пушкина в «Скупом рыцаре» Герцог в своем обращении к Альберу замечает: «...Благородный рыцарь, таков, как вы, отца не обвинит без крайности – таких развратных мало»... Сократ насмехается над Евтифроном: мол, видно, тот настолько точно осведомлен в божественных законах и в вопросах благочестия и нечестия, что возникает нетерпеливое желание немедленно поступить к нему в ученики... Но прямодушный Евтифрон достаточно уверен в своей мудрости и превосходстве над прочими людьми, чтобы судить об этих материях – хотя диалог заканчивается без абсолютного вывода, как это часто бывает в беседах Сократа.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время аналитическая философия, изменяя позитивистской своей природе, также сводит воедино вопросы теоретической и практической философии, когнитивные и морально-этические. Один из современных эпистемологов, И.Г. Гаспаров, считает, например, что, хотя не существует ни одного тезиса, который были бы обязаны разделять все «аналитические философы»,

они воплощают в себе этос подлинного философствования в современном мире [2, с. 17]. Он говорит о том, что современная аналитическая философия весьма традиционна: занимается проблемой универсалий, пытается разобраться в природе морали, анализирует скептицизм и т.п. Гаспаров пишет: «Изначально философия стремилась к рациональному постижению истины как таковой в ее наиболее полном и общем виде. История аналитической философии началась отчасти с идеи преодоления метафизики путем логического анализа языка. Но, развиваясь, эта идея постепенно привела к возрождению проблем метафизики, философии сознания, эпистемологии, этики и эстетики» [2, с. 19–20]. Возможно, это утверждение отчасти верно, а аналогия морально-этического и эпистемологического дискурса послужит решению проблемы истины.

Современный греческий философ Статис Псиллос отмечает следующее: «Размышления об истине развиваются в двух направлениях. Первое – утверждение, что истина есть объективное качество наших убеждений [beliefs], благодаря которым они соответствуют миру. Истина соединяет наши мысли и убеждения с какой-то внешней реальностью, придавая им тем самым репрезентативное содержание... Второе направление принимает, что истина – это оценочное понятие: оно суммирует нормы правильно построенного утверждения или убеждения. Сказать об убеждении, что оно истинно, значит сказать, что иметь его эпистемологически верно, или доказательно [оправдано]» [4, с. 247]. Собственно, второе направление и есть аналитическая философия (эпистемология). Но данный

термин не позволяет еще различить, об истинном или не-истинном знании идет речь.

«Различие между не-эпистемической и эпистемической концепцией истины, – продолжает греческий философ, – становится зримым, когда мы мыслим в терминах сократовского парадокса [из диалога] Евтифрон: являются ли утверждения истинными потому, что они признаны за истинные [лицензированы] набором норм [правил] – или они признаны [лицензированы] набором норм [правил] в качестве истинных, потому что они истинны?» [4, с. 248–249].

Какие же именно первоначальные рассуждения в «Евтифроне» постепенно привели к выделению теории научного познания из общей гносеологии в стремлении элиминации метафизики путем логического анализа языка (науки) и к эллиптической фигуре истинности, которую мы назвали основной синтагмой эпистемологии?

Сократ формулирует перед Евтифроном следующий вопрос: «Благочестивое [«богоугодное»] любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?».

Сократ проводит аналогию «благочестивого» [«богоугодного»], «любимого» и «рассматриваемого» («являющегося»). На нечто являющееся смотрят не потому, что оно является рассматриваемым, но, наоборот, оно является рассматриваемым постольку, поскольку на него смотрят... «Значит, ясно, Евтифрон, что я хочу сказать, а именно: если нечто является чем-то и что-то испытывает, то не потому оно является, что бывает являющимся, но оно являющееся потому, что является, и не из-за того оно нечто испытывает, что бывает страдающим, но страдает из-за того, что нечто испытывает». Парный вопрос: не потому ли нечто <благое> любят любящие его, что оно любимо, но, наоборот, оно любимо, поскольку его любят?

Сократ: ... «Значит, его любят потому, что оно благочестиво, а не потому оно благочестиво, что его любят?». – Евтифрон: «Очевидно». И тогда диалектический, или парадоксальный, Сократ делает выводы:

1. Мы признали, что благочестивое любимо потому, что оно благочестиво, а не благочестиво потому, что любимо.

2. Мы признали, с другой стороны, что богоугодное является таковым потому, что его любят боги, но не потому оно любимо, что богоугодно.

Одному свойственно быть любимым потому, что его любят <боги>, а другое любят, потому что ему свойственно быть любимым.

Стало быть, утверждения могут быть истинными потому, что они признаны за истинные (лицензированы набором норм и правил) – или они могут признаваться (лицензируются набором норм и правил) в качестве истинных, потому что они истинны. Совершенный этот эллипс ничуть не уступает в эстетичности знаменитому герменевтическому кругу. Статис Псиллос в своем философском словаре указывает, что и объективистское, и оценочное направление полагают истину субстанциональным качеством носителей истины. Два указанных подхода поданы как равноценные, и только по некоторым косвенным свидетельствам можно предположить, что сам философ придерживается второй позиции.

Между тем, разрешение «дилеммы Евтифрона» также приводит к выводу, что качество предмета первично по отношению к его оценке, являясь ее источником.

У А.Ф. Лосева в «Комментариях к диалогам Платона» имеется поразительное суждение: то, что благочестие есть угодное богам, правильно, но неточно. Это сопряжение правильности с конвенцией («правилом»), а истинности – с точностью весьма важно, хотя сам А.Ф. Лосев, как видно, под неточностью понимал односторонность, а под точностью – конкретное в понятии, как у Гегеля. Для нас же этот эпитет был и остается нужным, чтобы проиллюстрировать метод математического нахождения истинности как точки в универсуме [5, с. 585].

Концепция истинности как взаимной непротиворечивости, увязанности, когерентности высказываний в научной теории, имея прочную аргументацию, непререкаемый авторитет и широкую применимость, затенила в эпистемологии генетически связанной с нею аналитической философии «архаическую» и наивную концепцию истины как респонденции – соответствия знания действительности. Последняя принадлежит философской классике, гносеологии, оттесненной в прошлом веке на дальний план упомянутыми эпистемологией, аналитической философией, логикой и методологией науки и пережившей неожиданный ренессанс онтологией. Эти дисциплины приняли на себя большую интеллектуальную ношу, не всегда справляясь с ней: ведь явно произвольно было заявление Карнапа о том, что логический анализ языка науки есть способ «возрождения» философии.

Когерентная теория истины тоже не нова. Имея начало в работе «О природе истины» Рассела, ныне она прекрасно изложена, например, в трудах Д. Дэвидсона [8], и в Стэнфордской энциклопедии по философии. Сама по себе анали-

тическая философия, как и эпистемология, и когерентная теория научной истины, по-своему выполняют самостоятельно избранные задачи, путешествуя «внутри эллипса» и не выходя к «грубой реальности» (robustreality, В. Russel), к правде жизни, практике, «самим вещам» (все упомянутые выше новые дисциплины принято возводить к Канту, хотя надо к Евтифрону). Однако эктериоризирования дискурса нельзя избегать бесконечно; рано или поздно возникнет необходимость, во-первых, указать на объективно-реальный референт высказывания, а во-вторых, соотнести с ним смысл. Это под силу только гносеологии, чье поле деятельности не сковано лишь пропозициональным знанием.

Мысль, как и высказывание, в аналитической философии признается истинной (лицензируется набором норм и правил) при определенных условиях. Но кто или что определяет, что условия истинности сами истинны? Позитивистски фундированные науки на этот вопрос не ответят (например, неубедительно звучит «условия истинности предложения суть причины выражаемого в нем мнения»). Мало того, условия истинности ответственны также за смысл и значение языковых выражений; а как эти последние соотносятся с мыслью? Аналитики также не ответят. Вернее, гносеологию их ответы не убеждают (например: истина это «установление каузальной связи между наблюдаемыми фактами», причем высказывание – это тоже эмпирический факт...). Хождение внутри эллипса может прервать только выбор другой теории истины, другой фигуры: ленты Мебиуса. Момент «перекручивания» плоскости и выхода путника из имманентности теории в реальность можно хорошо обозначить при помощи (уже упоминавшегося, в связи с книгой Статиса Псиллоса) семиотического термина «репрезентация».

Чтобы сделать обоснованный выбор в пользу гносеологической теории истины как соответствия объекту, невзирая на ее объявленный «арханизм», и вместе с тем предпринимая опыт ее модернизации ради ответа критику, необходимо для начала подчеркнуть этимологическую глубину самого термина «гносис» по сравнению с термином «эпистеме». И то и другое переводится как «знание»; только во втором случае прибавляется эпитет «истинное», в смысле «научное, доказательное». Но у концепта «гносис» гораздо больше измерений: это не только научное познание, но и любое – художественно-экспрессивное, моральное, обыденное, религиозное, даже мистическое. Неоднозначные тексты гностиков всегда вызывали обширные комментарии философов. Например: «небо вверху –

небо внизу; звезды вверху – звезды внизу; то, что вверху – то и внизу...». А ведь у греков глубина и высота обозначаются одним термином «βαθος» (ср. рус. «бездна», или лат. префикс «sub», который может означать и «под», и «над»: «sub-stance», «sur-realism»). Поэтому богатство термина несомненно; и удивление вызывает без сомнений выдаваемое определение английской «epistemology» как (английской же) «theory of knowledge»: ведь know – по факту, это и есть, гордый греческий гносис.

Корреспондентную теорию упрекают в наивном (или вульгарном) материализме. Это обвинение можно отвести и выбрать для определения истины термин, который не вызовет спора материалистов и идеалистов. Достаточно вместо метафоры «ответа» (соответствие) или ее синонима – «голоса» (согласованность), или «падения», «несения» («ношения») и пр. взять точный термин: презентация, или представление (нем. *vorstellung*). Он позволит выйти на поверхность путешествующему по ленте Мебиуса.

Родовой признак истины – идеальная презентация объекта, в обоих смыслах термина «идеальное» (платоновском и современном) и в обоих смыслах (латинском и русском) слова «презентация». Видовой дефинитивный признак истинного образа – представленность порядка существенных свойств и отношений вещи. Акцидентальные признаки истины суть транспортиция необходимого или случайного, внешнего или внутреннего, очевидного и неочевидного, содержательного и формального и т.д. Сущность истины – идеальная представленность и передача (транспортиция, трансференция) порядка, т.е. следования вещей, свойств и отношений, событий и действий одного подле другого и одного после другого, развертывание конгруэнтного уподобления знания сущности сущего. Мера глубины истины – это степень представленности раскрываемой в познании сущности познаваемого. Мера полноты – представленность раскрытого родового признака объекта познания. Мера строгости – (изо)морфизм. Здесь как раз необходима такая экспликация как точность.

В заключении необходимо подчеркнуть, что объяснительный потенциал теории познания, гносеологии, далеко не исчерпан, демонстрацией чего призваны служить приведенные определения, которые в полной мере способны послужить и современной эпистемологии, и ее аватаре – аналитической философии, в которой дефиниции не выходят за рамки когеренции, каковой недостаточно для объяснения сущности истины.

Литература

1. Платон. Диалоги / пер. С.Я. Штейнман-Топфштейн. – М.: Мысль, 1986.
2. Гаспаров И.Г. Аналитическая философия сегодня: между философией языка и метафизикой // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России / Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
3. Никоненко С.В. Аналитическая философия. Основные концепции. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
4. Psillos Stathis. Philosophy of science A – Z / пер. Э.А. Тайсиной. – Edinburgh: Univ. Press, 2007.
5. Тайсина Э.А. Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. – СПб.: Аллетейя, 2013.
6. XXII World Congress of Philosophy, Seoul, South Korea, July 2008 // [Электронный ресурс] – URL: <http://tajsina.dialog21.ru>

7. XXIII World Congress of Philosophy, Athens, Greece, August 2013 // [Электронный ресурс] – URL: <http://tajsina.dialog21.ru>

8. Davidson D.A coherence theory of truth and knowledge // Davidson D. Subjective, intersubjective, objective. Philosophical Essays. – Vol.3. – Oxford: University Press, 2001; 1986.

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, e-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru
Tajsina Emiliya Anvarovna, doctor of philosophical sciences, professor, head of department of philosophy, Kazan State Energy University, Kazan, e-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

УДК 1(091)

© Д.Б. Гениндоржиева

АНТИЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА ХАРИЗМЫ

Данная статья посвящена анализу трудов античных философов, изучению их позиции и понимания феномена харизмы как дара умения вести за собой и особой милости богов. Также рассматривается понятие «харизма», которое в древнегреческой мифологии обозначало способность привлекать внимание окружающих.

Ключевые слова: харизма, героико-мифологический подход, мистика, благо, милость богов, Харита, притягательность.

D.B. Genindorzhieva

ANCIENT INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF CHARISMA

This article is devoted to the analysis of the ancient philosophers' works, the study of their position and interpretation of the phenomenon of charisma as a talent of the leadership and the special grace of God. The concept «charisma» is also considered that in the Greek mythology means the ability to attract the attention of others.

Keywords: charisma, heroic and mythological approach, mysticism, blessing, grace of God, Grace, attraction.

В число первых опытов философского осмысления феномена «харизмы» входит изучение данного понятия мыслителями и философами Древней Греции (от греч. charisma – «божественная милость», «дар свыше», «благодать»), которые трактовали его как нечто «данное богом». Со временем данный термин утратил свой первоначальный смысл, и в дальнейшем харизма стала приписываться прорицателям, мудрецам-исцелителям, толкователям законов, военным предводителям и другим лидерам, имеющим влияние на окружающих их людей.

Основоположником традиции размышлять о власти тех, кто способен вести за собой, можно, прежде всего, назвать Сократа (469–399 до н.э.), хотя он не оставил определенных письменных трудов. Главными источниками сведений о нем и его изречениях являются «Диалоги» Платона (427–347 до н.э.), «Воспоминания о Сократе», «Сократические сочинения», «Апология Сократа и другие сочинения» Ксенофонта (431–355

до н.э.) и комедия Аристофана (446–386 до н.э.) «Облака», в которых описывается первая социально-философская мысль о феномене лидерства и харизмы Сократа.

В работе «Сократические сочинения» Ксенофонт Афинский затронул тему «Умень общаться с людьми и повелевать ими», в которой рассматривал типы руководителей, качества, которыми должен обладать лидер, а также феномен обладания харизмой. Харизматика описывал как человека, наделенного некой душевной царственностью, и определил как «любимого богами», одаренного ими милостью или благодатью. Например, описывая харизму, он писал: «...я уже не скажу, что этому можно научиться, взглянувши или раз подслушавши; нет, чтобы иметь эту силу, нужно и образование, и природные дарования, и самое главное, милость богов. Да, это благо, как мне кажется, совершенно не зависит от воли человека, но от воли богов, – это искусство властвовать над людьми по их добро-

вольному признанию, несомненно, оно даруется тому, кто поистине посвящен в таинства добродетели...» [4, с. 283]. Иначе говоря, харизма – это совокупность способностей (заложенных природой), знаний, умений и навыков, полученных во время обучения и содействия со стороны потусторонних сил (в виде успеха и удачи), дарованная определенному избранному человеку, заслужившему его своими благородными «добродетельными» поступками.

Среди первых исследователей, изучавших проблемы лидерства, был и Платон, предложивший в своем труде «Государство» три типа лидеров:

1) «философ» – это официальный общественный и государственный политический деятель, управляющий государством, основывающийся на разуме и справедливости;

б) «военачальник» – это деятель, оберегающий, защищающий и поддерживающий государство, в котором общество подчиняется его воле;

в) «деловой человек» (бизнесмен) – это официальное лицо, обеспечивающее общество материальными благами.

Он сравнивал руководство с искусством пастуха, рассматривая при этом мифический век правления Хроноса, который назвал совершенной формой общежития – «наисовершеннейшее благое государство», потому что, по Платону, в те времена сами боги, как «божественные пастухи», руководили отдельными определенными областями, а в обществе было достаточно всего необходимого для жизнедеятельности, отсутствовали войны, разбои и раздоры. Данным государством должны были руководить люди, обладающие, по Платону, четырьмя главными добродетелями – качествами личности лидера: мудростью, мужеством, рассудительностью и справедливостью [7, с. 176].

В «Политике» Платон, говоря о мудрости лидера, утверждал, что «...определяющей границей тут будет не количество правителей – много или мало, не насилие или добрая воля, а также не бедность или богатство, но некое знание» [7, с. 758]. При этом подлинной мудростью, по утверждениям Платона, обладают люди, способные принимать правильные решения и наделенные ею от природы, поэтому людей, обладающих истинной мудростью, как правило, немного. Данное качество личности Платон идеализировал, приписывая ему такие свойства, как совершенство, созерцательность, незаурядность и, главное, нравственность. Он выделял мудрость как некое знание, которым обладают «избранные» – малочисленная группа людей, благодаря

чему они имеют большое влияние на окружающих людей и могут воздействовать на социальные процессы.

Правителями государства, согласно рассуждениям Платона, должны быть философы, так как только они могут управлять государством и деятельностью общественных структур, развивая устоявшиеся общественные институты, и разрабатывать надежные властные механизмы в периоды потрясений, смут и кризисов. Он писал: «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди – а их много, – которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор <...> государствам не избавиться от зол...» [7, с. 227].

Второй добродетелью, которой обладают совсем немногие, по Платону, является мужество. При этом он отмечает, что в отличие от мудрости мужество воспитывается в человеке; благодаря природным задаткам и полученному воспитанию данная добродетель прочнеет и не исчезает, так как она сохраняется и проявляется во всех ситуациях, в которые попадает человек. Следовательно, данное качество личности характеризует эмоционально-волевую сферу человека и может быть определена как энергетический потенциал лидера, который возможно и необходимо развивать.

Рассудительность Платон определил как власть над определенными удовольствиями и вожделениями. При этом он приводил, к примеру, выражение «преодолеть самого себя», раскрывая и объясняя его следующим образом: «...этим выражением желают сказать, что в самом человеке, в его душе есть некая лучшая часть и некая худшая, и, когда то, что по своей природе лучше, обуздывает худшее, тогда говорят, что оно «преодолевающее само себя»: значит, это похвала; когда же из-за дурного воспитания и окружения верх берет худшее (ведь его так много, а лучшего гораздо меньше), тогда, в порицание и с упреком, называют это «уступкой самому себе», а человека, испытывающего такое состояние, – невоздержанным» [7, с. 180]. Так, рассудительностью является способность человека контролировать свои эмоции, действия и поступки в любых жизненных ситуациях.

Как правило, Платон подчеркнул то, что данная добродетель встречается также у небольшого количества людей, у людей, как он пишет, «...лучших по природе и по воспитанию» [7,

с. 181], но при всем при этом он отмечает, что рассудительность проявляется как согласованная деятельность (согласованность) между всеми слоями населения.

Четвертой добродетелью совершенного государства является «справедливость». Под справедливостью понимаются установленные в государстве естественные отношения владычества и подвластности ее начал. То есть в обществе, обладающем данной добродетелью, поддержка последователей демонстрируется лидером во всех ситуациях, в частности, в стремление к целям, соответствующим потребностям граждан. Объясняя данную добродетель, Платон указывал на то, что каждый отдельный человек в государстве должен заниматься своими делами, не вмешиваясь в дела другого человека, владеть своим имуществом, не захватывая себе чужого, – такое распределение и является справедливостью.

При этом стоит отметить то, что и в настоящее время исследователи таких многомерных понятий, как лидерство, авторитет, харизма и власть, говорят о том, что лидеры в большинстве своем должны обладать такими качествами, как ум, уверенность в себе, сила духа и стойкость перед трудностями, настойчивость в их преодолении, эмоциональный самоконтроль, способность создания команды единомышленников, поддержка своих последователей. Данные качества личности, по нашему мнению, тождественны перечисленным Платоновским «добродетелям». Исходя из вышесказанного, подчеркнем, что индивид (личность, группа людей, явление, институт, предмет), наделенный харизмой, является обладателем таких качеств, как мудрость – ум, мужество – сила духа, рассудительность – эмоциональный самоконтроль и справедливость – поддержка последователей, то есть наличие таких качеств в одном субъекте определяет обладателя харизмы.

Необходимо заметить и то, что в своей работе «Политика» Аристотель (348–322 до н.э.) рассмотрел практические, прикладные проблемы общественной жизни современного ему древнегреческого общества (полиса), в первую очередь – вопросы оптимальной организации и функционирования государственного правления. Он разрабатывает типологию форм правления, выделяя три правильные и три неправильные его формы, анализирует типы личностей. Формы государственного правления исследовал также выдающийся древнегреческий историк Полибий (201–120 до н.э.) в своем труде «Всеобщая история». Он опирался на идеи Платона и Аристотеля, на что он прямо и ссылался, хотя его терминология была несколько иной.

В целом, для античной социально-философской мысли был характерен поиск ответов на вопросы: каким должно быть совершенное государство, каким должен быть совершенный гражданин, как преодолеть пороки и в чем заключаются рецепты улучшения общественной жизни, – что детерминировало описание и первоначальный анализ определенных компонентов сферы общественной системы, в первую очередь – форм государственного правления и типов личности, типов общественных и государственных лидеров.

В античной мифологии понятие «харизма» означает также божественную милость и подарок определенным избранным наиболее достойным людям. И этими людьми, прежде всего, были «герои». Так, античные мыслители, в большинстве своем, отождествляют харизму с героическим предназначением. Согласно греческой мифологии, герой – это посредник между двумя мирами: божественным и земным, у которого (героя) есть определенное предназначение на Земле, он реализует божественную волю. При этом «героическая личность», как правило, должна соответствовать некоторым определенным требованиям, которые позволили бы идентифицировать «истинного посланника богов».

«Герой» – так называли греки мужчин, обладающих сверхчеловеческой силой, проявивших храбрость и величие духа, то есть качества, свидетельствующие о том, что им покровительствовали боги. Позже в греческой истории они считались полубогами или бессмертными. Архетипический герой Геракл служил образцом для Александра Великого и Марка Антония. Оба стремились стать героями в том смысле, который вкладывали в это понятие греки.

Античная философия трактует харизму в метафизической перспективе. Природа харизматического дара заложена в самом герое (он стремится к самореализации и достигает своих целей, обладает ораторским мастерством), однако он должен найти в своем существовании связь с миром божественным.

Невозможно оставить без внимания также и то, что слово «харизма» обозначало способность привлекать к себе внимание окружающих и производить незабываемое впечатление на них. Такая трактовка данного термина исходила из того, что «Харитами» (древнегреч. *Χαρίτες* от *χάρις*, «изящество, прелесть») назывались древнегреческие благодетельные богини красоты и грации (как и римские грации), веселья и радости жизни, олицетворяющие изящество и привлекательность, представляющие собой доброту, радость и вечную юность. Хариты являли собой

даровательниц воодушевления и вдохновения как музы, которые сопутствовали успехам в искусстве, поэтому они принадлежали к свите Афродиты и Аполлона. Веселье и радость, которые они распространяли, относились к области духовной жизни. Поэты хотели, чтобы хариты и музы сопровождали Афродиту и Аполлона всегда и везде, так как наслаждения музыкой, танцами, поэзией, красноречием приобретали, благодаря им, особую прелесть и красоту. Их функцией являлось распространение любви и доставление радости людям.

Например, в «Одиссее» Гомер называет харитами служанок богини любви и красоты Афродиты, дарующих девушкам красоту тела и души [1, с. 518, 545]. А в «Илиаде» является целое семейство харит, «старших» и «младших», из которых самой прекраснейшей была младшая Пазифея [1, с. 255]. По другим мифам, младшей была Аглая – супруга Гефеста. Во всех мифах подчеркивается, что хариты обладают совершенной красотой и даруют ее тем, кто заслуживает этого, при этом даже поэзия обязана харитам красотой и обаянием. Также нельзя не заметить, что они помогали в серьезных науках самой Афинне, которые тоже должны обладать своеобразной красотой и прелестью, а также Гермес прибегает к помощи харит в своем искусстве красноречия. Все эти представления являются живейшим свидетельством того, что хариты олицетворяют собой привлекательность, шарм и обаяние.

По мифам точно нельзя определить родовую харит, так как данная информация различается. Например, в работе Гесиода под названием «Теогония» харитами являются дочери бога Зевса и океаниды Эвриномы, а у других авторов родителями харит являются Гелиос и гесперида Эгла, Дионис и Афродита или же Дионис и нимфа Коронида. Но еще задолго до приобретения такой родословной эти божества почитались и в Спарте, и в Афинах, и в Орхомене, и в других местах древнейшего обитания греков. В частности, культ их засвидетельствован на острове Парос еще во времена Миноса. Первоначально они почитались в виде метеоритов.

Известными именами харит на сегодняшний день являются следующие: Клетта («желанная»), Фаенна («сияющая»), Пейто («убеждение»), Ауксо («приумножающая»), Карпо («плодоносящая»), Талло («цветение»), Гегемона («руководительница») Аглая («сияющая»), Евфросина («благomyсляющая»), Талия («цветущая»), а также некоторые другие, которые были затронуты нами выше. Каждая харита представляла собой

какое-то благодетельное качество, притягивающее или привлекающее к себе особое внимание и положительное отношение. Хариты одаривали богов качествами, благодаря которым им сопутствовал успех, и они притягивали к себе особое внимание.

Таким образом, понятие «харизмы» зародилось еще в античное время и отождествлялось с совершенными внешними и внутренними качествами (например, божественная красота, искусное красноречие, небывалая мудрость) человека. Такими качествами были наделены боги, полубоги и герои, причем главные особенности, относящиеся к харизматической личности, немногие отличались, но вместе с тем они были единими, и харизматическая личность отождествлялась с героическим предназначением.

Античное понимание феномена харизмы сформировалось в процессе становления и развития героико-мифологического мировоззрения (подхода). Исходя из данного подхода, человек, наделенный таким даром, как харизма, оказывает неизгладимое впечатление на окружающих людей, привлекает к своей личности внимание благодаря определенным качествам, которые присутствуют далеко не в каждом человеке, они присущи отдельным «избранным» людям или определенному «избранному» кругу лиц. Соответственно харизмой является совокупность исключительных врожденных качеств личности, проявляющихся в определенной ситуации, благодаря которым она имеет влияние и возможность воздействовать на окружающих людей.

Литература

1. Гомер. Илиада. Одиссея. – М.: АСТ, 2003. – 859 с.
2. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. – М.: Прогресс, 1992. – 624 с.
3. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
4. Ксенофонт. Апология Сократа и другие сочинения. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – 576 с.
5. Ксенофонт. Сократические сочинения. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 368 с.
6. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. – М.: ВИКА-пресс, Арктос, 1992. – 448 с.
7. Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
8. Платон. Диалоги. – М., 2009.
9. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1990.
10. Плутарх. Застольные беседы. – М., 2007.
11. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. Изречения: сборник. – М.: АСТ, 2004. – 954 с.

Гениндоржиева Димид Батобологовна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: gdimid88@mail.ru
Genindorzhieva Dimid Batobolotovna, postgraduate student, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: gdimid88@mail.ru

УДК 1(470)091

© А.Р. Станкевич

СИСТЕМА НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ И КАТЕГОРИЙ В РАБОТАХ И.А. ИЛЬИНА

В статье анализируется система нравственных принципов и категорий, рассматриваемых И.А. Ильиным в своих философских трудах.

Ключевые слова: нравственность, нравственные принципы, истинная вера, нравственный опыт, любовь, свобода, совесть, справедливость, предметность, сердечное созерцание, достоинство, добро, зло, польза, вред, долг, честь, ответственность, трудолюбие, счастье.

A.R. Stankevich

SYSTEM OF ETHICAL PRINCIPLES AND CATEGORIES IN THE I.A. ILYIN'S PUBLICATIONS

The article analyzes a system of ethical principles and categories considered by I.A. Ilyin in his philosophical works.

Keywords: morality, ethical principles, true faith, moral experience, love, freedom, conscience, justice, objectivity, hearty contemplation, dignity, good, evil, benefit, harm, duty, honor, responsibility, industry, happiness.

И.А. Ильин большое внимание уделял нравственности как одной из основных тем в своем творчестве. Нравственность понимается им как способ самоосуществления личности, ее самоуправления и упорядочения отношений между людьми на основе обобщенных представлений о нормах, принципах и идеалах, возводящих к ценности добра. Это определение наилучшим образом соответствует тому концепту «нравственность», который присутствует у И.А. Ильина. По мнению философа, тот, кто хочет исследовать нравственность, должен «углубить и расширить свой нравственный опыт». Ильин писал: «Нравственный опыт требует всего человека: он нуждается в его любви, в его страстях, в его решениях и деяниях. Человек должен отдать этому опыту всю свою личность – свою жизненную силу, свой жизненный успех, свою судьбу. Он должен предстать перед своей совестью; он должен предаться ей и деятельно зажить из нее...» [1, с. 465].

При этом в ранних работах проблемы нравственности не являются главными для философа, они возникают только в контексте историко-философских исследований (работы о Штирнере, Фихте, Гегеле) и попыток понять, как нужно понимать современный смысл религиозного опыта (книга «Религиозный смысл философии», статья о Шлейермахере). В противоположность этому в работах 1930–1950-х гг. вопросы нравственного возрождения человечества, выработка конкретных мер, которые помогли бы направить каждую личность на путь нравственного развития, преодоления всего негативного в себе, выдвигаются в творчестве Ильина на первый план. Именно поэтому эти работы наиболее важны для восстановления в более или менее систем-

ном виде представлений Ильина о процессе формирования личности и о необходимой для этого системе нравственности.

Ключевыми понятиями философского анализа личности, ее нравственности у Ильина являются понятия духовного опыта, религиозного опыта и нравственного опыта. В этих понятиях Ильин подчеркивает целостность внутреннего мира личности. Однако в процессе философского описания указанных форм опыта он выделяет в них некоторые основополагающие «измерения», «аспекты», которые задают, насколько органичным и правильным является развитие личности, насколько оно соответствует идеалу. Поскольку соответствующие слагаемые не возникают сами собой, более того, в мире существует множество факторов, которые мешают и даже противодействуют правильному формированию соответствующих личностных качеств, Ильин утверждает, что личность должна напряженно бороться за правильную реализацию в себе нравственного идеала, и в этой борьбе важны и усилия самой личности, и помощь окружающих – отдельных личностей и общества в целом. В связи с этим указанные важнейшие «измерения» духовного опыта личности (например, вера, любовь, свобода и т.д.) это не только и не столько наличная данность, сколько требования, которые предъявляются к личности и с которыми она должна непрерывно соотносить свою жизнь. По сути, эти требования можно назвать нравственными принципами, которым должна следовать личность на протяжении всей своей жизни (хотя сам Ильин и не любил употреблять в этом контексте термин «принцип»).

При внимательном изучении философского наследия И.А. Ильина следует провести разли-

чие между двумя рядами представлений: основными нравственными принципами (нравственными «требованиями») и нравственными категориями, которые он соотносит с заповедями христианской морали.

Что же такое принцип? Принцип (лат. *principium* – «первоначало», «основа») – во-первых, исходное, не требующее доказательств положение теории (то же, что аксиома или постулат), и, во-вторых, внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения (то же, что максима или заповедь). Для И.А. Ильина это прежде всего внутреннее убеждение, которым нужно руководствоваться в своем поведении. Если нравственный принцип произведен от жизни, то нравственная категория – это абстрактно-духовное понятие, направленное на формирование представления об идеальной системе отношений между людьми, об идеальном обществе.

В молодые годы Ильин был поклонником немецкой философии и в особенности системы Гегеля. Это обусловило его стремление к системности и последовательности изложения, которые отличают его ранние историко-философские работы. Однако произошедший в его мировоззрении в конце 1920-х гг. перелом привел к тому, что Ильин преодолевает зависимость от гегелевских схем. Теперь основой своих философских построений он считает религиозно-духовный опыт, который не поддается окончательной рационализации и систематизации. Поэтому он отказывается от стремления к построению жестких иерархических систем. В анализе духовного опыта нас должна вести интуиция, а не разум. В связи с этим само соотношение основных измерений нравственного опыта (нравственных принципов) в поздних трудах Ильина становится неоднозначным, отдельные измерения скорее полагаются в один ряд, чем выводятся друг из друга. Но все-таки можно попытаться привести представления Ильина в определенную систему, можно увидеть определенную иерархию в системе его представлений о структуре нравственного опыта.

На «вершине» этого опыта, как бы в качестве высшего нравственного принципа, находится требование к обладанию полноценного религиозного чувства, полноценной и предметной веры. Это требование является главным, поскольку только религиозный опыт (опыт духовной очевидности, как называл его Ильин в ранних работах) является основой всего ценного и значимого в человеческой жизни. Только придя в духовное соприкосновение с высшим Предметом (Богом), личность может сделать правиль-

ными и осмысленными все остальные измерения своего бытия. Следом за требованием обладать истиной верой Ильин располагает нравственные требования к формированию своей личности в соответствии с ценностями любви, свободы и совести. Соответствующие нравственные принципы направлены на саму личность, они имеют целью правильное формирование ее духовного «строения». Наконец, еще одну группу нравственных требований составляют принципы, которые направлены на гармонизацию отношений личности с обществом и с другими личностями. В таком качестве Ильин в основном говорит о справедливости.

Итак, высшим принципом, требованием в нравственной сфере Ильин признает принятие человеком правильной веры. Как утверждал философ, человек не может жить без веры. Есть люди, которые не верят в Бога, но они верят во что-то другое, что считают для себя действительно самым важным и существенным в жизни, что является предметом их желаний и стремлений. Вера, для И.А. Ильина, – это «главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки» [2, с. 43]. По мнению мыслителя, человек не ограничивает себя только «чувственно внешним опытом», не отводит ему преимущественного значения, основным он считает «духовный опыт», который соотносит с обретением «внутри себя» Божественного начала, которое ведет его во всей внешней жизни. Ведь человек является телесным, душевно-духовным существом. Одна из главных заповедей Православия гласит: «Да не будет у тебя других богов, кроме Сущего». Вера в Бога является одним из основных нравственных принципов философии Ильина.

Рассуждая о вере, он вводит категорию «предметности», рассматривая ее в идеальном, духовно-творческом аспекте. Жить предметно, по Ильину, «значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст жизни высший, последний смысл» [3, с. 182]. И далее философ отмечает: «Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле – Божьему Делу – «прекрасной жизни», по слову Аристотеля, «Царству Божьему», по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, единственный и великий Предмет истории. И вот в его живую предметную ткань мы и должны включить нашу личную жизнь» [3, с. 82]. В.А. Цвык, один из исследователей творчества И.А. Ильина, отме-

чает, что предметность является одним из важнейших свойств учения об очевидности. И роль философа в деле духовного и культурного обновления, с точки зрения Ильина, – расчистить путь нравственного совершенствования, облегчить человеку постижение очевидности.

Мыслитель призывал воспитывать новое поколение русских людей в системе «предметного воспитания», нравственный идеал которого должен формироваться на основе трех законов духа, по Ильину, – свободы, любви и предметности. «Предметность жизни» является тем нравственным идеалом, который дает человеку чувство собственного духовного достоинства, к которому должно стремиться новое поколение русских людей. По этому поводу И.А. Ильин писал: «Всякому человеку доступно, и достойно, и необходимо поставить в своем сердце этот молитвенный алтарь, внимать зовам совести и чести и сделать свою волю орудием Воли Божией, – и тем утвердить в себе духовное достоинство, как основу личной жизни, как верное мерило людей и их поступков, как чувство личного, общественного и политического ранга» [3, с. 191]. Идеал в понимании И.А. Ильина – это «объективно лучшее и в то же время объективно существующее, т.е. подлинно реальное, подлинное совершенство. А это есть Бог» [4, с. 356]. Рассматривая понятие «нравственный идеал», Ильин развивал идеи П.И. Новгородцева, который в своей концепции общественного идеала считал, что идеал реализуется в нравственном возвышении каждого человека и духовном единении людей в Боге, а нравственный прогресс становится заметным там, где воплощено «дело Божие» [5, с. 35].

Путь к Богу, по И.А. Ильину, не принудительный, он открывается человеку. Людям дается свобода верить и не верить. В Евангелии утверждается, что Богу нужна «свободная вера», «свободная молитва». Принцип свободы является неотъемлемым для нравственной философии И.А. Ильина.

Рассуждая о политической свободе в понимании Ильина, исследователь М.А. Маслин очень точно заметил, что философ оценивал ее как результат гармонического сочетания «внутренней» и «внешней» свободы личности. Человек, который не освободил себя внутренне, не может быть творцом внешней, общественной свободы. Свобода приобретает, по И.А. Ильину, самим человеком, в напряженном борении за личную духовную автономию. Автономный человек – это духовно, социально, нравственно зрелый человек, с чувством ответственности, гражданственности, способный уважать автоно-

мию других людей. Все социальные свободы, и на это обращает внимание исследователь Л.И. Василенко, вторичны у И.А. Ильина по отношению к свободе духовно зрелой личности. Люди должны «вырастить» свою свободу из правильно поставленной религиозной жизни.

Две главные заповеди в Евангелии призывают к любви: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф., 22:37 – 39). Заповедь любви к Богу, к Родине, к родителям, к ближнему, взятая И.А. Ильиным из Православия, является еще одним из основных нравственных принципов его философии. Неслучайно Ильин отмечал, что «самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры является любовь» [2, с. 70].

Это прежде всего «духовная любовь», которую философ понимал как человеческую любовь, которая «прилепляется к объективно-значительному и священному жизненному содержанию, которым действительно стоит жить и за которое стоит бороться и умереть» [6, с. 106]. Как отмечает один из исследователей творчества И.А. Ильина, Н.К. Гаврюшин, «прозрев сердцем в любви», человек, по мнению Ильина, обретает подлинную веру, а вера формирует волю, совесть, мышление и действия человека. Бог становится живым средоточием его духовной жизни.

Говоря о духовной любви, И.А. Ильин вводит понятие «сердечного созерцания» как «самого драгоценного и могучего религиозного акта». Он понимал под этой категорией «духовное видение, способное воспринимать чувственные и нечувственные предметы, но очищающее и символически углубляющее чувственный взор человека» [6, с. 107]. Это внутреннее «духовное око», благодаря которому человек может узреть Бога, созерцанием любви увидеть лучи Божьи. Ю.Т. Лисица, рассматривая этимологию и значение данной категории в творчестве Ильина, отмечает, что сам философ называл «сердечное созерцание» «главным органом Православного Христианства», внутренним опытным «зрением», направленным к Совершенству. А сердце, в понимании И.А. Ильина, отмечает исследователь: «...есть свободнейшая из сил человеческого духа, не терпящая ни повелений, ни запретов» [7, с. 13].

Духовное, сердечное созерцание способно присоединяться, с точки зрения мыслителя, ко «всякому культурно-творящему акту» и сооб-

щать ему духовную значимость, глубину и чистоту. Соединяясь с правосознанием, сердечное созерцание превращает его в правовую интуицию, а присоединяясь к воле, связывает ее с совестью, сообщая ей глубину и благородство. Это одно из понятий, которое можно отнести к религиозно-нравственным категориям в философии И.А. Ильина.

Еще одним нравственным принципом философии Ильина является совесть. Ее считал мыслитель «одним из чудеснейших даров Божиих», и то, к чему она зовет, есть «нравственно-совершенное». В совести действия, решения и оценки соотносятся не с мнением окружающих, а с долгом. О долге в отношении совести И. Кант писал: «Культивировать свою совесть, все больше прислушиваться к голосу внутреннего судьи и использовать для этого все средства» [8, с. 336]. По И.А. Ильину, совесть – это ответственность человека перед самим собой, перед Богом как носителем высших универсальных ценностей. Он отмечал: «Во всяком жизненном деле, где личное своекорыстие сталкивается с интересами дела, службы, предмета, совесть является главной силой, побуждающей человека к предметному поведению; поэтому там, где совесть вытравляется из жизни, ослабевают чувство долга, расшатывается дисциплина, гаснет чувство верности, исчезает из жизни начало служения; повсюду воцаряются продажность, взяточничество, измена и дезертирство; все превращается в бесстыдное торжище, и жизнь становится невозможной ...» [2, с. 114–115]. И далее он продолжал: «Совесть есть то светящееся лоно, из которого исходят, пронизывая всю жизнь, лучи качества, ответственности, свободы, справедливости, предметности, честности и взаимного доверия» [2, с. 115]. Совесть активизирует всю нравственную жизнь человека, являясь важным механизмом утверждения справедливости и добра.

Как религиозный философ, он соотносил нравственное, духовное становление личности, нравственные принципы еще с такими основными заповедями Православия, как «не убий», «не прелюбодействуй», «не укради», «не лжесвидетельствуй», «не завидуй». Именно их признание в качестве основы общественной жизни является главным признанием богоугодности народа, а их соблюдение – критерием нравственного достойного поведения. Эти заповеди задают основную меру справедливости – еще одного из принципов нравственной философии И.А. Ильина. Но справедливость, в понятии мыслителя, соотносится с «неравенством» (на эту особенность обращал внимание ряд исследова-

вателей, в том числе Ю.И. Сохряков). По мнению Ильина, еще со времен Французской революции человечеству был передан вредный предрассудок, что люди от природы «равны» и вследствие этого с ними надо обходиться «одинаково». Но на самом деле они разного пола, дарований, принадлежат к разному духовному уровню, «неодинаковы ни телом, ни душой, ни духом». Соответственно, справедливое отношение к людям требует «предметно-обоснованного неравенства». Слабого надо щадить, ребенка надо беречь, к безвольному надо больше строгости. Таким образом, сущность справедливости, по И.А. Ильину, «состоит именно в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми» [9, с. 156]. Она присуща только благородным душам, проистекает из живой наблюдательности, от доброго сердца; созерцательна и интуитивна. Как отмечал философ: «Она делает человека деликатным, «социальным», настраивает его на меру, располагает к состраданию». Справедливость родственна такту, чувство ответственности ей ближе всего. И если где-нибудь на свете – возможно, в небесах? – есть весы всеобщего уравниательства, верно взвешивающие неравенство, то, говоря о нравственных принципах, Ильин выделяет и соответствующие им категории, как те нравственные понятия, которые задают основные ориентиры для действия человека в мире, т.е. как понятия, исходя из которых, человек реализует основные нравственные требования. В определенном смысле нравственные категории близки к нравственным принципам, и граница между ними достаточно условна [10, с. 73].

Нравственные категории у И.А. Ильина можно подразделить по содержанию: благо, добро, долг, честь, достоинство, милосердие и другие а также по знаку – на положительные и отрицательные: польза – вред, добро – зло, наслаждение – страдание, счастье – несчастье и другие. У И.А. Ильина есть ряд категорий религиозно-нравственного характера, таких как сердечное созерцание, смирение, религиозное очищение, религиозная искренность, предметность и другие.

Нравственные категории относятся к понятиям нравственного сознания. Их специфика заключается, прежде всего, в том, что они по своему выражают нравственную жизнь общества и личности. Кроме того, эти понятия используются для оценки различных поступков людей.

Большое внимание Ильин уделял нравственным категориям добра и зла. В своей книге «О сопротивлении злу силою» он подробно рассматривает эти понятия. Добро, с точки зрения

И.А. Ильина, – это «одухотворенная любовь», а зло – противодуховная вражда, слепая сила ненависти. Проблема сопротивления злу, по его мнению, разрешается основным принципом: борьба ведется одухотворенной любовью, нужно противиться злу из любви, защищая униженного. И если у стремящегося к добру нет в распоряжении психических и духовных средств для преодоления зла, то он обязан использовать психическое и физическое принуждение или предупреждение. Это является религиозной и патриотической обязанностью человека, считал Ильин. Так как дать волю злодею – значит предать слабых.

Допускал возможность применения силы для обуздания зла и известный русский философ В.С. Соловьев, также полемизируя с учением Л.Н. Толстого о непротивлении злу силой, как и И.А. Ильин.

В работах И.А. Ильина присутствует и такое понятие нравственного сознания, как долг. Если у И. Канта долг есть необходимость совершения поступка из уважения к закону (конечно, эти поступки совершаются не по принуждению, а по доброй воле, сознательно), то у И.А. Ильина долг – это осознание личностью безусловной необходимости исполнения того, что заповедуется нравственным идеалом. Долг человека – делать добро другим людям, следовать по пути добродетели, не допускать в себе порочности, противостоять злу, служить «божьему делу» на земле. Сознание долга находится в тесном взаимодействии с совестью.

Рассуждая о человеке, И.А. Ильин говорил о значении труда в жизни людей, о том, что труд должен быть любимым, вдохновенным. Трудолюбие является еще одной нравственной категорией, на которую обращает внимание Ильин. Труд занимает особое место в системе нравственных ценностей. У философа в работе «Путь к очевидности» есть глава, посвященная труду. Она так и называется «Хвала труду», в которой мыслитель критикует давно известную мечту о «блаженной» стране, где царит изобилие, где «текут молочные реки в кисельных берегах», где не надо работать. Он призывает расстаться с этой утопией и понять, «...что жизненный идеал обретается где-то в совсем иных сферах. Потому что жизнь без труда – позорна и несчастна, а честный труд есть уже наполовину само счастье; да, конечно, только наполовину: ибо цельное счастье – не только в честном, но, сверх того, еще и любимом, и вдохновляющем труде над созиданием Царства Божия» [1, с. 386–387].

Вводя категорию «счастье», которая выражает определенный срез нравственной жизни че-

ловека, И.А. Ильин соотносил ее с творческим, вдохновляющим трудом над утверждением и строительством Царства Божьего на земле. Счастье в его понимании – это достаточно сильное переживание полноты бытия, состояние высшей удовлетворенности своей жизнью в служении «божьему делу». Счастье – это когда с радостью идешь на работу, когда ты значим для себя, для других, когда ты трудишься и создаешь что-то новое на благо людей, пользуешься уважением. Но всякий труд – это и исследование, «расширение человеческого горизонта, человеческих перспектив и человеческой власти» [1, с. 390]. Человек не стоит на месте, он создает нечто качественно новое, и несет ответственность за результаты своего труда.

Говоря о труде, Ильин очень негативно относился к безработице как к безнравственному явлению, от которого страдало человечество в двадцатом веке. Его слова актуальны и для наших дней. Он писал: «Пора признать и выговорить, что безработица как таковая, пусть обеспеченная или даже затопленная частными и государственными субсидиями, унижает человека и делает его несчастным... пробуждает в сердце здорового человека всевозможные ощущения личной несостоятельности, приниженности, обиды и горечи» [1, с. 387]. И, видя, как другие трудятся, он ощущает себя «сопричисленным к социальному отбросу», начинает смотреть на жизнь с безнадежностью, на правопорядок – с презрением, предается ненависти, зависти, начинает думать о мести и революции – такова печальная реакция человека на безработицу, по мнению И.А. Ильина. Здесь же он отмечал, что «здоровому человеку труд нужен, как воздух, как уважение к себе самому, как радость, как молитва» [1, с. 388].

Философ был убежден, что Россию освободят не безответственные честолюбцы, а поколение, осознавшее и принявшее духовность, стремящееся к совершенству, для которого характерно «духовное достоинство», ответственность за свои поступки. Духовное достоинство, по Ильину, состоит в том, что «предстоящий человек утверждает свою жизнь приятием Божественного, любовью к Нему и верностью Ему» [1, с. 363].

Рассматривая ответственность как нравственную категорию, Ильин делил ее на предварительную и последующую. Он отмечал, что предварительная ответственность есть «живое чувство предстояния и призванности» и в то же время – живая воля к совершенству. Основополагающее значение в культурном творчестве принадлежит именно предварительной ответственности

сти. По мнению мыслителя, ответственность всегда дисциплинирует человека, сосредоточивает его и вдохновляет.

Основываясь на принципе любви, Ильин рассматривает такие понятия, как «патриотизм» и «национализм». В современной действительности под национализмом понимают «идеологию и политику, заключающуюся в проповеди национальной обособленности и исключительности, недоверии к другим нациям, в разжигании межнациональной вражды» [11, с. 247]. Для Ильина же национализм – это защитная реакция нации на извращение начал национального духа и бытия, причастность к судьбе нации, «любовь к духу своего народа и притом именно к его духовному своеобразию» [2, с. 196], а патриотизм – это чувство любви к Родине. Таким образом, у Ильина понятие «национализм» отличается от его современной трактовки, оно близко к патриотизму, но это более частное понятие. Национализм – это составная часть патриотизма с положительным значением для формирования личности. Все отрицательные проявления национальных чувств, такие как ненависть к другим народам, обособление, самомнение, философ не считал сущностью национализма, а его извращением. Национализм, по его мнению, учит чтить духовные достижения других народов, их национальное чувство, так как «они причастны дарам Божиим, и они претворили их посвоему» [12, с. 327].

Таким образом, основными нравственными принципами (требованиями) философии И.А. Ильина являются необходимость обладать верой в Бога, требование выстраивать свою личность на основе господства в духовном опыте любви, свободы, совести и справедливости. Эти нравственные принципы действуют на основе соответствующих категорий, таких как добро и зло, долг, ответствен-

ность, честь и достоинство, трудолюбие, патриотизм и национализм, милосердие, счастье и другие. В ряде своих работ Ильин вводит категории, которые носят религиозно-нравственный характер, такие как «сердечное созерцание», «религиозная искренность», «предметность жизни», как нравственный идеал.

Литература

1. Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Религиозный смысл философии. – М.: АСТ, 2003.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. – М.: Русская книга, 1996.
3. Ильин И.А. О воспитании в грядущей России // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2 Кн. 2. – М.: Русская книга, 1993.
4. Ильин И.А. Борьба за Россию // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9–10. – М.: Русская книга, 1999.
5. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991.
6. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М.: АСТ, 2004.
7. Лисица Ю.Т. Дар сердечного созерцания // Ильин И.А. Огни жизни. – М.: Русская книга – XXI век, 2006.
8. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4 (2). – М., 1965.
9. Ильин И.А. Поющее сердце // Ильин И.А. Огни жизни. – М.: Русская книга – XXI век, 2006.
10. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь // Ильин И.А. Огни жизни. – М.: Русская книга – XXI век, 2006.
11. Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. – М.: Проспект, 2009.
12. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. – М.: Русская книга, 1996.

Станкевич Анджела Родионовна, кандидат философских наук, декан юридического факультета Калининградского филиала Московского финансово-юридического университета, г. Калининград, e-mail: Andgela-64@mail.ru

Stankevich Andgela Rodionovna, candidate of philosophical sciences, head of the law faculty, Moscow University of Finance and Law (Kaliningrad Branch), Kaliningrad, e-mail: Andgela-64@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БАЗОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье обоснован тезис о том, что содержание взаимодействия социальных институтов определяется иерархией социальных потребностей и системой ценностей общества; форма взаимодействия социальных институтов определена сложившейся технико-технологической основой коммуникационных процессов.

Ключевые слова: социальные институты, система ценностей, коммуникационные процессы, информационное общество, цивилизационное развитие.

S.A. Vlasova

INTERACTION MECHANISMS OF BASIC SOCIAL INSTITUTIONS IN RUSSIA UNDER THE CONDITIONS OF FORMATION OF INFORMATION SOCIETY: TO PUTTING FORWARD A QUESTION

The paper substantiates the idea that the content of interaction of social institutions is defined by a hierarchy of social needs and value system of society. The form of social institutions' interaction is defined by the current technical and technological basis of communication processes.

Keywords: *social institutions, values system, communication processes, information society, development of civilization.*

Актуальность проблемы настоящего исследования обусловлена качественно новым этапом цивилизационного развития, в который вступает ряд стран мира, включая Российскую Федерацию. На этом этапе социальное бытие российского общества сопровождается глубокими структурными изменениями. Эти изменения происходят в специфически новом контексте, одним из важных атрибутов которого выступает интенсивный рост значения информации, в связи с чем информация, информатизация превращаются в существенный фактор направленности и содержания процессов, происходящих в социальной сфере. Осмысление этого нового для мировой цивилизации феномена, впервые артикулированного на уровне прогноза еще во 2-й половине XX в., первоначально привело к получению техническим понятием «информация» статуса социально-философской категории и разработке ряда теорий, в которых рассматривается возможность эволюции человечества в специфическое «информационное» общество. Его характерными чертами предполагают тотальную информатизацию социума, создание общемирового информационного пространства, стимулирующего социокультурную интеграцию, приоритетный спрос и предложение на информацию (как на товар и услугу) с сопутствующим возрастанием роли образования и формированием новых социальных страт, унификацию политических режимов, в связи с созданием «электронных» правительств с эффективной обратной связью и другое.

Большое внимание при рассмотрении условий формирования информационного общества уделяется взаимодействию социальных институтов. Появилось много исследований этого феномена в рамках частных наук: политологии, юриспруденции, экономики и т.д. Появление такого рода исследований связано с тем, что новые условия жизнедеятельности ведут к глубоким изменениям содержания отношений между субъектами социальных институтов, а такие отношения имеют политический, правовой, экономический или иной характер. Однако чтобы

понять сущность происходящих изменений, недостаточно теоретических разработок в политике, праве или экономике, требуется выход на уровень социально-философского осмысления. В настоящее время сформирован фронт серьезных социально-философских исследований, ориентированный на разработку актуальных тем постиндустриального периода. Этот исследовательский фронт поддерживается на уровне национальных государств, региональных и мировых структур. Речь идет, в первую очередь, о структурах, находящихся под эгидой Организации объединенных наций (ООН) – ЮНЕСКО, UNGIS, а также Международного телекоммуникационного союза (МТС), Всемирной торговой организации (ВТО), Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Организаций экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и др.

Так, например, в рамках ЮНЕСКО регулярно, с начала 2000-х гг., проводится уникальное международное мероприятие «Всемирный саммит по информационному обществу» (Москва, Торонто, Женева, Каир и другие города), на котором вырабатываются принципы «информационного общества для всех» и план действий, который позволяет повысить качество образования и жизни с использованием достижений науки и техники [1]. К данной международной работе привлечены серьезные интеллектуальные силы государств – членов ООН. Созданные ими по данному направлению теоретические разработки отражают видение основных гуманитарных проблем формирующегося информационного общества, которые проявились с конца XX – начала XXI вв. — отражают комплексно, в философских, социально-политических, социологических, культурологических, технологических аспектах.

«Всемирный саммит по информационному обществу» – лишь одно из множества мероприятий, проводимых на сегодняшний день. В документах ООН и других международных организациях остро ставится вопрос о равенстве государств и их граждан в праве пользования науч-

но-техническими достижениями для своего духовного обогащения, в оптимизации взаимодействия социальных институтов для нужд всех слоев общества. Разъясняется, что «все возрастающие информационные потоки сами по себе являются недостаточным условием для того, чтобы понять те благоприятные возможности, которые дает знание... (но позволяют – прим. автора) сократить разрыв, обусловленный цифровыми технологиями, который детерминирует неравенство в развитии, лишая отдельные группы населения и целые страны тех преимуществ, которые дает знание и информация» [1, с. 5]. Следует отдать должное таким организациям в их приверженности к систематической работе по распространению передовых информационных технологий в процессе совершенствования образовательных и иных институтов разных стран, в том числе, тех, которые можно отнести к наименее развитым.

Вместе с тем, следует отметить, что в центре внимания ученых, как правило, находятся все-таки не страны третьего мира, но лидеры мировой информационной индустрии: США, ЕС и Япония, реже – патронированные ими анклавы в менее развитых странах мира. Такая неравномерность мирового развития объективно влияет на распределение объемов научных исследований. Относится это наблюдение и к нашей стране, не входящей, по мнению большинства зарубежных исследователей, в число информационных стран-лидеров. Периферийное положение, которое занимает Россия в этих научных исследованиях трансформаций социальных структур под влиянием новых технологий, фактически, исключает ее из объектов современного социально-философского анализа.

Существенно лучше положение по осмыслению процессов, происходящих в социальной сфере России под влиянием информатизации, в отечественном социально-философском сегменте. Сложность и противоречивость развития национальных социальных институтов в новых условиях – важная тема научных исследований. В российском обществе существует спрос на такого рода исследования. Этот спрос конвертируется в разного рода установки, институты и кодексы, в том числе и на государственном уровне (например, Совет по развитию информационного общества в Российской Федерации (с 2008 г.), Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.), Концепция региональной информатизации до 2010 г. (2006 г.), всероссийская программа «Цифровой город» (2005 г.) и другие).

Ориентирована на приоритетную информатизацию России и стратегия социально-экономического развития страны до 2020 г., которая, по сути, является политическим решением о переводе российской экономики с инерционного сырьевого на инновационный путь развития. Для перевода страны на инновационный путь развития ставится задача кардинального повышения инновационной и инвестиционной активности, доведения уровня накопления до 30% от ВВП, перехода к стандартам развитых стран в сфере бюджетной политики. Это означает, что уровень финансирования образования должен достичь 7% от ВВП, здравоохранения – 6%, науки – 3%. Иными словами, расходы государства на отрасли, так или иначе связанные с информатизацией, к 2020 г. должны быть удвоены [2]. Приведенные выше цифры есть важный показатель активной и определяющей на сегодняшний день роли такого важного социального института как государство при его взаимодействии с другими социальными институтами.

Активно работает в прогнозном поле Российская академия наук – она разработала прогноз научно-технологического развития Российской Федерации и дала соответствующие рекомендации по оптимизации деятельности социальных институтов [3]. Ученые констатируют: Россия делает свой выбор в пользу перехода от сырьевой к высокотехнологичной модели развития, к экономике, основанной на знаниях. Такой стратегический маневр, по их мнению, требует совместного участия государства, науки, бизнеса и общества в процессах формирования национальной инновационной системы, своевременного выявления новых областей знаний. В связи с этим, анализ долгосрочных тенденций научно-технологического развития, своевременная корректировка на этой основе научных приоритетов должны стать важнейшими элементами процесса управления, механизмом формирования государственной политики в научно-технологической сфере, ориентиром деловой стратегии предпринимательского сектора.

Что касается российского негосударственного сегмента, то в него входят десятки экспертных институтов, прямо или косвенно связанных с информатизацией. Среди таких структур следует упомянуть: Институт развития информационного общества, Институт развития свободы информации, Фонд развития интернета и другие. Также в нашей стране проводятся ежегодные конференции и другие профессиональные мероприятия, существует профильное интернет-сообщество. Транслируемый этим сообществом содержательный посыл напрямую связан с по-

иском оптимальной модели взаимодействия социальных институтов в формирующемся в России информационном обществе, хотя, зачастую, и не достигает уровня социально-философского осмысления.

Социально-философское исследование механизма взаимодействия базовых социальных институтов России является необходимым для формирования целостного представления о характере преобразований социальной сферы нашей страны, а также для объективной интерпретации, прогнозирования и регулирования процессов цивилизационного развития постсоветской России.

Во второй половине XX в. перспективы нового этапа цивилизационного развития и способов взаимодействия, которые, в связи с этим, возможны для социальных институтов развитых стран, были рассмотрены Дж. Андерле, Р. Ароном, З. Бауманом, З. Бжезинским, Ж. Бодриаром, Дж. Бенигером, Т. Бэрманом, И. Валлерштайном, Н. Луманом, Т.М. Порат, Т. Стоуньером, П. Штомпкой, М. Фуко, Ф. Фукуямой, В. Эттелем, русскими эмигрантами П. Сорокиным и А. Зиновьевым. Социально-философской классикой институционального анализа постиндустриального общества в его информационных проявлениях стали труды Д. Белла (концепция «пяти секторов») и Э. Тоффлера (концепция «трех волн»). Отдельную группу составляют источники, посвященные анализу информационного общества, прежде всего, исследования классиков науки XX в.: И. Валлерстайна, О. Ианни, Й. Масуды, Н.Н. Моисеева, М. Кастельса, Р. Робертсона, Л. Склэра, Б. Тернера, Э. Тоффлера, М. Фезерстоуна, и др., – в работах которых осуществляется анализ влияния информационных процессов на трансформации социальных связей и взаимосвязей социальных институтов. Особую группу работ составляют исследования взаимосвязи информационных процессов и процессов глобализации. Если в работах З. Бжезинского, Г. Киссинджера, К. Поппера, Ф. Фукуямы, Дж. Сороса и др. представлены идеи революционного глобализма, то идеям эволюционного глобализма посвящены работы У. Андерсона, У. Бека, З. Баумана, Дж. Стиглица, В. Толстых, М.Г. Делягина, В.И. Добренькова, В.Л. Иноземцева и др. Комплексному анализу социальных процессов в информационном обществе, в частности, исследованию формирования сетевого общества и превращения пространства мест в «пространство потоков» посвящены работы М. Кастельса [4, 5].

Уже сегодня сформирован достаточно серьезный теоретико-методологический базис, кото-

рый может служить основой научных исследований российских социальных институтов. Усилиями научного сообщества накоплен и систематизирован значительный материал, помогающий провести полноценное исследование взаимодействия базовых социальных институтов России в условиях формирования информационного общества. Вместе с тем уровень исследования отечественными учеными проблем нового качества взаимодействия социальных институтов представляется недостаточным. Примером может стать анализ способов передачи информации (В.Н. Дубровский, Т.В. Науменко, Л.К. Аверченко), при котором взаимодействие рассматривается как универсальный мировой феномен, а специфика социального (в форме института) нивелируется. Другим примером может послужить ограничение предмета исследования, когда ученые проводят анализ взаимодействия структур в рамках одного социального института в контексте его развития. Речь может идти об институтах государственной власти, институте образования, институте науки и других, находящихся в особой информационной среде. Именно такое ограничение составляет методологическую основу разрабатываемой учеными ИФ РАН концепции технонауки (А.И. Ракилов) [6, 7].

Наконец, часть отечественных исследователей на высоком теоретическом уровне рассматривая взаимосвязи в российском обществе в качестве специфических информационных процессов, ограничивается прикладной стороной анализа («правовые аспекты в информационной области» Г.В. Белова, «информационно-коммуникативные средства» М.А. Костяева, «национальные информационные ресурсы» Г.Р. Громова и другие), не выходя на социально-философские обобщения, связанные с новым качеством этапа цивилизационного развития, в который вступает Россия. Наблюдается явный недостаток социально-философских исследований, направленных на выявление специфики взаимодействия социальных институтов (в первую очередь, базовых институтов как ключевых элементов общественной системы), в том числе, исследований, определяющих социокультурную природу таких взаимодействий.

Автор полагает, что заявленную в названии статьи проблему возможно решить посредством обобщения опыта социально-философского осмысления информационного общества как сферы взаимодействия социальных институтов; кроме того, необходимо уточнить понятийный аппарат социально-философской теории для адекватного описания взаимодействия социаль-

ных институтов в условиях формирования информационного общества; равно как и необходимо определить основания выделения базовых социальных институтов, взаимодействие которых выступает важной детерминантой социальной структуры формирующегося информационного общества; а также посредством систематизации и классификации механизмов взаимодействия базовых социальных институтов в условиях формирования информационного общества.

Формирование и функционирование социальных институтов конкретного общества детерминируется, прежде всего, существующей системой социальных потребностей. Содержание взаимодействия социальных институтов определяется рядом факторов, в числе которых: существующая иерархия социальных потребностей, система ценностей общества, сформированные механизмы удовлетворения потребностей. Форма взаимодействия социальных институтов в существенной мере зависит от сложившейся технико-технологической основы коммуникационных процессов. Новые технологические основания, механизмы и возможности коммуникации порождаются информационным обществом, что в существенной мере влияет на форму взаимодействия и – через формирование новых социальных потребностей – на содержание взаимодействия базовых социальных институтов.

Полноценное участие России в формировании информационного этапа развития мировой цивилизации и включение ее в глобализацион-

ные процессы современности не исключает особенного характера взаимодействия ее базовых социальных институтов, имеющих уникальную социокультурную природу.

Литература

1. Всемирный саммит по информационному обществу // сост. Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов. – СПб.: Изд-во РБН, 2004. – 214 с.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации / Проект МЭРТ РФ, 2007.
3. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.) (концептуальные подходы, направления, прогнозные оценки и условия реализации). – М.: РАН, 2008.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. По ту сторону тысячелетия. – М.: ГУ-ВЭШ, 2000.
5. Кастельс М. Могущество самобытности. Социальные преобразования в обществе сетевых структур / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999.
6. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории. Информации и культуры: пример России // Вопросы Философии – 1994. – № 4. – С.14–34.
7. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат. – 1991.

Власова Светлана Александровна, кандидат философских наук, доцент, и.о. директора филиала Российского государственного социального университета в г. Нефтеюганск, г. Нефтеюганск, e-mail: rgsu86@bk.ru

Vlasova Svetlana Alexandrovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, acting director, Russian State Social University (Nefteyugansk Branch), Nefteyugansk, e-mail: rgsu86@bk.ru

УДК 1:316.3

© Я.В. Башмановская

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ВЫХОДА ИЗ СОСТОЯНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

В статье рассматривается проблема преодоления социального отчуждения как условие выхода из состояния одиночества. Обосновано, что отчужденность индивида от социума влечет за собой переживание чувства одиночества. На основе социально-философских воззрений Э. Фромма доказано, что ощущение единства с окружающим миром является одной из главных духовных потребностей человека.

Ключевые слова: социальное отчуждение, одиночество, единство, окружающий мир, индивид.

Ya.V. Bashmanovskaya

OVERCOMING SOCIAL ALIENATION AS A CONDITION OF RELEASE FROM A STATE OF LONELINESS

The article researches the problem of overcoming social alienation as a condition of release from a state of loneliness. It is proved that the alienation of the individual from society entails experiencing a feeling of loneliness. On the basis of Fromm's socio-philosophical views it is proved that the feeling of unity with environment is one of the main spiritual needs of a person.

Keywords: social alienation, loneliness, unity, environment, individual.

Несмотря на стремительный научно-технический прогресс человечества, индивид остается неадаптированным, неукорененным в бытие. Существенной чертой современного, постсоветского пространства является отчуждение человека от общественно-политической жизни. Индивид все более сосредоточивается на собственном жизненном мире, в то время как социальные процессы остаются без должного внимания и восприятия. Следовательно, разрушаются социальные контакты человека с другими субъектами деятельности, а также теряется чувство единства с обществом, нацией, человечеством. Как следствие, возникает чувство одиночества, восприятие окружающего мира и собственного «Я» как враждебных друг другу. Лишь преодолев социальное отчуждение, индивид ощущает единство с другими людьми, создавая тем самым условия для преодоления собственного одиночества.

Указанную проблему исследовали как отечественные (И. Гавриленко, О. Головкин, О. Левкина, И. Новикова, А. Топорков, А. Спиринов, С. Франк), так и зарубежные (Г. Маркузе, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Ясперс) ученые. Несмотря на многочисленные исследования проблемы отчуждения в рамках различных философских и психологических направлений (немецкая классическая философия, марксизм, Франкфуртская школа, фрейдизм, советская и постсоветская философская мысль), следует отметить, что не существует единого подхода к анализу социального отчуждения в его взаимосвязи с экзистенциальными проблемами бытия человека. Проблема отчуждения и одиночества возникает тогда, когда рушатся социально-психологические связи человека с другими индивидами и с миром в целом. С позиции этого подхода предлагаем рассматривать социальное отчуждение в его взаимосвязи с проблемой одиночества.

Значительный вклад в исследование проблемы одиночества внес немецкий философ и психолог К. Ясперс. На его взгляд, есть две возможные формы жизнедеятельности человека – «против мира» и «в мир» [5, с. 400]. В зависимости от того, на какой путь станет человек, будет зависеть состояние его внутреннего мира. «Первый путь (против мира – Я.Б.) ведет из мира к одиночеству» [5, с. 400]. Философ замечает, что сделать такой выбор может лишь тот, кто сам приговаривает себя к деградации, отказывается от развития собственного «Я», отрекается от собственной сущности. «Если же он (человек – Я.Б.) пытается обособиться от мира и сохранить

полную независимость, то погрузится в пустоту, <...> он теряет истину в бегстве из мира» [5, с. 400]. Следствием отчуждения человека от общества является не только чувство одиночества, но и процесс саморазрушения и деградации способностей. Страдает не только человек, но и социум, так как уровень развития отдельных индивидов детерминирует уровень развития общества в целом. Отчужденные индивиды не способны решать общественные проблемы, побуждаться интересами социума.

Поэтому К. Ясперс подчеркивает, что «действительность мира невозможно игнорировать. Ощутить суровость действительности – единственный путь, который ведет к себе» [5, с. 400–401]. Человек должен выбрать путь не «против мира», а «в мир». Философ обращает внимание, что внутренняя и внешняя жизнь человека получает свое развитие лишь посредством связи индивида с окружающим миром. К. Ясперс отмечает, что эта связь не является принудительной, а, наоборот, органичной, принятой человеком, без которой он уже не мыслит собственное бытие. Именно эта связь, единство человека и общества обеспечивают целостность жизни личности [5, с. 403]. С одной стороны, индивид воспринимает свою, индивидуальную жизнь и жизнедеятельность общества целостно, в органичной взаимосвязи друг с другом. С другой – различные события жизни человека воспринимаются не как отдельные фрагменты прошлого и настоящего, а также целостно, благодаря тому, что все они обращены на укрепление чувства единства человека с миром. Ощущение целостности собственной жизни, на наш взгляд, делает невозможным возникновение чувства одиночества.

К. Ясперс акцентирует внимание на том, что в условиях отсутствия связи человека с миром, отчуждения от жизнедеятельности общества у индивидов «вырастает сознание хаоса» [5, с. 403]. Деятельность человека в лучшем случае носит эгоистический характер, а в худшем – бесцельный, хаотичный. Цели в процессе трудовой деятельности ориентированы на ближайшие перспективы, а не на далекое будущее с заботой и ответственностью перед будущими поколениями. По этому поводу К. Ясперс констатирует, что «в отрыве от исторических связей, в превращении в толпу любым образом взаимозаменяемых индивидов, выполняющих определенные функции в аппарате, действует тенденция разложить человека на короткие перспективы настоящего» [5, с. 403]. Философ убежден, что социальное отчуждение, разрыв внешних связей

«завершается внутренним хаосом» [5, с. 403], экзистенциальной пустотой, одиночеством. Поэтому, по мнению К. Ясперса, «сегодня вызывают к новым связям, к авторитету и церковной религиозности» [5, с. 403], возрастает актуальность укрепления единства человека с духовными ценностями и культурой.

Феномены отчуждения и одиночества известный философ и социальный психолог Э. Фромм анализирует сквозь призму проблемы свободы. Так, в своей работе «Бегство от свободы» ученый обращает внимание на то, что человечество всегда стремилось к независимости, психологической свободе и индивидуализму, но в то же время свобода изолировала человека, сделала его отчужденным и пробудила в нем чувство бессилия, тревоги и одиночества. Это отчуждение через достижение свободы стало для человека невыносимым, и поэтому возник вопрос: «либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого» [4, с. 8].

Внешнюю и внутреннюю свободу, которую достиг человек, по мнению Э. Фромма, можно охарактеризовать, как возможность человека раскрывать и реализовывать собственную индивидуальность, способность управлять собой, т.е. самостоятельно принимать решения независимо от влияния политических и других социальных институтов. Свобода также выразилась «в принципах экономического либерализма, политической демократии, отделении церкви от государства и индивидуализме в личной жизни» [4, с. 13].

Однако возникает вопрос: насколько всецелое стремление индивида к свободе отвечает истинной природе человека? В связи с этим Э. Фромм поднимает следующую проблему: определяется ли свобода отсутствием зависимости и социально-психологической связи с обществом, внешним миром, либо же эта свобода предполагает и некое чувство единства с другими субъектами деятельности? [4, с. 15]. По мнению философа, наряду с врожденным чувством свободы у каждого человека есть инстинктивное тяготение к единству с внешним миром. Э. Фромм убежден, что это обусловлено двумя группами противоположных и врожденных черт характера. Как известно, характер индивида формируется в процессе социализации, тем не менее, ученый акцентирует внимание на том, что от природы в характер человека заложены две тенденции: с одной стороны, стремление к независимости, индивидуальности, свободе, и с другой – по-

требность в единстве с окружающим миром. Э. Фромм подчеркивает, что есть такая часть природы человека, которая «составляет самую сущность человеческого бытия – это потребность связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества» [4, с. 26]. Стоит согласиться с фундаментальным выводом философа, что каждый человек по своей природе является частью социума, с которым он себя идентифицирует и без которого теряет свою человеческую сущность. Именно в психологической и физической взаимосвязи с обществом индивид может реализовать собственные задатки и способности, стать тем, кем он может стать.

По мнению Э. Фромма, «чувство полного одиночества ведет к психическому разрушению, так же как физический голод – к смерти» [4, с. 26]. Соглашаясь с утверждением философа, следует подчеркнуть, что это психическое разрушение наступает вследствие того, что не реализуется внутренняя естественная потребность человека в единстве с обществом, культурой, природой, нацией. В продолжение собственных рассуждений Э. Фромм замечает, что, с одной стороны, индивид может быть физически одинок, но при этом связан с какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными стандартами, и это будет давать ему чувство общности и единства [4, с. 26]. С другой стороны, человек может быть физически среди общества, вступать в контакты с другими субъектами деятельности, однако за неимением чувства единства с ними ощущать чувство одиночества.

Одиночество, возникающее вследствие отсутствия чувства единства с миром, Э. Фромм называет моральным одиночеством: «Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями мы можем назвать моральным одиночеством» [4, с. 26]. Моральное одиночество, на наш взгляд, психологически тяжелее, чем физическое. По этому поводу Э. Фромм пишет: «Моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое; более того, физическое одиночество становится невыносимым лишь в том случае, если оно влечет за собой и одиночество моральное» [4, с. 26].

Человек может быть изолированным от общества, лишенным контактов с внешним миром, однако, ощущая с ним свое единство, будет находить в себе силы для физического существования. Философ отмечает, что, к примеру, религия, вера в Бога, чувство патриотизма либо другие твердые идейные убеждения «спасают человека, если связывают его с другими людьми, от самого страшного – изоляции» [4, с. 26], то есть отчуждения, а следовательно, и от одиночества.

Однако без чувства единства с окружающим миром, без идентификации с определенной нацией и ее культурой физическое одиночество будет непереносимым.

Таким образом, человек в стремлении обрести внутреннюю и внешнюю свободу игнорирует свою иную естественную потребность – быть органичной частью целого – общества, нации, природы и тем самым чувствовать с ними единство. Э. Фромм подчеркивает, что у современного индивида возникает, с одной стороны, растущая независимость от внешнего мира, а с другой – «его растущая изолированность, а в результате и растущее чувство ничтожности и бессилия» [4, с. 41]. То есть в результате возникает ощущение отчужденности, одиночества, страха, экзистенциальной пустоты. Э. Фромм дает ответ, почему так происходит: «Человек не может жить без какого-то сотрудничества с другими. В любом мыслимом обществе человек должен объединяться с другими...» [4, с. 27]. Однако, по мнению Э. Фромма, проблема заключается в том, что современный индивид, для того чтобы преодолеть социальное отчуждение и чувство одиночества, не ищет путей гармоничного, конструктивного единства с миром, а занимает позицию автоматизирующего конформизма» [4, с. 158].

Суть механизма конформного поведения заключается в том, что «индивид перестает быть собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть» [4, с. 159]. Выходит, что человек растворяется в массе, маскируя тем самым чувство одиночества. Индивид демонстрирует такое социальное поведение, которое одобряется обществом, принимает определенные формы общения и самовыражения. Следует заметить, что индивид при этом не ощущает любви, эмоционального единства, органической взаимосвязи с теми объектами и субъектами, которые выступают основой конформного поведения. Э. Фромм подчеркивает, что в процессе конформного поведения исчезает различие между собственным «Я» и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием» [4, с. 159]. Философ не случайно акцентирует внимание на том, что у человека исчезает именно осознанный страх. Острое переживание страха перед одиночеством исчезает, как и само острое переживание чувства одиночества, однако полностью они не исчезают, а лишь перемещаются в сферу подсознательного. Считаем, что подсознательный

страх одиночества вынуждает человека еще больше проявлять конформный тип поведения.

Итак, по мнению Э. Фромма, чаще всего люди используют именно конформное поведение как способ преодоления чувства одиночества. Вместе с тем, ученый утверждает, что «за это приходится платить утратой своей личности» [4, с. 159], вследствие чего человек теряет свою индивидуальность. На наш взгляд, истинный способ преодоления одиночества и сохранения индивидуальности заключается в органическом принятии окружающего мира и как следствие, – в социальном творчестве, в любви к обществу и в желании его качественно преобразовать, конструктивным образом решить общественные проблемы. Э. Фромм отмечает, что «только когда он (человек – Я.Б.) будет активно участвовать в социальном процессе, только тогда он сможет преодолеть причины своего нынешнего отчаяния: одиночество и чувство бессилия» [4, с. 229]. Именно в социальной активности индивид способен развивать и усиливать свое единство с окружающим миром.

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем, что человек в процессе своей социальной деятельности должен ощущать органическую взаимосвязь с социумом и его культурой, при этом сохраняя внутреннюю и внешнюю свободу. Свобода индивида заключается не в обособленном, отчужденном, эгоистическом образе жизни; наоборот, она реализуется в рамках добровольного, природного и естественного единства с обществом. Человек ощущает связь с окружающим миром, питает к нему чувство любви, чувствуя свободу как в психологическом, так и в социальном плане. По этому поводу К. Ясперс писал, что человек должен жить вместе с другими, в обществе, но не давая ему поглотить себя [5, с. 401]. Именно процесс реализации естественной потребности человека ощущать единство с обществом, нацией и природой, обеспечивает преодоление чувства одиночества.

В контексте данного вывода актуальной является мысль А. Абишевой, что именно в свободных взаимоотношениях индивида и окружающего мира, в активной физической и психической деятельности человека по отношению к иным субъектам и объектам происходит формирование его «Я», ценностных убеждений [1, с. 96]. Именно человеческие ценности, убеждения и идеалы, несмотря на свои различия, способны объединять людей, формировать социальное единство. «Только на основе ценностных побуждений могут складываться собственно человеческие отношения, которые могут так или

иначе сплачивать людей в человеческие сообщества...» [1, с. 96].

Конструктивное значение для осмысления проблемы одиночества имеет подход Франкфуртской школы, рассматривающей социальное отчуждение индивида не как субъект-объектную оппозицию (традиционное понимание отчуждения между человеком и социумом), а как отсутствие противостояния и борьбы в системе взаимоотношений человека и общества. Украинская исследовательница О. Левкина считает, что следствием этого является «нивелирование личности, потеря субъектом своей индивидуальной специфики» [2, с. 102]. Она резюмирует, что отчуждение индивида от общества и его культуры влечет за собой и отчуждение человека от собственной идентичности. С этим стоит согласиться, так как идентичность человека во многом обусловлена взаимосвязью с определенной национальной культурой, религиозной верой, традициями и обычаями. Потеря единства с народом и его национальными особенностями влечет за собой и частичную потерю собственного «Я». Соглашаясь с приведенными размышлениями О. Левкиной, подчеркнем, что человек, разрывая социально-психологические связи с окружающим миром, не только обречен потерять собственную идентичность, но и обрести чувство одиночества.

Философский анализ проблемы отчуждения О. Левкиной происходит не только в ключе философии Франкфуртской школы, но и на основе психологического учения З. Фрейда. Так, разделяя его позицию, она пишет, что «следствием процесса отчуждения становится деградация человека и невротичность всего культурного человечества» [2, с. 102]. Далее О. Левкина подчеркивает, что социальное отчуждение накладывает свой отпечаток на психику, мировосприятие и мышление индивида. Она обращает внимание на то, что «личностными измерениями отчуждения в глобальном пространстве становятся деиндивидуализация человека, психическая деструкция, упрощенное восприятие мира, мышление и поведение» [2, с. 101].

Как уже отмечалось, социальное отчуждение влечет за собой глубокое чувство одиночества. Конструктивным решением проблемы одиночества является восстановление единства собственного «Я» с социальным организмом, нацией, ее культурой, природой. Это единство должно носить творческий, продуктивный характер: с одной стороны, культура общества должна обогащать внутренний мир человека, а с другой, – сам индивид должен направлять свои способности на модернизацию и развитие окружающей

среды. Следуя за Э. Фроммом, О. Левкина отмечает, что современный индивид, пытаясь преодолеть социальное отчуждение и чувство одиночества, переходит на путь конформизма, становится таким как все, перестает следовать собственной идентичности и растворяет свое внутреннее «Я» во внешних и чужих моделях поведения, что, в конечном счете, ведет человека к потере собственной личности.

Ссылаясь на позицию Э. Фромма, О. Левкина пишет, что характерной особенностью современного индивида становится конформизм, человек перестает быть самим собой и, перенимая шаблоны поведения других, становится таким, как все. Как следствие, пропадает различие между собственным «Я» и окружающим миром, а вместе с тем и страх перед одиночеством [2, с. 105]. То есть естественным способом преодоления чувства одиночества в современном обществе является конформизм, в то время как индивид должен ощутить свою органическую связь с окружающим миром и направить социальную активность на его качественное преобразование. Исследовательница считает, что оптимальным путем преодоления одиночества является гуманизация отношений между людьми на основе любви, альтруизма и развития религии, что будет способствовать взаимопониманию и укреплению единства между людьми [2, с. 106].

Итак, чувство единства, органическая взаимосвязь человека с обществом являются условием преодоления одиночества. Но чувство единства – это не только единство человека с конкретным индивидом или группой людей. Любой человек должен выйти за рамки непосредственных отношений и ощутить единство с обществом в целом на национальном, культурном и религиозном уровнях. Ответственность за процесс формирования единства человека с окружающим миром должна взять на себя, по нашему мнению, национальная элита. Именно она обязана формировать у граждан национальное самосознание, уважение к собственной культуре, традициям, воспитывать историческую память и любовь к природе.

О. Левкина приводит в пример страны Востока, где наблюдается очень высокий уровень единства человека с обществом. В этих странах индивиды стремятся сохранить традиционные культурные ценности, происходит «вознесение в общественном сознании идеи про единство нации» [3, с. 106], наблюдается высокая активность правящей элиты. В продолжение собственных рассуждений, О. Левкина пишет, что в странах Востока «необходимо отметить духов-

ность, религиозность, фатализм, подчиненность личности обществу, теоцентризм, гармонию с природой» [3, с. 109]. Индивиды в такой социальной общности наименее подвержены переживанию чувства одиночества. Поэтому одним из путей преодоления экзистенциального кризиса является возвращение к национальным традициям, обрядам, исконным религиозным ценностям.

Таким образом, социальное отчуждение влечет за собой чувство одиночества. Это объясняется тем, что, не ощущая органической, естественной связи с окружающим миром, человек не может реализовать свою важнейшую потребность – быть связанным духовно с другим субъектом деятельности. Человек должен осознать, что отчуждение от социума – это деградация как его самого, так и общества в целом. Развитие способностей индивида, утверждение его личной свободы должно происходить в органичном единстве с окружающей средой, обществом, нацией, культурой. В противном случае человек обретает экзистенциальную пустоту, ощущает тревогу, страх, одиночество. Поэтому индивид должен укреплять свое чувство единства с социумом, его культурой, направлять свои способности на ее обогащение, развивать созидательную

деятельность и проявлять высокий уровень социальной активности. Одно из основных условий преодоления социального отчуждения и чувства одиночества – привлечение человека к процессу разработки и принятия решений во всех сферах общественной жизни.

Литература

1. Абишева А.К. Проблема «Я» в философии и психологии // Философские науки. – 2002. – №6. – С.90–99.
2. Льовкіна О.Г. Проблема відчуження у фрейдизмі та фрейдомарксизмі: особистісний вимір // Практична філософія. – 2005. – №4 (№18). – С.101–106.
3. Льовкіна О.Г. Альтернативні шляхи розвитку суспільства в умовах сучасного глобалізованого світу // Практична філософія. – 2006. – № 3(№21). – С.105–109.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
5. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С.288–418.

Башмановская Яна Владиславовна, аспирант кафедры философии Житомирского государственного университета имени И. Франко, г. Житомир, e-mail: Bashmanivska@gmail.com

Bashmanovskaya Yana Vladislavovna, postgraduate student, department of philosophy, Zhytomir State University named after I. Franko, Zhytomir, e-mail: Bashmanivska@gmail.com

УДК 101.1:316

© А.Л. Сафонов

НАЦИЯ И ЭТНОС КАК РАЗЛИЧНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИЙ СОЦИОГЕНЕЗА

Устойчивый дуализм теоретических подходов к генезу социальных общностей (конструктивизм – примордиализм) рассматривается как проявление нетождественности нации и этноса, как длительно сосуществующих феноменов различной социальной природы.

Ключевые слова: этнос, нация, конструктивизм, примордиализм, социогенез.

A.L. Safonov

NATION AND ETHNOS AS DIFFERENT PHENOMENA: EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS OF THE THEORIES OF SOCIOGENESIS

Sustainable dualism of theoretical approaches to the genesis of social communities (constructivism – primordialism) is considered as the manifestation of non-identity of the nation and ethnic group, as the long-term coexistent phenomena of different social nature.

Keywords: ethnos, nation, constructivism, primordialism, sociogenesis.

Идущее в глобальном масштабе нарастание этнокультурной и этноконфессиональной фрагментации с необходимостью выдвигает вопрос о более четкой и теоретически обоснованной дифференциации этноса и нации, и как реальных социальных общностей и как категорий социально-философского и научного дискурса.

Ввиду того, что общепринятой классификации теорий генеза и функционирования национальных и этнических групп в настоящее время не существует, для сравнительного анализа всего разнообразия теорий социогенеза наиболее продуктивно выделение двух базовых парадигм: примордиализма, рассматривающего социаль-

ную общность как продукт длительной преемственной социокультурной эволюции, и конструктивизма, рассматривающего общность как продукт целенаправленного социального конструирования со стороны элит (конструктивизм, как таковой) либо со стороны самих общностей и их участников (инструментализм).

Примордиализм, базируясь на концепции философского эссенциализма, исследует нацию и этнос как реально существующие социальные объекты, составляющие субстанциональную основу социальной жизни общества. Данная группа концепций рассматривает этносы и нации как преемственные исторические формы единого социального феномена, соответствующие определенным стадиям развития общества, причем принадлежность индивида к общности объявляется его изначальной (primordial) характеристикой.

В зависимости от выбора основания (биологического или историко-культурного) выделяют два основных направления примордиализма: социобиологическое и культурологическое.

Социобиологические варианты примордиализма исходят из тезиса, что групповое поведение людей, в том числе создание общностей – во многом биологическое и инстинктивное в своей основе поведение человека, имеющее единую психофизиологическую основу с групповым поведением высших животных, обеспечивающее популяции выживание в природной среде. Социобиологический подход, потенциально продуктивный применительно к примитивным обществам или этапам первоначального развития человечества, когда темпы социального прогресса были сопоставимы со скоростью биологической эволюции, малоприменим к современным общностям и не дает продуктивного системного подхода к современным социально-групповым процессам, несводимый к эмоциональной, инстинктивной деятельности.

Ведущим направлением современного примордиализма является культурный примордиализм, рассматривающий генез крупных социальных групп (этносов и наций) как результат преемственной эволюции социальных институтов и общественных отношений.

Культурологический (культурный) вариант примордиализма предполагает, что членство в общности обусловлено процессом социализации в среде общего языка и культуры. Культурный вариант примордиализма отрицает приоритет инстинктивной и генетической компоненты в генезе и развитии человеческих сообществ. Для культурного примордиализма характерен тезис о трансформации этноса в нацию в ходе стади-

альных трансформаций общества. Данное направление рассматривает этносы и нации прежде всего как социокультурные сообщества. В рамках этого подхода этничность – это разделяемая членами группы культурная общность с объективными характеристиками принадлежности: язык, религия, психический склад, народное искусство, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки. При этом признаки принадлежности могут рассматриваться, с одной стороны, как необходимые условия формирования тесной и устойчивой общности, так и объективные следствия существования общности, воспроизводящей себя из поколения в поколение.

Культурологический вариант примордиализма дает продуктивный выход из тупика биологического и генетического редукционизма, абсолютизирующего биологические аспекты сплочения кровнородственных групп, к которым относятся ранние этносы, и, что важно, отчасти применим к крупным и высокоорганизованным обществам, развивающимся в рамках институтов современного государства, где кровное родство играет починенную роль. Для культурного примордиализма характерен тезис о трансформации этноса в нацию в ходе стадийных трансформаций общества.

Если абстрагироваться от вторичных теоретических градаций, примордиализм, как теоретическое направление, рассматривает генез, развитие и трансформации социальных общностей как длительный эволюционный процесс, определяемый в основном непрерывностью, инерционностью, массовостью и безличностью сферы повседневного бытия, «структур повседневности», и лишь во вторую очередь – феноменами политического порядка, которые появляются на стадии трансформации первичного этноса в нацию, которая обычно рассматривается как стадийная форма эволюции этноса. Из характерных для культурного примордиализма представлений об этносе и нации как преемственных стадийных форм развития общества обычно делается вывод, что нация и этнос как социальные общности имеют единые онтологические основания.

Характерно, что основным предметом для критики примордиализма со стороны конструктивизма стало несоответствие основных положений примордиализма реалиям развития современной политической нации. Аргументация сводится в основном к следующим тезисам: примордиалистская парадигма не дает ключа к сложным процессам генеза и трансформации национальной культуры, идеологии и политической традиции; многие из примордиальных при-

знаков принадлежности к общности изменчивы и непостоянны; культурные особенности, которые становятся фундаментом для последующего «конструирования» национальных общностей, не дают полного объяснения системной сложности социально-исторического развития и др. В целом, критика примордиализма со стороны сторонников конструктивизма в основном сводится к его неспособности объяснить генез, диалектику становления и развития сравнительно поздних и современных сообществ, воспроизводство и развитие которых связано с государственными институтами и сферой политики.

Однако примордиалистские концепции достаточно хорошо описывают этносы как социальные общности, характеризующиеся специфическим образом жизни, основанном на массовых и регулярно повторяемых повседневных социальных взаимодействиях членов общности, которым атрибутивно присущи высокая инерционность, эволюционный, непрерывный и преемственный характер изменений, сохраняющий не только символическую, но и непосредственную социобиологическую преемственность современных этносов по отношению к исходным этносам далекого исторического прошлого.

Характерно, что примордиалистские концепции этногенеза основываются на историческом материале доиндустриальной эпохи либо на изучении современных традиционных обществ. Так, Л.Н. Гумилев заканчивает свои исследования XVII в. Широкогоров и Бердяев останавливаются на позднем феодализме – то есть на рубеже формирования европейских централизованных государств и соответствующих наций.

Приоритет физического выживания более характерен для ранних этносов, но по мере становления индустриальной эпохи физическое выживание постепенно отходит на второй план, а непосредственное взаимодействие с природной средой все больше переходит на уровень развитых социальных институтов. Тем не менее, сущностные основания социальной жизни, которые создали этносы, переходят в латентную форму, видоизменяются, модернизируются, но не исчезают, продолжая определять структуру повседневного бытия человека.

Таким образом, примордиализм более адекватно объясняет генез развитие этнических общностей но не объясняет особенности социального развития общества на стадии индустриализма, когда ведущую роль в социогенезе приобретает другая общность – нация.

В то же время примордиализм справедливо критикуют за неспособность объяснять и тем более прогнозировать динамику развития со-

временных национальных общностей. Также примордиализм не объясняет быстрого по сравнению с традиционными этносами возникновения, развития и распада общностей политического генеза, возникших в рамках государств и надгосударственных политических структурах.

В основе конструктивистской доктрины, во многом альтернативной примордиализму, лежат не только работы философов Нового Времени, таких как Кант и Гегель, но и наследие античной философской традиции (Ксенофан, Протагор, Гераклит, и т.д.). С другой стороны, развитие современного конструктивизма и родственного ему инструментализма определили постмодернистские теории, фактически отрицающие социальные общности как объективные социальные феномены.

В конструктивизме обычно выделяют два направления: социокультурное и этносимволическое, отличие которых заключается во взглядах на роль и характер участия культурных и политических элит в процессе становления наций.

Сторонники социокультурного подхода объясняют становление этносов и наций, возникновение идентичности и создание национальных идеологий действиями элит в конкурентном пространстве модернизирующегося общества. Культурные элиты, используя признаки расового и культурного различия и сходства, конструируют «национальный идеал», создают идеологию национализма, которая, в свою очередь, и политизирует этносы и осуществляет их переход в качественно новое состояние – в нацию. Данное направление конструктивизма уходит от вопроса, кто и что конструирует этносы на заре их возникновения и не дает убедительной версии генеза традиционных этносов, где, вплоть до стадии разложения родоплеменного устройства, политические и культурные элиты не дифференцированы. В социокультурном направлении конструктивизма предполагается, что культурное наследие исходного этноса (и, соответственно, этнос как таковой), берется как данность, после чего культурные элиты создают идеологию и политизируют этнос до нации на основе этнического наследия.

Этносимволизм считает, что социокультурный вариант конструктивизма преувеличивает интеллектуальный вклад и роль культурных элит, полагая, что нации во многом конструируются на основе традиционной этнической культуры. Нации и национализм в этносимволизме создаются на основе этнических мифов и их современных и ситуативных интерпретаций, сделанных, естественно, культурной элитой.

Однако этносимволизм не объясняет, каким образом сложились исходные этносы и не раскрывает социальные механизмы формирования и эволюции мифологии и культуры на этнографической стадии развития социума.

Таким образом, этносимволизм претендует на объяснение механизмов социогенеза, начиная с этапа завершения генеза этносов как общностей со сложившейся культурой, идентичностью и мифологией, из чего следует, что этносимволизм описывает исключительно национальные общности либо их генез, но не описывает генеза традиционного этноса, как необходимого для формирования этноса социокультурного субстрата.

Разница между социокультурным и этносимволическим направлением конструктивизма заключается во взглядах на механизм генеза и воспроизводства символических ресурсов, которые либо вырабатываются как результат чистого действия культурных элит, либо являются продуктом трансформации этнической мифологии и культуры в национальную идеологию.

В конечном счете оба течения конструктивизма роднит положение о том, что нации конструируются с помощью усилий элит. В первом случае элиты генерируют национальную идею сами, во втором они с инструментальной целью трансформируют в национальную идеологию (национализм) эпическое и мифологическое наследие этнической общности.

Таким образом, оба течения конструктивизма молчаливо признают, что исходные этносы прошли стадии становления и развития в качестве типичных примордиалистских общностей, основанных на родоплеменных отношениях и обычном праве, в рамках которых эволюционным образом сформировались языки, духовная (мифы и другие «символические ресурсы») и материальная культура, создавшие предпосылки для становления нации. Что касается конструктивистских закономерностей, то они появляются только после дифференциации культурных и политических элит и появления относительной самостоятельности политической сферы от социальной жизни общества.

Близкий к конструктивизму инструментализм, восходящий своими истоками к философскому прагматизму и теориям постмодернизма, в отличие от примордиализма, также не признает объективного социального бытия этносов и наций. Появление и существование данных общностей он связывает с необходимостью индивидов и общностей достигать тех или иных целей, например, политической власти или целей экономического характера. Соответственно,

принадлежность к общности, будь то этнос или нация, является сугубо ситуативной ролью, результатом сознательного выбора личности или группы лиц для достижения целей.

Таким образом, конструктивизм и инструментализм, развивая неокантианскую парадигму в социальной философии, изначально строятся на феноменологии сознания, либо игнорируя вопрос существования общностей, как объективно существующих социальных феноменов, либо объявляя как нации, так и этносы, «воображаемыми общностями», существующими исключительно в индивидуальном либо групповом сознании, и проявляемыми исключительно через сферу массового сознания либо коллективного бессознательного. Соответственно, сфера общественного бытия конструктивизмом игнорируется как вторичное явление.

Тем не менее, данные теории исходят из определенной онтологии. Так, в рамках конструктивистской парадигмы действия элит по формированию наций носят постоянный, преемственный и массовый характер, а действия членов общности определяются символическими ресурсами, бытие общности неизбежно объективируется, порождая надсубъектную реальность с реальными онтологическими основаниями.

Аналогично, в инструменталистских подходах коллективная надсубъектная реальность возникает в процессе массовых целенаправленных действий, необходимых для достижения общих целей членами общности.

Таким образом, даже возникнув в качестве феномена массового сознания, «воображаемые» социальные общности неизбежно объективируются в результате массовых и повторяемых социальных действий, входящих в группу индивидов, порождая общность как объективно существующую надличностную социальную реальность, когда в процессе социального взаимодействия с другими членами общности индивид одновременно и конструирует объективную социальную реальность, и сам конструируется ею.

В целом, инструментализм, как и конструктивизм, достаточно хорошо отражает особенности современных наций с характерным для них массивным воздействием элит на массовое сознание, но при этом совершенно не отражает особенностей типичных этносов, особенно находящихся в стадии традиционного родоплеменного общества. Удовлетворительно описывая национальное строительство и генез политических наций, он игнорирует современные процессы этногенеза и этнической фрагментации наций, в частности – игнорирует современ-

ный этнос, как объективно существующую социальную общность [1].

То есть конструктивизм и инструментализм адекватно описывают социальное развитие только со стадии разложения родоплеменных общностей и выделения политических и культурных элит. Таким образом, область применимости конструктивизма начинается там, где заканчивается область применимости примордиализма, объясняющего генез и эволюцию этносов более адекватно.

Если принять базовый тезис конструктивизма и инструментализма о ситуативном, прагматическом и как следствие – временном характере принадлежности индивида к социальной общности, становится невозможно объяснить устойчивое и преемственное существование и развитие этносов и затрудненность смены индивидом этнической принадлежности, даже при безусловном желании индивида ее изменить.

В то же время интеграция, как переход индивида, группы и целых этносов из одной политической нации в другую (например, вследствие перемены политических границ, включающих этническую территорию, в другую политическую общность, или трансграничной миграции) проходит значительно легче и не связана с образованием кровнородственных отношений.

Таким образом, существенная разница в стабильности этнокультурной и национально-гражданской принадлежности индивида свидетельствует о качественно различной социодинамике и соответствующих общностей, то есть этносов и наций.

В целом, инструментализм, как и конструктивизм, достаточно хорошо отражает особенности современных наций с характерным для них массивным воздействием элит на массовое сознание, но при этом совершенно не отражает особенностей типичных этносов, особенно находящихся в стадии традиционного родоплеменного общества. Удовлетворительно описывая национальное строительство и генез политических наций, но игнорирует современные процессы этногенеза и этнической фрагментации наций, в частности – игнорирует современный этнос, как объективно существующую социальную общность.

Из этого можно сделать вывод, что членение всей совокупности известных теорий социогенеза на примордиализм и конструктивизм объективно отражает не только методологическое несходство теорий, но разнокачественность изучаемых этими теориями социальных феноменов: примордиализм, как научное направление, формировался на обобщении результатов частных

наук, изучавших этнические общности; конструктивизм и близкие к нему направления базировались на изучении наций и других общностей политического генеза [2].

Таким образом, примордиализм и конструктивизм с инструментализмом, как две основные группы теорий социогенеза, взятые по отдельности, не дают и не могут дать универсального подхода к социогенезу, пригодного, для универсального объяснения процессов возникновения, становления и развития как наций, и для этносов, как общностей, формируемых качественно различными сферами социального бытия. При этом примордиализм адекватно описывает генез и развитие этнических общностей, коренящихся в сфере повседневного бытия, в то время как конструктивизм описывает особенности генеза и развития нации, как общности, порождаемой сферой политики и экономики.

Причина такого разграничения областей применимости примордиализма и конструктивизма объективна и состоит в том, что, претендуя на универсальность, эти концепции выстроены на исследовании социальной реальности различной природы.

Из дуализма теоретических подходов, описывающих генез и развитие двух качественно различных типов общностей, с необходимостью следует, что этнос и нация – тесно взаимодействующие, но различные по онтологической сущности, социальным функциям и законам развития социальные общности, в которых индивид участвует одновременно, и членство в которых связано с различными и специфичными для каждой общности сферами социального бытия: сферой политического бытия для нации и сферой повседневного бытия – для этноса [3].

При этом одновременное участие индивида в этносе и нации, как различных, но в значительной степени пересекающихся и взаимодополняющих социальных общностях, часто создает ложное впечатление о тождестве либо неразделимости этноса и нации, этнического и национального [4].

Различным стадиям исторического развития соответствует свое соотношение этнической и национально-политической компоненты, как взаимодополняющих феноменов, взаимодействие которых формирует реальную социальную структуру общества во всей его сложности, несводимой ни к политическим процессам с господствующим в них субъективным началом, ни к этнокультурным процессам с характерной для них эволюционностью и инерционностью.

Литература

1. Орлов А.Д., Сафонов А.С. Постнациональное государство: глобализация как кризис оснований власти // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – №5. – С.225–243.
2. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – №6. – С.17–23.
3. Сафонов А.Л. Нация и этнос в котле глобализации // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – №1. – С.273–289.
4. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Нация и этнос в едином мире // Век глобализации. – 2013. – №2.
5. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek2-2013/21221-naciya-i-etnos-v-edinom-mire.html>

Сафонов Андрей Леонидович, кандидат технических наук, доцент кафедры истории и социологии, проректор по международным отношениям Московского государственного индустриального университета, г. Москва, e-mail: zumsiu@rambler.ru

Safonov Andrey Leonidovich, candidate of technical sciences, associate professor, department of history and sociology, vice-rector for international relations, Moscow State Industrial University, Moscow, e-mail: zumsiu@rambler.ru

УДК 33.01:1

© А.В. Антонов

ПРОЛЕТАРИЙ ИЛИ НАЕМНЫЙ РАБОТНИК?

В статье утверждается, что превращенные формы стоимости, которые преимущественно производятся в развитом капиталистическом обществе с его интенсивной формой ведения хозяйства, порождают и превращенные формы социальных классов.

Ключевые слова: философия экономики, социальная философия, политическая теория, структура общества, классы.

A.V. Antonov

A PROLETARIAN OR AN EMPLOYEE?

The article states that the transformed forms of value being mainly produced in the developed capitalist society with its intensive methods of management raise the transformed forms of social classes.

Keywords: philosophy of economics, social philosophy, political theory, structure of society, social classes.

Г.В.Ф. Гегель в свое время писал: «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела и своим серым по серому философия может не омолодить, а лишь понять ее; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [1]. Но бывает так, что сумерки омрачают саму философию, что устареваает, наоборот, она сама, поскольку не в силах понять событий, которые разворачиваются у нее на глазах. И одним из таких непонятых, на наш взгляд, событий является акция гражданского протеста «Захвати Уолл-стрит!» (Occupy Wall Street!), проходившая в Нью-Йорке осенью 2011 г.

Непонятна же она, во-первых, потому что среди выразивших свое недовольство американцев почти совсем не оказалось пролетариата, как это можно было бы ожидать на основании предсказаний марксистской теории.

Во-вторых, там не было также и тех, кто, по словам Г. Маркузе (1898–1979), «...формирует человеческий фундамент социальной пирамиды,

аутсайдеров, бедняков, безработных, преследуемых цветных рас, узников тюрем и заведенных для умалишенных», то есть тех, кто, в конце концов, и должен совершить Великий Отказ от капиталистического общества [2, с. 70].

В-третьих, и это, может быть, главная неожиданность, большинство протестовавших в Нью-Йорке граждан США принадлежали к тому самому креативному классу, который, как убеждают нас сторонники постиндустриального общества, является подлинным хозяином современной жизни. Все это заставляет, как минимум, внимательнее присмотреться к существующим в настоящий момент представлениям о классовой структуре современного общества.

По К. Марксу: «... существуют только два исходных пункта: капиталист и рабочий. Третьи лица всех категорий или должны получать деньги от этих двух классов за какие-нибудь услуги, или, поскольку они получают деньги, не оказывая никаких услуг, они являются совладельцами прибавочной стоимости в форме ренты, процента и т.д.» [3]. С теми или иными оговорками,

свои теоретические выводы по поводу капитализма К. Маркс делал, опираясь именно на представления о дихотомическом строении общества. По этой же причине К. Маркс, как известно, считал переход экономической и политической власти от буржуазии к пролетариату делом относительно легким.

Однако политическая активность рабочего класса угасала прямо пропорционально улучшению его экономического положения. В соответствии с марксистской теорией в результате все большего разделения труда и применения машин – стоимость рабочей силы должна постоянно уменьшаться. Соответственно этому должно происходить абсолютное и относительное обнищание рабочего класса. Однако факты свидетельствовали о том, что уже во второй половине XIX в., когда о социальном государстве еще только приходилось мечтать, положение рабочего класса в Европе помаленьку начинало улучшаться. Требовалось каким-то образом объяснить это с точки зрения марксизма.

И классики объяснили это тем, что буржуазия за счет ограбления колоний имеет возможность подкармливать рабочий класс внутри метрополий. Об этом, в частности, Ф. Энгельс писал К. Марксу в письме от 7 октября 1858 г.: «... английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с (выделено курсивом Ф. Энгельсом – А.А.) буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» [4]. Такой же позиции придерживался позднее и В.И. Ленин: «Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов» [5].

Однако постепенно положение рабочего класса стало улучшаться даже в тех странах, которым было просто некого грабить. Поэтому поневоле приходилось искать объяснение уже не вне, а внутри этих стран. Тогда поступили очень просто. Во-первых, отбросили марксистскую теорию как неверную, а, во-вторых, приписали улучшение положения рабочего класса отчасти рационализации самого капитализма, отчасти вмешательству государства, становящегося все более социальным. Все эти экономические и технологические факторы, улучшающие положение рабочих, а также возрастающее идеологическое давление буржуазного образа жизни, в конце концов, привели, по мнению Г.

Маркузе, «...к ослаблению негативной позиции рабочего класса: последний уже не выглядит живым опровержением существующего общества» [2, с. 42].

А в 50-е гг. XX в. в классовой структуре общества начались изменения, которые и вовсе похоронили марксистские представления о всемирно-исторической роли пролетариата. Даже у левых теоретиков стали выходить книги, отмечающие процентное уменьшение не политической активности, а самой доли рабочего класса в обществе [6]. Гораздо чаще об этом, естественно, писали теоретики правого толка. По наблюдению, например, Питера Дракера: «...в 1950-е гг., рабочие, занятые физическим трудом, составляли большинство во всех развитых странах. К 1990 г. их доля сократилась до 20% от общего числа занятых. К 2010 г. она будет составлять не более одной десятой» [7].

Таким образом, дихотомическое деление общества на буржуа и пролетариев уже не отражало реального положения вещей. Поэтому, фиксируя изменения, которые происходили в обществе в результате научно-технической революции, постиндустриальные теоретики предложили новую модель социальной структуры общества, в основе которой лежит деление общества на тех, кто обладает знаниями, то есть специалистов, экспертов и всех остальных. Как писал Д. Белл, в новой экономике: «Происходит сокращение класса, занимающегося ручным и неквалифицированным трудом, тогда как на другом полюсе социальной стратификации класс интеллектуальных работников становится доминирующим» [8, с. 462].

В подробностях развил учение постиндустриальных теоретиков о новом классе интеллектуалов В.Л. Иноземцев. По его словам, при своем анализе он исходил «... из предельно широкого понимания класса как широкой группы людей, объединенной ценностями и интересами, отличными от ценностей и интересов других общественных групп» (курсив В.Л. Иноземцева – А.А.) [9]. И, тем не менее, в его изображении класс «интеллектуалов» выглядит скорее кастой избранных, нежели «широкой» размытой общностью.

Фактически, между классом интеллектуалов и «низшей стратой» общества, у В.Л. Иноземцева, пролегает пропасть. Ведь, по его мнению: «...в новых условиях господствующий класс не только владеет средствами производства, являющимися невоспроизводимыми по своей природе (земля) или созданными трудом угнетенного класса (капитал) на основе сложившихся принципов общественной организации, но сам

создает эти средства производства, обеспечивая [внутри собственных пределов] процесс формирования и самовоспроизводства информационных ценностей. <...>. В результате претензии низшего класса на часть национального продукта, которые ранее представлялись более чем обоснованными, сегодня выглядят гораздо менее аргументированными, чем в значительной мере и объясняется нарастающее материальное неравенство представителей высшей и низшей общественных страт» [10, с. 226].

Если раньше циркуляция создаваемых ценностей начиналась снизу, то у В.Л. Иноземцева получается так, что после информационной революции, наоборот, уже класс интеллектуалов похищает огонь с неба для того, чтобы подарить его низшим и мало на что пригодным стратам. В такой ситуации, если материальное неравенство между высшей и низшей стратами увеличивается, то это вполне справедливо. «Сегодня ни общество, ни социальные отношения не превращают человека в представителя господствующего класса – сам человек формирует себя как носителя качеств, необходимых для представителей высшей социальной страты. Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться» (курсив В.Л. Иноземцева – А.А.) [10, с. 227].

В.Л. Иноземцев как будто не замечает, что люди не рождаются с готовыми способностями пользоваться благами цивилизации. Если, например, мы провозгласим лозунг: кто не способен рулить автомобилем – тот не должен рулить и страной, это еще не гарантия того, что страной у нас будут управлять лучшие. Ведь многие не способны управлять автомобилем не потому, что они от природы такие неумехи, а потому, что у них просто никогда не было такой возможности...

В.Л. Иноземцев считает, что «...люди, чьи ценности имеют чисто экономический характер, как правило, не могут подняться до уровня новой элиты общества. Дополнительный драматизм ситуации придает и то, что последние практически не имеют шансов присоединиться к новой социальной группе, поскольку, когда человек осознал себя недостаточно образованным (курсив В.Л. Иноземцева – А.А.), оптимальный период для получения современного образования уже позади. Кроме того, способности к интеллектуальной деятельности нередко обусловлены наследственными факторами» [10, с. 228].

В.Л. Иноземцев забыл сказать, что дополнительный драматизм «дополнительному драма-

тизму» придает еще то обстоятельство, что к тому времени, «когда человек осознал себя недостаточно образованным», у него может просто не оказаться денег на обучение. Ну, а у кого нет папы Рокфеллера – тот, понятное дело, обделен «наследственными факторами» и, конечно, не способен к интеллектуальной деятельности...

Но если противоречие между буржуа и пролетариатом уже не двигает вперед развитие общества и не образует его классовую структуру, то какие же движущие силы приходят на их место? И постиндустриальные теоретики называют нам эти движущие силы. По мнению Д. Белла: «Если борьба между капиталистами и рабочими в пределах фабрики характеризовала индустриальную систему, то постиндустриальное общество отмечено борьбой между профессионалами и массой как внутри организаций, так и внутри сообщества» [9, с. 173].

Контролировать направление развития общества в постиндустриальном мире будут подлинные профессионалы своего дела: ученые и эксперты, сосредоточенные в научных центрах и университетах. А чтобы свести к минимуму их возможные ошибки, Д. Белл выдвигает идею так называемой «меритократии». Подлинными «меритократами» «в самом высоком понимании этого слова» окажутся те, «кто этого достоин». Правящий класс будет состоять из людей, олицетворяющих собой «лучших специалистов в своих областях, согласно мнению собственных коллег» [9, с. 613].

Таким образом, картина движущих сил постиндустриального общества выглядела более чем оптимистично. Наличие класса достойных интеллектуалов вместе с «развитием прогнозирования» делало «...возможным новую фазу в экономической истории – фазу сознательного, планируемого продвижения технологических изменений и на основе этого уменьшения неопределенности хозяйственного будущего» [9, с. 34]. Глашатаи нового мира, практически, уверили всех в «...стабильности постиндустриального мира, который впервые стал развиваться на своей внутренней основе, находясь в полной безопасности от значимых социальных потрясений» [11].

Однако вопреки планируемым триумфам «хозяйственного будущего» в 2008–2009 гг. разразился мировой экономический кризис. Образованные, уверенные в себе интеллектуалы вдруг ощутили, что миром правят вовсе не они. Если раньше постиндустриальные теоретики уверяли всех в том, что «... современные интеллектуальные работники, потенциал которых заключен даже не в их знаниях, а в способности

их усваивать и расширять, уже не являются теми зависимыми наемными работниками, какими они были в условиях индустриального общества. Обнаружив, что они располагают уникальными способностями, которые могут быть эффективно применены в современном производстве, такие работники не дают предпринимателям возможности подчинять их своей воле», то кризис 2008–2009 гг. разметал эти иллюзии в прах [12].

Выяснилось, что капитал остается по-прежнему самым активным игроком на исторической арене. Что постиндустриальные теоретики и неомарксисты ошиблись, приняв крах всемирно-исторической роли пролетариата за всемирно-исторический крах, одни – марксизма, другие – капитализма.

Но разве это новость, что главный труд К. Маркса называется «Капитал», а не «Пролетариат»? Разве это сенсация, что главным доказанным тезисом в нем является концентрация капитала, а вовсе не пролетариата. Само количественное увеличение пролетариата и его концентрация были всего лишь следствием концентрации капитала. Как недвусмысленно писал по этому поводу К. Маркс: «...концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих, и размеры кооперации, или масштаб производства, зависят от степени этой концентрации» [13, с. 341–342].

Почему же случилось так, что следствие возвысилось и затмило причину? Ведь, на самом деле, доказывать, что капитализм превращается в некое новое общество – значило доказывать, что фактически прекращается концентрация капитала. Однако то, что этот процесс продолжается, является настолько очевидным, что до сих пор никто даже не пытался опровергать этот факт.

Конечно, если рассматривать капитализм лишь на уровне производства, то, действительно, процесс уменьшения доли пролетариата в обществе можно рассматривать как процесс уменьшения доли капитализма в обществе. Однако если рассматривать капитализм на более широком воспроизводственном фоне, с учетом роли отношений потребления, обмена и распределения, то обнаружится совсем иная картина. Выяснится, что «...капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, – капиталиста на

одной стороне, наемного рабочего – на другой» [13, с. 591].

Неомарксисты и постиндустриальные теоретики много говорят о различиях между физическим и умственным трудом, между рутинным и творческим. Однако это лишь внешние и по отношению к стоимости фактически искусственные определения. Уже у А. Смита производительным объявляется всякий труд, который производит стоимость. К. Маркс добавляет к этому определению всего лишь одно слово – «прибавочную стоимость». «Только тот рабочий производитель, писал К. Маркс, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала. Так, школьный учитель, – если позволительно взять пример вне сферы материального производства, – является производительным рабочим, коль скоро он не только обрабатывает детские головы, но и изнуряет себя на работе для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого дело нисколько не меняется. Поэтому понятие производительного рабочего включает в себя не только отношение между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда, но также и специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием увеличения капитала» [13, с. 517].

К. Маркс показал, что капиталисту безразлично, что производить – пушки или масло, поскольку его интересуют не потребительные стоимости, а возрастание стоимости как таковой. Пора заявить и о том, что капиталисту точно так же безразлично, каким путем будет получено это возрастание стоимости. «Синие», «белые» или «железные» воротнички будут на него трудиться. Умственный это будет труд или физический, рутинный или творческий, будет ли это делать автоматизированная линия или орава голодных азиатов или африканцев, – лишь бы итогом их деятельности оказалась прибавочная стоимость, пускай и в превращенной форме.

Те, кто вынужден продавать свои сущностные силы, независимо от того, умственные это силы, эмоциональные или физические, – все они выступают сознательными или стихийными противниками капитала. А поскольку капиталу противостоит любой, даже самый высокооплачиваемый наемный труд, постольку и революционными потенциями в действительности обладают гораздо более широкие слои населения, что мы, собственно, и увидели в нью-йоркских протестных акциях «Захвати Уолл-Стрит». Это

значит, что уменьшение доли «пролетариата фабричных труб» в экономике развитых стран, которому такое значение придают теоретики постиндустриального общества, совсем не равнозначно закату капитализма. Не «когнитариат» приходит на смену «пролетариату» в качестве нового общественного класса, а уже существующий класс «наемных работников» пополняется новым своим отрядом...

Д. Белл считает, что подобное прочтение проблемы не укладывается в рамки традиционных представлений. «Являются ли пролетариатом, или рабочим классом, все, кто работает за жалование или зарплату? Но это означает такое расширение рамок понятия, которое делает его неопределенным. (Являются ли все менеджеры рабочими? Относятся ли к ним управляющие и администраторы? Оказываются ли рабочими высокооплачиваемые профессора и инженеры?)» [9, с. 199].

Действительно, в XIX в. между понятиями «наемный работник» и «пролетарий» можно было ставить знак равенства. Однако с усложнением структуры общественного производства границы понятия «наемный труд» значительно расширились. Нет сомнений, что все перечисленные Д. Беллом группы не являются пролетариями по своей социально-экономической природе. Более того, интересы менеджеров, профессоров и инженеров часто могут не совпадать с интересами рабочего класса. Но то, что их интересы не тождественны интересам капитала – с этим едва ли кто-нибудь станет спорить... Д. Белл, несомненно, прав в том, что новые группы наемных работников не производят стоимости как таковой, а потому и не могут быть подлинным рабочим классом. Зато они производят превращенные формы стоимости, и потому сами являются превращенными формами пролетариата...

С переходом капитализма к интенсивной форме ведения хозяйства, при которой рынок стал иерархическим и вертикальным, возникла даже такая парадоксальная ситуация, когда наемными работниками у одних капиталистов стали выступать другие капиталисты, у которых, в свою очередь, также имеются наемные работники. Однако на самом деле, и в этом нет ничего необычного. Ведь с точки зрения того же К. Маркса: «Быть носителем труда как такового – т.е. труда как потребительной стоимости для капитала – вот в чем состоит экономический характер рабочего; он – рабочий (выделено курсивом К. Марксом – А.А.) в противоположность капиталисту» [14]. Таким образом, в условиях интенсивной формы ведения капиталистическо-

го хозяйства не только структура общества становится иерархической, но и сама эксплуатация.

Д. Сорос (р. 1930) пишет о том, что «...система мирового капитализма <...> имеет центр и периферию, как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии» [15]. Однако и об этих явлениях, как нам кажется, точнее было бы говорить в терминах капитала и наемного труда. Ведь предоставляя кредиты периферии, капитал центра фактически целые государства превращает в своих наемных работников, которые производят для него прибавочную стоимость.

Превращая же все новые социальные слои, в том числе и чужих государств, в своих наемных работников, капитал собственными руками расширяет социальную базу сопротивления себе любимому, или, выражаясь словами К. Маркса, сам порождает своих могильщиков. Вот только будут ими уже не пролетарии, которым «нечего терять, кроме своих цепей», а объединенные усилия всех наемных работников, даже если ими окажутся топ-менеджеры...

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 7. – М.: Соцэкгиз, 1934. – С.17–18.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: REFLbook, 1994.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 24. – М.: Политиздат, 1986. – Т.2., Кн. 2. – С.375.
4. Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 7 октября 1858 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 29. – М.: Политиздат, 1956. – С.293.
5. Ленин В.И. Империализм и раскол социализма / Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т.Т. 30. – М.: Политиздат, 1975. – С.165.
6. Gorz A. Farewell to the working class: an essay on postindustrial socialism. – L., Sydney: Pluto Press, 1982. – 152 p.
7. Дракер П. Посткапиталистическое общество / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С.93.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004.
9. Иноземцев В.Л. Прошлое, настоящее и будущее классового общества: попытка нетрадиционной оценки / Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. Аутентичные тексты статей и рецензий 1998–2002 гг. – М.: Экономика, 2003. – С.255.
10. Иноземцев В.Л. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества / Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. Аутентичные тексты статей и рецензий 1998–2002 гг. – М.: Экономика, 2003. – С.226.
11. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С.50.
12. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэ-

кономической революции. – М.: Academia, Наука, 1999. – С.71.

13. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 23. – М.: Политиздат, 1986. – Т.1., Кн. 1. – С.341–342.

14. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. (первоначальный вариант «Капитала») Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 46. – М.: Политиздат, 1986. – Ч. 1. – С.248.

15. Сорос Д. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – М.: ИНФРАМ, 1999. – С.114.

Антонов Алексей Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, e-mail: akvizit@yandex.ru

Antonov Alexey Vasilyevich, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of philosophy and law, Perm National Research Polytechnic University, Perm, e-mail: akvizit@yandex.ru

УДК 1:304.50

© **О.Б. Бальчиндоржиева**

ДИАЛОГ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Данная статья посвящена оценке степени развития политического участия граждан в Китае и анализу типов общественных организаций, существующих в Китайской Народной Республике, а также изучению их влияния на процесс политической модернизации страны. Автором сделан акцент на изучении того, каким образом общественные организации участвуют в формировании, становлении, реализации государственной власти.

Ключевые слова: Китай, общественные организации, модернизация, политическая система, политическое участие, демократизация.

O.B. Balchindorzhieva

A DIALOGUE BETWEEN STATE AND SOCIETY UNDER THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE CHINESE PEOPLES REPUBLIC

This article is devoted to evaluation the degree of political participation of citizens in China and to analysis of types of social organizations that exist in the People's Republic of China, as well as to the study of their impact on the process of political modernization of the country. The author emphasizes the study of the way in which civil society organizations are involved in the formation, implementation of the government power.

Keywords: China, public organizations, modernization, political system, political participation, democratization.

Теории развития XX в. были инспирированы идеей прогресса. Иногда даже такие понятия как «развитие», «эволюция», «модернизация» были в их теориях взаимозаменяемыми, чаще же старались их различить. Так, согласно Т. Парсонсу, «эволюция» понималась как материально-биологическая основа развития, «развитие» как экономические и политические стадии роста, «модернизация» связывалась с социокультурными изменениями.

Модернизация в данном контексте, есть глубокая трансформация традиционного образа жизни, в процессе которой традиционные деревни или племенные сообщества вынуждены реагировать на вызовы и давление современно-го, промышленного, урбанизированного мира.

В отличие от Европы, в истории Китая вплоть до начала прошлого столетия не существовало многообразия форм государственного устройства. На протяжении столетий китайская государственность внешне эволюционировала очень слабо. По сравнению с опытом Запада в

Китае происходила не смена форм власти, а смена отдельных принципов ее организации, которые не меняли их основную оболочку.

Для знаменитого китайского историка Сыма Цяня, философию которого по праву называют философией политической власти, не имело значения, сколько человек и кто представляет власть. Исторический пример его народа не показал примера трех властей, как это было, например, в Древней Греции.

В настоящее же время сформировалась новая структура власти, ориентированная на эффективную реализацию планов модернизации страны. Стержнем ее является Компартия Китая. Основной проблемой политической модернизации является проблема адаптации Компартии Китая вызовам эпохи, требование обеспечения теоретического сопровождения трансформационных процессов в Китае. С тем, чтобы поднять авторитет партии, вдохнуть новую жизнь в ее ряды, обновить ее идеологическую основу и политический курс, руководством Китая было вы-

двинуты три требования, предъявляемые к КПК в свете новой обстановке, сложившейся в стране и в мире в последние годы. В своей политической линии партия должна представлять, во-первых, передовые достижения науки и культуры; во-вторых, передовые производительные силы; в третьих, интересы широких народных масс. Эти требования получили название «тройного представительства» и были охарактеризованы как «важнейшие идеи», представляющие дальнейшее развитие марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина.

В последние десятилетия в Китае образовалось большое количество неправительственных организаций (фэй чжэнфу цзучжи), или так называемых народных организаций. «Неправительственные организации это некоммерческие, самоуправляемые, непартийные организации, интересы которых направлены на удовлетворение интересов широких слоев населения, совместное решение общественных проблем» [1, с. 80]. Данные организации привлекают внимание государственных структур к проблемам, которые беспокоят общество, наблюдают и анализируют государственную политику, предлагают альтернативные варианты развития, мобилизуют избирателей на поддержку реформ, берут на себя функции по обслуживанию населения. Тем самым они также оказывают непосредственное влияние на процесс политической модернизации страны.

Народные организации в Китае делятся на два вида: официальные общественные организации (около 100 тыс., из них всекитайских почти 2 тыс.) и созданные силами народа некоммерческие организации (их сейчас более 700 тыс.). Общественные организации включают в себя – ассоциации, союзы, общества, исследовательские, учебные общества, фонды, бизнес-ассоциации созданные на основе принципов добровольности, членства и признания общих целей. Они являются своеобразными «перемычками» между партией и обществом. Они действуют на территории всей страны и имеют иерархическую структуру. К числу наиболее активных относятся, например, Всекитайская федерация профсоюзов, Коммунистический союз молодежи Китая, Всекитайская федерация женщин. Их возглавляют коммунистические функционеры, специально назначенные на свои посты партийными органами и получающие от них указания. Одной из основных задач этих народных организаций является проведение политики партии среди наиболее значительных групп. «Получается, что массовые организации представляют интересы компартии среди организо-

ванных «групп интересов», а не наоборот. Они по классическому определению выступают в роли «приводных» ремней партии» [2, с. 435]. Хотя по своей природе, характеру деятельности они не являются полностью политическими, тем не менее, им в той или иной мере приходится участвовать в государственной и общественной деятельности, быть вовлеченными в решение экономических, социальных, демографических и культурных задач.

А созданные силами народа некоммерческие организации – это образованные силами коммерческих предприятий, общественных организаций, различных общественных сил, частными лицами не направленные на получение прибыли, учреждения: учебные заведения, лечебные учреждения, дома престарелых, пансионаты, исследовательские, культурные, спортивные центры, центры по оказанию различных услуг населению.

Ученые из университета Цинхуа провели исследования деятельности пекинских всекитайских и местных общественных организаций, а также организаций, созданных силами народа. Исследования показали, что основными сферами их деятельности являются союзы специалистов в различных областях, студенческие общества, бизнес ассоциации (50%); международный обмен (22,12%); социальное обслуживание населения (22,12%); запрос мнений по политическим установкам (20,19); помощь бедным и пострадавшим от бедствий (18,27%); охрана окружающей среды (16,34%); подготовка и переподготовка специалистов (13,46%); спорт, здоровье, развлечения (11,54%); различные фонды (9,62%) и т.д. [3, с. 4–5].

Западный опыт взаимодействия общественных и государственных структур демонстрирует преимущество принципов социального партнерства в форме трехсторонних отношений между властью, бизнесом и организациями гражданского общества, иначе называемым межсекторным взаимодействием. Представители каждого сектора имеют разные возможности и ресурсы для участия в решении проблем социальной сферы. У них разные представления о самой природе социальных проблем. Но, несмотря на все различия и связанные с ними противоречия, сотрудничество секторов необходимо: ни государство, ни бизнес, ни граждане не могут «в одиночку» преодолеть социальную несправедливость и конфликты [4].

В зависимости от типа взаимодействия общественных организаций с властью и друг с другом Е. Белокурова выделяет две модели – плюралистическую и корпоративную. При взаимо-

действию организаций третьего сектора и государства в рамках плюралистической модели первые являются многочисленными, добровольными, неиерархическими, конкурирующими между собой самостоятельными объединениями, не создаваемыми и не контролируемые государством.

Для корпоративной модели характерно ограниченное число не конкурирующих между собой, иерархически упорядоченных (посредством совета общественных организаций) и функционально дифференцированных неправительственных организаций, признанных или созданных государством, которое наделяет их монополией на представительство отдельных интересов в обмен на определенную степень правительственного контроля за подбором их лидеров и артикуляцией требований и поддержки [5, с. 675]. В Китае, как говорилось выше, существует небольшое количество официальных массовых общественных организаций и огромное число созданных силами народа некоммерческих организаций. Это дает основания считать, что в современном Китае сосуществуют обе модели взаимодействия общественных организаций с государством.

К.А. Егоров пишет о том, что «политическое участие общественных образований во многих случаях сводится к созданию пунктов по сбору предложений и заявлений, которые в принципе должны рассматриваться на заседаниях низовых органов государственного управления или передаваться в вышестоящие органы» [6, с. 177]. О необходимости создания механизма реализации законодательной инициативы общественных организаций говорит и китайский политолог Гао Фан [7, с. 620].

Таким образом, можно выделить следующие основные формы взаимодействия (сотрудничества) общественных организаций и государственных органов в КНР:

1. Сотрудничество, возникающее при формировании государственных органов и руководящих органов общественных организаций. Речь идет, прежде всего, об участии общественных организаций в избирательных кампаниях. Это выдвижение кандидатов в состав представительных органов государственной власти; последующая связь с народными избранниками путем обсуждения их отчетов; участие в реализации права отзыва и т.д.

На практике большинство кандидатов в депутаты уездных и вышестоящих СНП выдвигаются Единым фронтом. Массовые народные (общественные) организации наряду с политическими партиями выдвигают своих кандидатов на

выборы в местные и центральные представительные органы власти Китая. Более того, «в 1987 г. в ходе выборов в СНП волостного и уездного уровня впервые было искусственно ограничено число кандидатов, выдвинутых политическими партиями и общественными организациями» [6, с. 89], – утверждает К.А. Егоров. Автор утверждает, что эта мера принималась во избежание злоупотребления политическими партиями и общественными организациями своим политическим весом, и подавления ими кандидатов-конкурентов выдвигаемых, небольшими группами, численностью более 10 человек.

2. Взаимодействие в форме взаимоконтроля.

3. Сотрудничество в процессе правотворчества и внутриорганизационного нормотворчества.

Важной формой развития демократического процесса в Китае также служит совершенствование системы политического участия. Право на политическое участие представляет собой наиболее важное из политических прав граждан. В этой связи справедливо замечание китайского ученого Тань Цзяня о том, что степень осуществления политического участия является индикатором развития демократии в государстве [8, с. 76]. Применительно к условиям своей страны китайские политологи насчитывают шесть различных форм политического участия: участие в выборах с правом выдвижения своей кандидатуры при поддержке десяти других избирателей; отзыв депутата путем голосования; внесение проектов решений; проведение повторного голосования; сдача экзаменов для поступления на службу; поступление на государственную службу [8, с. 76].

Одним из важных аспектов политической реформы, начатой в 1978 г. было создание, а в некоторых случаях восстановление системы многочисленных официальных каналов, по которым граждане могут выражать свое мнение и участвовать в политической жизни. Это разнообразные бюро жалоб, «горячие телефонные линии», центры, куда можно обратиться о злоупотребление властей, а также письма в газету.

Разумеется, в условиях длительного, глубокого реформирования всей административно-хозяйственной жизни страны на рыночной основе, сопровождающегося появлением новых и обострением старых противоречий, при отсутствии достаточного опыта такого реформирования, невозможно избежать сопутствующих этому процессу негативных явлений. Существует точка зрения, что «почти каждый взрослый гражданин вовлечен в определенную политическую организацию или группу. Это формулирует, ка-

залось бы, соответствующую целостность политического участия. Однако, несмотря на широкий спектр политических организаций и строгие организационные формы, кроме правящей партии ни одна другая политическая организация не обладает достаточно консолидирующей силой» [9, с. 215].

В большинстве случаев формулирование рядовыми гражданами своих интересов направлено не на выработку политического курса, а на устранение проблем, возникающих при его реализации (как правило, это злоупотребление служебным положением). Новая правовая политика сделала возможным такой вид формулирования интересов. Все чаще группы крестьян со сходными интересами, но не имеющие оформленной политической структуры (например, обычные крестьяне), начинают «законное сопротивление», т.е. сообщают направляя петиции в высшие инстанции, прося расследовать деятельность и наказать местных лидеров, нарушающих закон и действующих вразрез с политическим курсом. «Законное сопротивление» становится не средством решения личных проблем, а формой коллективных действий по официальным каналам. Несмотря на то, что подобные организации в большинстве своем – неформальные и создаются ad hoc, т.е. по конкретным поводам, они выполняют свою роль – согласование интересов вне структур Компартии [10, с. 435–436].

На официальном уровне вопрос о демократизации политической системы по западному образцу не ставится. Все общественные организации и Единый фронт самостоятельной политики не проводят и служат проводниками политики компартии в массы. Проблема демократизации политического строя ставится китайским руководством весьма своеобразно, то есть в соответствии с пониманием демократии с китайской спецификой. В этом понимании есть место учету материальных и отчасти социальных интересов населения, но нет места для его волеизъявления. Система политического участия граждан только начинает развиваться. Важнейшим результатом этого процесса стало осознание действительных интересов подавляющего большинства населения и политика реализации этих интересов на практике. Формула «управление интересами через интересы» означает всемерный учет их, согласование и диалог вместо давления, администрирования. Диалог между государством и обществом необходим для достижения реальных результатов.

Американский социолог С. Верба среди основных составляющих и признаков процесса политической модернизации выделяет повыше-

ние способностей политической системы к выживанию в кризисных ситуациях и к преодолению кризисов за счет использования новых средств коммуникации, социализации и мобилизации [11, с. 224]. А такая кризисная ситуация уже сложилась. «В конце ноября журнал "Цайцин" проводил ежегодное собрание под девизом "2013: прогнозы и стратегия". Среди участников, численность которых достигала 1000 чел., были китайские и зарубежные эксперты, бывшие и нынешние чиновники довольно высокого ранга и журналисты. Наибольшее впечатление на присутствующих произвело выступление профессора университета Цинхуа Сунь Липина. Он отметил, что в стране множатся массовые акции протеста, забастовки, волнения, демонстрации. И если компартия упустит шанс порвать со своим прошлым, то через пять или, самое большее, через десять лет произойдет катастрофа. Пока еще такой шанс существует. Если правящая партия принесет покаяние, то сердобольный народ может отпустить ей грехи. Но вечно он жалеть власть не станет. Фактически, полагает Сунь Липин, "тихая революция" уже началась. Это проявляется в падении доверия к власти и снижении управляемости» [12, с. 6–7]. Поэтому на повестке дня остается дальнейшее продвижение политической реформы, расширение демократии и открытости. Диалог между государством и обществом должен быть направлен на достижение согласия в обществе, на выработку программы и механизмов политической деятельности, а также на демократизацию и сциентизацию процесса принятия политических решений.

Литература

1. Ян Дунпин. Китай в XXI веке. – Пекин: Сиюань, 2001.
2. Важнейшие народные организации / Китайский информационный Интернет-центр // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.russian.people.com.cn>
3. Общественные организации созданные силами народа. – Пекин: Изд-во университета Цинхуа, 2001.
4. Перегудов С.П. Гражданское общество, власть и бизнес? / Куда пришла Россия? – М.: МВШСЭН, 2003.
5. Белокурова Е.В. Государство и благотворительные организации: трансформация моделей взаимодействия / Благотворительность в России. – СПб.: Лики России, 2001.
6. Егоров К.А. Китайская Народная Республика: политическая система и политическая динамика. – М.: Наука, Восточная литература 1993.
7. Гао Фан. Политология и реформа политической системы КНР. – Пекин: Чжунго шунци, 2002.
8. Тань Цзянь. Чжунго чжэньчжи тичжи гайгэ лунь (О реформе политической системы в Китае). – Пекин, 1989.
9. Тао Дунмин, Чэнь Минмин. Дандай Чжунго чжэньчжи цаньюй (Политическое участие в современном Китае). – Ханчжоу, 1998.

10. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К. и др. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002.

11. Модернизация России. Социально-гуманитарные измерения / под ред. Н.Я. Петракова. – М.: Нестор-история, 2011.

12. Бергер Я. К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – №1. – С.3–18.

Бальчиндоржиева Оюна Байровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

Balchindorzhieva Oyuna Bairovna, candidate of philosophical sciences, senior lecturer, department of philosophy, Burayt State University, Ulan-Ude, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

УДК 111.1/217

© Г.В. Авдошин

ФОТОГРАФИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ

Философский смысл фотографии заключается в открытии древнего способа мировидения. Его главный принцип – «умность» всех вещей и явлений. Вещи созерцают и отражают друг друга. В мире имеют место два основных процесса: воплощение и отражение. Воплощение – это нисхождение эйдоса в материю. Отражение – возвращение эйдоса к самому себе. Фотография рассматривается в настоящей статье как один из способов этого возвращения.

Ключевые слова: воплощение, отражение, созерцание, ум, эйдос, символ, трехмерное и двухмерное пространство.

G.V. Avdoshin

PHOTOGRAPHY AS REFLECTION

Philosophical meaning of photography is that it reveals an ancient mode of viewing the world. Its central principle is the «intelligence» of all things and phenomena. Things contemplate and mirror each other. There are two principal processes in the world: objectification and reflection. The objectification is the descent of an eidos into matter. The reflection is the return of the eidos to itself. In this article the photography is viewed as one of the modes of this return.

Keywords: objectification, reflection, contemplation, intellect, eidos, symbol, three- and two-dimensional space.

Если посмотреть на изобретение фотографии с философской точки зрения, то можно увидеть главный его смысл в преодолении субъект-объектного режима мышления европейской философии. Или, по-иному, в освобождении человека от власти субъекта, от притяжения подлежащего, в пространстве которого он оказался, вероятно, со времен Декарта («мыслю, следовательно, существую»). Но ведь знаменитый декартовский вывод можно понять и так: философ говорит не о человеке, который мыслит, а о себе. Он обращается здесь не к человеку, а к «Я», к структуре самости, которая, безусловно, связана с человеческим существом, но им не исчерпывается. Можно сказать ведь и так: «я» мыслит, следовательно, существует. Такая формулировка отсылает уже, например, к индийскому Атману или к парменидовскому «мыслыбътию», а из европейских философов, пожалуй, к Шеллингу. Замыкание же «Я» на человеке приводит к «изоляционному» режиму Канта и вытекающим из него ограничениям, которые имеют место в некоторых течениях современной философии (например, позитивизм, аналитическая философия).

Фотография не случайно стала в XX в. предметом философского осмысления. В ней скрыт какой-то древний смысл, какое-то древнее ощущение, что все вокруг в той или иной степени одушевлено и что ум – это не замкнутая человеческая способность, что он не находится в человеке, а «разлит» по всему космосу. И процесс познания происходит не только в человеке, но происходит везде. Вероятно, данное обстоятельство объясняет, почему древние, уже знавшие о камере-обскуре, самой фотографии не изобрели: все вокруг и так воспринималось как фотография (в философском смысле – как светописание).

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть фотографию не как техническое средство, а как своего рода механизм восприятия и познания мира, забытый в Новое время и начавший возрождаться в XX в. В философии этот процесс происходил у многих философов, но прежде всего хотелось бы назвать Флоренского, Лосева, Хайдеггера; в науке он нашел отражение в учении о ноосфере В.И. Вернадского, а если брать отдельные произведения, то мы бы назвали в качестве примера «Символ и сознание» М. Ма-

мардашвили и А. Пятигорского. По нашему мнению, возвращение доновременных техник и способов философствования сегодня актуально, как никогда, поскольку замыкание, закрывание философии как живого мышления в человеке, сведение ее к языковым и логическим играм, таит угрозу «тепловой» смерти, имеющей место, как учит нас термодинамика, в закрытых системах.

Одним из главных способов нахождения чего-либо в мире является воплощение. Быть в мире значит быть воплощенным. Воплощение разворачивает пространство, запускает время, и тем самым организует мир. Мир – обитель живого.

Воплощают замыслы, идеи, планы. В этом смысле любая деятельность является воплощением. И как воплощение, любая деятельность может быть названа искусством. Владимир Иванович Даль описывает слово «искусство» в разъяснениях к глаголу «искушать». Искушать кого-то в чем-то – значит, с одной стороны, испытывать, изведывать, убеждаться на опыте в образе действий, мыслей или чувств. С другой стороны, искушать – значит соблазнять, прельщать, совращать с пути блага и истины [1]. Из данного описания можно сделать предположение, что искусство связано с познанием, испытанием, прельщением и совращением одновременно (последние две характеристики имеют смысл тогда, когда искусство замыкается в себе, становясь «искусством для искусства»). Если вспомнить миф об Адаме и Еве, то искусство (как деятельность, направленная на создание чего-либо) появилось после вкушения запретного плода, когда у первых людей открылись глаза и они оказались в мире, вынужденные добывать себе хлеб насущный. «Вкушение», «искушение», «кусочек», «искусство» – выстроим такой вот смысловой ряд, отсылающий к запретному плоду. И точно так же: «плод», «плоть», «воплощение».

Если перейти на философский уровень, то процесс воплощения связан с эйдосами (мы традиционно для XX в. предпочитаем данное понятие понятию идеи: под «идеями» же здесь будет пониматься область, не связанная с вещественным миром, тогда как эйдосы, напротив, рассматриваются как «устроители» мира вещей). Воплощают эйдос. Эйдос отсылает к философии Платона, у которого он представляет собой истинное бытие. Согласно размышлениям в X книге «Государства» эйдосы-образцы создает демиург. По ним, в свою очередь, ремесленник создает вещи, которые являются их подобием и удалены от истины. А вот живописец создает

подобия подобий, копии копий, перенося вещи на плоскость картины, тем самым еще более удаляя эйдосы от истины. Он как раз и занимается искусством-совращением. Поэтому дело живописца вредно и опасно для идеального полуса [2, с. 390–393].

Почему, однако, люди живописуют? Почему переносят окружающий мир на картину? Почему стремятся к его правдоподобному, реалистическому представлению, предельным способом чего является фотография? Отвечая на эти вопросы, следует сказать, что существует обратный воплощению процесс. Ведь если создание кровати «по» эйдотическому образцу – это обретение материей эйдоса кровати, то имеет место и другой процесс, процесс развоплощения. И он, как нам думается, начинается с перенесения кровати из трехмерного пространства в двухмерное: это первый шаг от вещи к миру идей. Мы бы назвали данный процесс отражением. Отражение – это одно из условий обнаружения эйдоса в вещи. Дерево-материал не может отразить эйдос, несмотря на то, что «в» нем появляется, например, шкаф. Дерево может только воплотить, то есть «поместить» эйдос в трехмерное пространство, «приобщить» его к нему, явив предмет для хранения одежды. Но само воплощение эйдоса в материи не идеально, оно требует постоянного усовершенствования, доработки. И данное обстоятельство, как нам кажется, объясняет многообразие вещей, тех же шкафов: ведь если бы эйдос воплощался в каждом конкретном случае идеально, то все шкафы были бы одинаковыми на вид, исключая, разумеется, несущественные признаки. Но материя – это лишь возможность, потенция. Поэтому воплощение в материи – лишь первый уровень. Второй уровень – отражение. На нем «задействованы» живописцы, которые возвращают эйдосы из трехмерного «небытия» на плоскость картины, где они обретают (тоже, конечно, в зависимости от мастерства художника) более подходящее для них пространство. Многомерное материальное пространство как выражение сложности не совсем подходящее место для обнаружения эйдосов, так как они в иерархической структуре бытия располагаются ближе к Первоединому, а чем ближе к нему, тем проще, в том числе и в пространственном измерении (Первоединое можно уподобить точке).

Когда воплощенная вещь отражается, это значит, что она передает свой эйдос. Передает кому или чему? В конечном итоге – самой себе. Отразиться – это значит, с одной стороны, запечатлеться в материале, а с другой – увидеть себя в другом. Или, объединяя эти стороны, можно

сказать: отражение – это запечатление вещью самой себя в чем-то другом с целью обнаружения, «увидения» самой же себя. Отражение – это всегда встреча с собой. Она происходит в некоем (нетрехмерном) пространстве, в сознании, в зеркале-уме, где находятся эйдосы. Главным «организатором» подобных встреч является человек, обладатель, а вернее, главный проводник ума. Инструментом ума являются глаза. Глаза человека, обладающие способностью видеть, видят вещи с помощью эйдосов. Эйдос – то, что делает вещь целым. Когда мы видим, мы как бы переносим эйдосы в себя, отражаем их в себе. Они могут стать образами на плоскости картины, при условии, что мы имеем дело с глазами художника. А если это глаза «простого» человека?

А для глаз «простого» человека имеется фотоаппарат. Не каждый человек может создавать картины, но каждый человек в той или иной степени отражает эйдетический мир и в этом смысле является живописцем. Он видит в окружающем мире воплощенные эйдосы и возвращает их обратно. Один из общедоступных и интересных способов для этого сегодня – фотография. Человек снимает горы, деревья, цветы, облака, животных. Почему? Потому что красиво, потому что он видит в них себя, а они в нем – себя. Для чего? Мы думаем, что в философском смысле (о котором человек может и не думать) для того, чтобы перенести эйдосы обратно в их исконную среду, соединив их с умом и зафиксировав это соединение на фотоснимке.

Мы хотели бы описать античный способ фотографического отражения-видения, обратившись к Плотину (в переводе и трактовке А.Ф. Лосева в «Истории античной эстетики»). Платиновский трактат «О природе, созерцании и едином», как нам кажется, очень точно представляет этот способ. Прежде чем привести основные мысли трактата, следует вспомнить объяснение Лосевым понятия созерцания. Алексей Федорович предостерегает от возвышенного понимания «созерцания», которое это слово имеет в русском языке. Для Платина, как и для любого античного философа, созерцание – это зрительно-мыслительный процесс выделения какой-либо вещи среди других вещей, именование ее и отличие от всего остального, когда мы обращаем внимание на какую-либо вещь, называем ее («это – стол») и тем самым отделяем от остального.

Принципы платиновской философии – Единое, Ум, Душа. Плотин полагает, что каждому уровню действительности свойственно созерцание. Имеет место созерцание Душой, Умом,

Единым, а также природой самих себя, или самосозерцание. Плотин говорит, что в процессе созерцания тот, кто (или то, что) созерцает и созерцаемое (созерцательные данности) срастаются между собой, становясь одним. Это одно – живущее созерцание (выделено у Лосева), которое позволяет говорить не о разных жизнях (растительной, чувствительной и др.), а о разных мышлениях. Потому что «...всякая жизнь есть некое мышление, но одно более темное, чем другое, как и [сама] жизнь» [3, с. 541]. Есть более светлая первичная жизнь, связанная с первичным мышлением, менее светлая вторичная жизнь, связанная со вторичным мышлением и т.д. Соответственно, первое мышление может быть свойственно человеку, а последнее – травам или камням (которые тоже мыслят). Плотин делает такой вывод: «...все истинно-сущее [возникает] из созерцания и есть созерцание, а возникшее из него возникло вследствие того, что оно созерцает и само есть созерцательные данности (одно путем ощущения, другое – путем знания или мнения); что поступки имеют цель в знании и стремление к знанию; и порождения, исходящие от созерцания, [имеют цель] в осуществлении лика и другой созерцательной данности; что вообще все, будучи подражанием творящего, творит созерцательные данности и лики...» [3, с. 543–544]. Любая вещь обладает умом, который осуществляет свое главное свойство: наблюдает сам себя через окружающие вещи (или без них, если это ум сам по себе, ум как принцип). Ум в своем созерцательном аспекте есть свет. И созерцательная деятельность ума на всех уровнях действительности может быть названа светописанием, фотографией.

Нам кажется, что в данном контексте платиновское понятие созерцания синонимично предложенному нами понятию отражения. Просто «созерцание» в русском языке связывается с несколько иным аспектом светописания по сравнению с «отражением»: созерцание предполагает объединение вещи и наблюдателя, видимого с видящим, а отражение – запечатление видимого в другом (пространстве, плоскости, материале) и разделение его с видящим. Фотографию как зеркальное дело правомернее, конечно, называть отражением. При этом можно предположить, что в древнем мире она имела место как простое созерцание (собственно, как она имеет его и теперь с той разницей, что созерцаемые вещи фиксируются, превращаясь в картины).

Перенесение вещей на плоскость фотографий – самый низший в онтологическом плане вид деятельности (он даже ниже, чем создание кар-

тин, поскольку требует меньше затрат). Но он также необходим, так как эйдосы «просятся» обратно в умное пространство. Поэтому человек фотографирует-светопишет – красками ли на холсте, фотокамерой ли, то есть он отражает, обнажает и освобождает эйдос.

Следует заметить, что «воплощение эйдосов в вещах» – это не совсем точная формулировка. Скорее, происходит обратный процесс, процесс приобщения материи, а затем и самих вещей к эйдосам. Ведь и у Платона и у Плотина сами эйдосы не находятся в вещах. Мастер приобщает материал к ним. Точно так же и ум не находится в человеке. Человек приобщается к уму. Сложность и загадочность процессов взаимодействия ума, эйдосов и вещей ставит перед нами проблему символа.

Символическое пространство в самом общем смысле возникает в процессе взаимодействия человека с миром. Созерцаемые вещи отражаются в человеке, теряют свой вещественный, бытовой смысл, словно развоплощаясь и соединяясь с идеей, вернее, возвращаясь к ней. Само слово «символ» этимологически предполагает «сброшенность», «соединенность». Можно сказать, что данные процессы происходят в сознании человека, где находят место сами эйдосы. Но находится ли сознание в человеке? Сознание не является трехмерным пространством, поэтому оно не может найти себе места в нем, «поместившись» в человеке. Вещи попадают «в» сознание, освободившись от трехмерности и материальности. Сам человек как трехмерное телесное существо может попасть «в» сознание, приобщиться к нему, точно так же, как материя приобщается к эйдосам. Как замечают Мамардашвили с Пятигорским в «Символе и сознании», вещи у Платона обозначают идеи, они есть знаки идей, а не наоборот. Сами же идеи являются символами сознания [4, с. 81]. Приобщение человека к сознанию происходит через символ. Символ – это объединение материального и идеального планов в конкретной вещи. И как разновидность объединения символ рождается в созерцании. Следуя за Мамардашвили и Пятигорским, нужно добавить, что символ не является знаком, он ничего не обозначает, но открывает иные уровни действительности. За символом ничего конкретного (с точки зрения вещественного мира) не стоит [4, с. 81]. Можно сказать, что символ показывает нам невидимое. Символ – способ существования невидимого.

Если рассмотреть фотографию как фотографирование не просто вещей, но вещей-символов, то можно сказать, что она открывает нам невидимое. Здесь следует вспомнить клас-

сические понятия «studium» и «punctum» Р. Барта. Интерпретируя их в контексте нашего изложения, можно сказать, что «studium» – это фотография в своем видимом измерении. У Барта это культурное поле фотографии, которое вызывает у зрителя общий исторический интерес. «Punctum» же «представляет» фотографию в ее невидимости. Барт понимает его как деталь, которая задевает лично его самого и только его, Р. Барта [5]. «Punctum» делает фотоснимок неповторимым и ценным для кого-то одного. Французский семиолог полагает, что деталь фотографии, образующая «punctum», видима. Это могут быть руки, ботинки, любой предмет или его часть. Но философ Е. Петровская, в противовес автору «Camera lucida», совершенно справедливо, на наш взгляд, замечает, что «punctum» невидим. Она пишет: «Можно сказать, что studium – это взгляд человека культуры, человека, который должен произвести определенную «редукцию», чтобы «увидеть» punctum. Ибо punctum видеть нельзя (даже когда Барт говорит о том, что punctum есть некая деталь, он не в состоянии определить ее место – отсюда размышление о латентной силе punctum'a, о его метонимическом воздействии и др.). Punctum нельзя увидеть хотя бы потому, что он выражает сущность фотографии» [6, с. 302]. Последнее предложение процитированного текста очень точно характеризует отношения видимого и невидимого. Невидимая сущность как принцип видимого явления находится за пределами визуальности. Например, когда мы говорим: «Его лицо выражает печаль», то лицо мы видим, а печаль – нет. Но без невидимой печали мы никогда бы не поняли, что «лицо печально». Поэтому мы соглашаемся здесь с наблюдением Петровской о природе «punctum'a»: он невидим. Кроме того, присутствие в фотографии «punctum'a» открывает символическое пространство, в котором человек объединяется с тем, что изображено на снимке. Изображенное на снимке посредством «punctum'a» становится символом.

Вещи отсылают нас с помощью фотографии, которая создает для них особенное созерцательное пространство, к более высоким слоям действительности, где каждый слой предстает как ум. Его главным свойством является зеркальность. Ум отражает окружающие вещи. Но чем «выше» мы поднимаемся, тем меньше вокруг оказывается вещей, живых существ, людей, и в конечном итоге уму не остается ничего другого, как отражать и созерцать себя самого. И когда мы бываем поражены какой-либо фотографией, это зна-

чит, что мы увидели в ней самих себя. Точнее, ум через нас увидел в ней сам себя.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – М.: Медиа, 2006. – 779 с.
2. Платон. Государство / Платон: собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 960 с.
4. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. – М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. – 288 с.
5. Барт Р. Camera lucida. – М.: Ad Marginem, 1997. – 224 с.

6. Петровская Е. Фото(био)графия: к постановке проблемы / Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии №1/ под ред. В.А. Подороги. – М., 2001. – 438 с.

Авдошин Георгий Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, e-mail: avdoshinn@rambler.ru

Avdoshin Georgiy Valerevich, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of philosophy, Kazan State Power Engineering University, Kazan, e-mail: avdoshinn@rambler.ru

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 331.556.4

© З.А. Данилова

РИСКИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В статье рассматриваются риски развития вертикальной мобильности будущих специалистов в регионе: снижение качества и уровня образовательного потенциала, расширение платной и заочной форм обучения, перепроизводство и дефицит отдельных специалистов на региональном рынке труда, приоритет социальных связей при трудоустройстве, слабая координирующая роль государства в системе подготовки кадров.

Ключевые слова: вертикальная мобильность, риски, условия, образовательный потенциал, каналы, региональный рынок труда.

Z.A. Danilova

RISKS OF FUTURE EXPERTS' VERTICAL MOBILITY

The article discusses the risks of future experts' vertical mobility in the region: a decrease of quality and level of educational capacities, an extension of fee required and correspondence forms of training, overproduction and lack of various experts at the regional labor market, a priority of social ties in employment, a weak coordinate role of state in the system of personnel training.

Keywords: vertical mobility, risks, conditions, educational potential, channels, regional labor market.

Восходящая вертикальная мобильность является одним из механизмов, обеспечивающих социальную стабильность и интеграцию за счет перемещений групп населения из нижних слоев в верхние. В современной России отмечается затрудненное движение социальных лифтов, ограничены возможности и перспективы восходящей вертикальной мобильности. В то же время, если социальные лифты не работают продуктивно, то в слоях, имеющих ресурсы (высокий уровень образования и квалификации, опыт и др.), возникает социальный дискомфорт и напряжение. Данные слои начинают искать новые пути роста, используют неформальные каналы мобильности, включают иные социальные связи и контакты.

Одним из основных факторов эффективной вертикальной мобильности специалистов является наращивание качественного образовательного потенциала. В восточных регионах России, в том числе в Бурятии, отмечается, с одной стороны, дефицит в специалистах, необходимых региональным рынкам труда, с другой – их перепроизводство. Дисбаланс в структуре квалифицированных специалистов сложился по объективным причинам, поскольку на протяжении длительного времени основное внимание уделялось подготовке кадров с высшим образованием. Повсеместно сокращались средние специальные профессиональные учреждения образования.

Высшие учебные заведения, учитывая пожелания потребителей (ориентация на престижные профессии), стали готовить специалистов без учета их реальной необходимости. Риски развития образовательного потенциала кроются и внутри системы их подготовки, структуре студентов, качестве образовательных услуг и др. Представляется важным выяснить ресурсы и риски развития образовательного потенциала, выявить каналы восходящей вертикальной мобильности специалистов, их зависимость от проблем в высшем образовании.

Ключевым показателем уровня социального развития является *индекс уровня образования (Education Index)* – комбинированный показатель Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), рассчитываемый как индекс грамотности взрослого населения и индекс совокупной доли учащихся, получающих образование. Данный показатель является универсальным, хотя и обладает недостатками, поскольку не отражает в полной мере разницу в доступности образования по возрасту и длительности обучения. Россия в 2011 г. по этому индексу занимала 49 место и находилась в первой четверке стран, имеющих высокий уровень образования [1].

Самые высокие индексы образования отмечаются в США, Норвегии и Австралии, где средняя продолжительность обучения достигает

12–13 и более лет. В России данный показатель также относительно высок и составлял в последние годы от 11 до 12 лет.

В Республике Бурятия и Иркутской области показатели образования почти тождественны и

несколько выше, чем в целом по РФ. В Забайкальском крае несколько ниже доля учащихся и индекс образования отстает от показателей страны и соседних регионов (таб.1 [2]).

Таблица 1

Показатели уровня образования в Байкальском регионе, РФ в 2010 г.

Регион	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7–24 лет, %	Индекс образования
Россия	99,07	0,755	0,916
Иркутская область	99,6	0,785	0,926
Республика Бурятия	99,5	0,785	0,925
Забайкальский край	99,5	0,725	0,905

В 2012/2013 учебном году доля учащихся в возрасте 7–24 лет возросла и составила по нашим расчетам 0,853%, а уровень грамотности или число людей, имеющих образование, оставался на прежнем уровне. Соответственно несколько увеличился и индекс образования.

Исходным базисом для будущей квалификации служит уровень и качество обучения в средних образовательных учреждениях. В целях улучшения качества и доступности образования, оптимизации бюджетных расходов в стране проводится ряд реформ (введение государственной итоговой аттестации для выпускников средних образовательных школ в форме единого государственного экзамена (ЕГЭ) или в форме государственного выпускного экзамена, переход образовательных учреждений в статус казенных, новых бюджетных или автономных в соответствии с ФЗ РФ №83 «Об образовании» и др.), однако их результативность не совсем очевидна.

Почти треть респондентов-родителей, имеющих в семье детей школьников и студентов, отметила ухудшение качества образования, столько же не заметили каких-либо изменений и 27% отметили улучшение образовательных услуг [3]. Можно предположить, что причины прослеживаемых негативных тенденций кроются в том, что государство выделяет слишком мало средств на нужды учреждений образования; это отрицательно отражается на оплате труда и, как следствие, ведет к снижению квалификации преподавательского состава. Плюс ко всему отсутствует надлежащий контроль за деятельностью средних образовательных учреждений.

В Республике Бурятия традиционно отмечается высокое стремление молодых людей получить высшее образование. Образовательный потенциал населения неуклонно возрастал, как и в целом по РФ, в основном за счет роста количества студентов вузов. В 2012 г. по сравнению с 2000 г. число студентов выросло почти в два раза. Если в 2000/2001 учебном году в четырех

государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования республики обучалось 24,2 тыс. студентов, то в 2012/2013 г. – 40,2 тыс. Отмечается и значительное количество студентов в негосударственных вузах – в 2012/2013 учебном году в них обучалось 5,5 тыс. чел. (табл. 2 [4]).

Пик численности студентов в государственных и негосударственных вузах, отмечался в 2010/2011 учебном году. В последующие годы произошло некоторое сокращение количества обучающихся в высших образовательных учреждениях. Данное обстоятельство связано, как с демографическими проблемами (в совершеннолетний возраст вступили дети, рожденные в самые низкие годы рождаемости), так и с наметившимися контурами новой образовательной политики, направленной на возрождение среднего специального профессионального образования.

К основным рискам восходящей мобильности специалистов, на наш взгляд, сегодня относятся: рост численности студентов заочной и дистанционной формы обучения, расширение платного образования, дефицит практики, приоритет социальных связей при трудоустройстве, слабая координирующая роль государства в системе подготовки кадров.

Как мы убедились выше, в Республике Бурятия отмечается значительный рост количества обучающихся в высших учебных заведениях, и в течение 13 лет он происходил преимущественно за счет увеличения числа студентов заочной формы обучения. Если число студентов очной формы в РБ с 2000–2013 гг. практически оставалось прежним, то число студентов заочной формы увеличилось на 192%. Резкое доминирование студентов заочной формы обучения произошло в 2010/2011 учебном году (табл. 2.). Получение качественного образования и необходимой в условиях рынка специальности являются непременным условием для поступательного

движения в вертикальной мобильности. Однако расширение заочной формы обучения и сокращение бюджетных мест вряд ли могут способствовать повышению качественных характеристик образовательных услуг. Тенденция роста числа студентов данной категории существенно снизило запросы предприятий на таких специалистов.

В настоящее время студенты получают образование за счет федерального бюджета и собст-

венных средств. С годами финансирование из федерального бюджета образовательных услуг существенно сокращается. Практика же обучения за счет средств местных бюджетов не получила распространение в Бурятии, однако в других субъектах РФ встречаются случаи материальной поддержки студентов. Незначительные средства выделяются из местного бюджета в форме стипендий для талантливых студентов.

Таблица 2

Численность студентов в государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования Республики Бурятия (на начало учебного года)

	2000/01	2005/06	2010/11	2011/12	2012/13
Число учреждений	4	4	4	4	4
В них студентов, человек	24194	34829	41705	40311	40214
в том числе обучающихся на отделениях:					
очных	16411	23075	18551	17952	17360
очно-заочных (вечерних)	-	17	107	105	99
заочных	7783	11737	23047	22254	22755
Из числа обучающихся – женщин	14482	19935	24620	23540	23741
Принято студентов – всего, человек	5279	6680	10676	8275	8916
в том числе на отделениях:					
очных	3810	4624	4422	4405	4515
очно-заочных (вечерних)	-	-	25	22	35
заочных	1469	2056	6229	3848	4366
Выпущено – всего, человек	3332	5167	8604	7427	7854
в том числе обучавшихся на отделениях:					
очных	2425	3441	3847	3506	3330
очно-заочных (вечерних)	15	-	20	3	20
заочных	892	1726	4737	3918	4504

Отношение к стремлению перевода системы образования на платную основу, представляющей ранее панацеей от всех бед, одной из основных форм выживания образовательных учреждений, не совсем однозначное. Образовательные учреждения в погоне за прибылью нередко забывают о качестве знаний абитуриентов. Снижение конкурентной основы при поступлении в вузы на платные специальности сокращает возможности честной и открытой борьбы. Страдают при этом больше малоимущие категории абитуриентов. В результате на первоначальном этапе своей карьеры многие талантливые молодые люди уже отчуждены от участия в восходящей вертикальной мобильности, поскольку высшее образование сегодня является основным ресурсом успешной адаптации. Для них практически закрыт доступ для поступления в элитные вузы страны, а также на специальности, пользующиеся спросом на рынке труда. К тому же, платная форма обучения дает больше гарантий неприкосновенности в процессе обу-

чения для посредственных учащихся, нежели бюджетная форма. Несколько снижены элементы контроля за качеством подготовки специалистов.

Указывая на данное обстоятельство, мы не задаемся целью подвергнуть остракизму данную форму обучения, поскольку она является неотъемлемой частью образовательного процесса и, безусловно, дает положительный заряд, настрой на качественное обучение. Выбирая платную форму обучения, участник процесса вправе требовать и качественных услуг. Вместе с тем, не всегда между ростом платных услуг и ростом их качества можно поставить знак равенства, то есть тезис «платный – значит качественный» не совсем работает.

В образовательных учреждениях недостаточно присутствует производственная практика. Современные выпускники высших учебных заведений – это люди с высокими запросами, достаточно образованные и информированные, но с недостаточным профессиональным уровнем из-

за дефицита практических навыков и умений. Высшее образование остается абстрагированным от практики, слабо развита производственная база в вузах.

В современных условиях предприятия испытывают недостаток специалистов со средним техническим образованием. На региональном рынке услуг из года в год число вакансий приблизительно колеблется от 7 до 9 тыс. По данным Отдела рынка труда Министерства экономики РБ количество вакансий, заявленных работодателями в органы службы занятости, в 2012 г. составило 8,3 тыс. единиц. Однако их не заполняют специалисты с дипломами о высшем образовании, поскольку предприятиям нужны в основном рабочие профессии. В результате у специалистов с высшим образованием отмечается нисходящая мобильность, они начинают трудоустраиваться на менее престижные малоквалифицированные специальности.

Современное образование перестало отвечать вызовам времени, поскольку фактически отсутствует координация усилий основных акторов – различных государственных структур и образовательных учреждений в подготовке специалистов. Хаотичная подготовка кадров без учета их необходимости привела к перенасыщению рынка труда одних и дефициту других профессий. Каналы восходящей мобильности среди специалистов гуманитарных профессий, особенно юриспруденции, экономики и управления, существенно ограничены из-за высокой их конкуренции на рынке труда (табл.3). Перепроизводство специалистов по этим направлениям выталкивает их в другие сферы занятости, регионы и центры притяжения рабочей силы. Неслучайно в структуре эмигрантов преобладают специалисты молодого возраста.

Таблица 3

Выпуск специалистов государственными и муниципальными образовательными учреждениями высшего профессионального образования по группам специальностей (человек)

	2005	2010	2012
Выпущено специалистов – всего	5167	8604	7854
гуманитарные науки	1198	1345	1075
социальные науки	101	150	118
образование и педагогика	279	327	443
здравоохранение	57	103	78
культура и искусство	460	489	427
экономика и управление	1138	3705	3234
сфера обслуживания	-	73	111
сельское и рыбное хозяйство	423	379	328
геодезия и землеустройство	72	212	229
энергетика, энергомашиностроение и электротехника	90	158	172
металлургия, машиностроение и материалообработка	97	79	99
воспроизводство и переработка лесных ресурсов	13	70	101
технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	301	277	189
строительство и архитектура	98	197	234
безопасность жизнедеятельности, защита окружающей среды	27	198	84
другие	813	842	357

Следуя запросам рынка труда, высшие учебные заведения несколько снизили подготовку кадров по специальностям экономика и управление, гуманитарные науки, технология продовольственных продуктов и потребительских товаров, в то же время увеличили по специальностям строительство и архитектура, энергетика, энергомашиностроение и электротехника. Однако по таким востребованным специальностям, как физико-математические, электронная техника, радиотехника и связь, информатика и вычислительная техника, выпуск специалистов все еще остается ограниченным. Так, выпуск специалистов по естественным наукам в 2012 г. составлял всего 81 человек, автоматика и управле-

ние – 19, электронная техника, радиотехника и связь – 16.

Вероятные детерминанты отмеченных явлений, возможно, не являются приоритетными в регионе, поскольку при трудоустройстве большую роль играют «связи-мосты» в вертикальной мобильности. Диплом о высшем образовании рейтинговой специальности или вуза, безусловно, дает преимущества на рынке труда, но вместе с тем не является гарантом для решения задачи эффективного трудоустройства. Для устройства на работу необходим определенный социальный капитал, дружеские или родственные связи. Трудоустройство благодаря социальным связям представляется значимым не только для городских, но и сельских жителей. Подобный

социальный ресурс в отдельных случаях является чуть ли ни единственным и самым важным при поступлении на работу.

Приоритет «связей-мостов» в вертикальной мобильности в условиях высокого уровня безработицы среди специалистов не способствует созданию условий для открытой и честной конкуренции в сфере трудоустройства и занятости населения, что ведет к снижению общественных стимулов к модернизации экономики.

Риски восходящей мобильности будущих специалистов непосредственно связаны с отдельными проблемами в подготовке кадров в системе высшего образования, особенно с недостатками в организации производственной практики будущих специалистов, дисбалансом в подготовке кадров, а также особенностями трудоустройства, когда прежде всего учитываются социальные контакты, а не профессиональные качества. Престижность высшего образования падает и потому, что оно становится общедоступным. Практически любой абитуриент может поступить в вуз, оплатив за учебу. Принцип конкурсного отбора студентов существует лишь на рейтинговых специальностях вузов, преимущественно центральных.

В условиях расширения информационных технологий, стремительного роста новых специальностей заочная, дистанционная форма обучения приобретает популярность. Но все же, стоит отметить, что таким необходимым образовательным элементом, как непосредственная трансляция знаний от преподавателя студенту, контроль качества и уровня знаний, а также накопление социального опыта в среде образования пока нет альтернативы.

В современных условиях качество и уровень образования не совсем устраивает население. Согласно опросу, проведенному агентством РИА новости в феврале 2014 г., 52,5% респондентов считают, что их не устраивает качество образования в России и в лучшую

сторону ничего не меняется. Лишь 5,6% указали на то, что в школах и вузах дают достаточно знаний и ¼ опрошенных отметили, что все зависит от учебного заведения [5].

Необходимость государственного регулирования процесса подготовки специалистов назрела давно и сегодня уже начались подвижки в данном процессе. Вместе с тем в регионе по инерции продолжают готовить специалистов без учета вызовов времени, необходимой квалификации и мотивации, что повышает риски восходящей вертикальной мобильности, их трудоустройства. Развитие качественных образовательных услуг, конкуренции в сфере образования должны стать приоритетом в государственной политике в обозримой перспективе. В данной ситуации своевременными являются слова великого ученого и гуманиста В.И. Вернадского о том, что спасение России заключается в расширении качественного образования и знаний.

Литература

1. Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» // [Электронный ресурс] – URL: <http://gtmarket.ru/ratings> (дата обращения 02.02.2014).
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в регионах РФ за 2013 г. / под ред. С.Н. Бобылева. – М., 2013. – 202 с.
3. Опрос проведен в 2012 г. РАНХ и ГС при Президенте РФ под руководством Т.Л. Клячко. Опрошено 1,2 тыс. домохозяйств.
4. Образование и культура в Республике Бурятия: стат.сб. – Бурятстат, Улан-Удэ, 2013.
5. РИА Новости // [Электронный ресурс] – <http://ria.ru/vote/20140225/996888820-results> (дата обращения 15.02.2014).

Данилова Зинаида Андреевна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: zinao@inbox.ru
Danilova Zinaida Andreevna, doctor of sociological sciences, professor, leading research fellow, Baikal Institute of Nature Management Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: zinao@inbox.ru

УДК 316.343.65 (510)

© О.Д. Барлукова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЙСКОГО СОЦИУМА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Генезис и развитие китайской интеллигенции связаны с общественным разделением труда и социальным слоем «ши». В процессе экономических, политических и социальных трансформаций общества роль китайской интеллигенции в начале XXI в. стала повышаться – с ней связывают будущее развитие Китая.

Ключевые слова: интеллигенция, Китай, «ши», эпоха, слой, группа.

O.D. Barlukova

INTELLIGENTSIA IN THE CHINESE SOCIETY SPACE: THE PAST AND THE PRESENT

Genesis and development of Chinese intelligentsia are linked to public division of labor and social stratum «shi». In the process of economic, political and social transformations of society the role of the Chinese intelligentsia was raising in the beginning of the XXth century. It concerns the future development of China.

Keywords: *intelligentsia, China, «shi», era, stratum, group.*

Успехи трансформации Китайской Народной Республики связаны с интеллигенцией, которая активно влияет на все сферы жизни общества. В современном китайском языке интеллигенция обозначается «zhishifengzi», что буквально переводится как «обладающие знанием». В Древнем Китае знание имело высокую ценность и значимость, высшее познание было связано с познанием Дао.

Генезис китайской интеллигенции тесно связан с социальным слоем «ши». Все виды духовной деятельности в древнем Китае были непосредственно связаны с ним. А умственный труд стал монополией ши. Многие известные в истории Китая теоретические труды были созданы именно представителями этого слоя. Мыслители доциньского Китая принадлежали к данному социальному слою, и в этом смысле, как считают некоторые китайские ученые, понятия «ши» и «интеллигенция» были синонимами [1]. Социальный слой ши стал главным субъектом культуры и интеллектуального потенциала древнего и средневекового Китая. Он стал носителем тенденций, утверждавших приоритет образования, норм морали и профессиональной компетенции.

Согласно другой точке зрения, понятия «интеллигенция» и «ши» не являются тождественными. Следует уточнить, что в истории Китая интеллигенция, редко в какие периоды существовала в «чистом» виде. Как правило, у нее наблюдались тесные кровнородственные связи с чиновной бюрократией.

Шижэнь в древнем и средневековом Китае главным делом своей жизни считали поступление на службу в качестве чиновника. Одновременно и правители всегда рассматривали шижэнь как главный источник кадров чиновников. Иными словами, шидайфу представляли собой одновременно и интеллигенцию, и чиновников [2].

В условиях распространенной в эпоху Чжоу системы наследственных пожалований сложилась пирамидообразная иерархическая структура общества, внутри которой выше ши располагались Сын Неба (император), чжухоу (князья) и дафу (сановники, министры). Отсюда следует,

что в условиях названной системы ши составляли низший слой аристократии, располагаясь в структуре социальной иерархии ниже слоя дафу, возвышаясь над простонародьем, которое обозначалось понятиями «шужэнь» или «шуминь» [3].

С наступлением эпохи Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.) в социальном статусе ши произошли коренные изменения, связанные с распадом системы земельных пожалований эпохи Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.). В эпоху Чжаньго (V–III вв. до н.э.) ши уже не входили в состав аристократии, а превратились в верхний слой «четырёх категорий народа» («сы минь»). Этими «четырьмя категориями» были: ши, торговцы, земледельцы и ремесленники. Граница между социальными слоями ши и шужэнь (шуминь) оказалась размытой. Ши перешли из низшего слоя аристократии в верхний слой «четырёх категорий народа» [3].

Вплоть до эпохи Чуньцю ши еще не представляли собой интеллигенции, в современном ее понимании, поскольку их интеллектуальный потенциал в то время не только не включал в себя теоретических концепций и учений, но и вообще не представлял собой систематизированного знания.

С наступлением эпох Чуньцю и Чжаньго круг значений понятия «ши» заметно расширился. Но костяк того социального слоя, который обозначался понятием «ши», по мнению китайских исследователей, стал уже составлять интеллигенцию [1]. В эпоху Чуньцю, ши находились на стадии перехода от сословий к социальным слоям. Сословия устанавливаются официальными декретами власти или нормами обычного права. Социальные слои формируются в отличие от сословий под воздействием множества факторов. Основными среди этих факторов являются формы деятельности в обществе. Под так называемыми формами деятельности здесь имеется в виду, главным образом, интеллектуальная деятельность. Эта деятельность в обществе может быть направлена на разные классы, разные группы и силы. Отсюда формируется разнотипная интеллигенция.

В социальном слое ши эпохи Чжаньго можно – в зависимости от социального положения, социальных функций – выделить семь групп ши. Одну из них представляли собой ши-воины. Вторая группа была представлена теми ши, деятельность которых полностью лежала в сфере культуры (в том числе и философы). Третья группа была представлена ши-чиновниками, четвертая – занимавшимися ремеслами. Пятая группа была представлена ши-купцами, а шестая – ши, сведущими в оккультных науках. В седьмую группу можно включить всех остальных ши. Но в целом ши эпохи Чжаньго занимались, главным образом, интеллектуальной деятельностью [1].

Превращение ши из сословия в социальный слой привело к появлению нового понятия – «шидайфу». До эпохи Чжаньго понятиями «ши» и «дайфу» обозначались два примыкавших друг к другу социальных статуса. Вторым был выше первого. Особенность нового социального слоя шидайфу заключалась в том, что в его рядах объединялись интеллигенция и чиновничья бюрократия. Между первоначально существовавшими ши, и появившимися впоследствии шидайфу, существовало одно существенное различие: шидайфу владели (собственной) землей, а ши нет. Иными словами ши не обладали экономической самостоятельностью [1]. Представителей этого слоя часто называли «вольными ши». При этом понятие «вольный» имело два разных значения. Первое из них было связано с тем обстоятельством, что ши свободно перемещались в то время из одного государственного образования в другое в поисках службы; а второе – с тем, что ши вышли за пределы той структуры связей, существование которой было обусловлено функционированием системы земельных пожалований.

В результате выхода ши за пределы этой структуры связей, и появления социальной мобильности, ши освободились от ограничений, связанных со строго фиксированным социальным статусом; последнее же привело к тому, что и мышление ши также раскрепостилось. В итоге ши, с одной стороны, утратили гарантированность своего социального, экономического и политического статуса, но, с другой – избавились от оков, ограничивавших развитие их менталитета. В это время конфуцианцы и даосы выступили с критическими оценками общества, в котором они жили. Эти выступления воплотили в себе стремление социального слоя ши к утверждению в обществе основных общечеловеческих ценностей.

Таким образом, различие между представителями социального слоя ши двух эпох – Западного Чжоу и послеконфуциевой – заключалось в том, что на менталитет первых накладывали ограничения их социальные и политические статусы, а менталитет вторых был уже освобожден от этих ограничений.

Интеллектуальные процессы, протекавшие в эпоху Тан (618–907) и Сун (960–1279), характеризуются определяющим влиянием ши на политику и культуру Китая. Социальный слой ши, за шесть веков претерпел сложные социальные трансформации. Строить танское государство начинали ши – представители знатных родов, а к концу Северного Сун ши стали местной политической элитой необязательно знатного происхождения [3].

Основатели сунской империи сразу же включили из общей массы подданных социальную группу, способную управлять страной, и взяли ее под покровительство. При их правлении ши становились благодаря собственным знаниям и способностям. В сунский период «ши как культуруносный слой и совокупность родов с определенным происхождением сохранился благодаря сочетанию определенного уровня образования и несения службы». Однако ши стали занимать менее влиятельные чиновничьи посты и то только благодаря своей гуманитарной образованности. Не случайно в этот период как синонимы понятия ши употребляли термины «вэньчэнь» («гражданский чиновник»), «вэньжэнь», «вэньши» («интеллектуал»), «жу», «жуши», «вэньжу» («конфуцианец»). Однако сами ши предпочитали при самоопределении использовать термин «вэнь цзяо», «вэнь сюэ» («литератор, учитель») [4].

Социальный слой ши превратился из аристократической элиты в элиту культурную. Для большинства ши основополагающим было соответствие этическим стандартам, а не занятие определенной должности. В данном качестве ши выполняли функции передачи, накопления знаний и методов деятельности. Число людей, занимающихся умственным трудом, по мере усложнения видов деятельности, увеличивается. Появляются небольшие группы воспитателей, врачей, художников и т.д.

Поворотным моментом в эволюции современной китайской интеллигенции была отмена в 1905 г. экзаменационной системы, означавшая разрыв существовавшей на протяжении веков связи между знанием конфуцианских канонических текстов и доступом к политической власти. Новая интеллигенция (чжишифеньцы), отличалась большей независимостью во взглядах и большей соци-

альной мобильностью, нежели ее конфуцианские предшественники, была сосредоточена в портовых городах – анклавх иностранного могущества в Китае. Хотя интеллигенция составляла лишь незначительную часть населения, но играла неизмеримо большую роль, нежели ее численность.

Интеллигенция выступила с идеей полного изменения традиционных культурных ценностей, чтобы освободить китайский народ от власти патриархальных традиций. Они предлагали такие западные ценности, как свобода, равенство, личная независимость. Интеллигенция была активным организатором и участником движения «4 мая» 1919 г.

Начиная с момента образования Коммунистической партии Китая (КПК) в 1921 г., укоренился двойственный взгляд на интеллигенцию как на закоренелую «мелкую буржуазию» и на противостоящую ей «партийную интеллигенцию» одновременно [5].

В ходе эволюции китайская интеллигенция, особенно с конца 20-х гг. XX в., стала во все возрастающей степени связывать себя с проектами государственного и партийного строительства, сохраняя веру в то, что только она одна может выступить в роли спасителя нации. Но с того момента, когда Гомиьдан и КПК стали опираться в исполнении проектов на мобилизацию масс, роль интеллигенции уменьшилась. В то же время, строительство новых военных и политических институтов, опиравшихся на массы, поднимало роль «хорошо осведомленных элементов» [5].

До 1949 г., согласно расчетам Л. Орлеанса, Китай располагал всего лишь 148 тыс. дипломированных специалистов высшей квалификации. В 1949 г. численность научных работников составляла не более 50 тыс. человек, среди них не более 500 вели научно-исследовательскую работу. В стране было не более 40 научно-исследовательских организаций. О нехватке научных кадров свидетельствует тот факт, что первый список Академии Наук КНР насчитывал всего лишь 233 фамилии [6].

Одновременно отраслевые организации создали свои научно-исследовательские учреждения. К 1955 г. существовало уже 840 научно-исследовательских институтов, контингент научных работников возрос до 400 тыс. человек [7].

В середине 1950-х гг. была провозглашена политика «расцвета и борьбы», которая призвала интеллигенцию помочь партии уничтожить бюрократизм, фракционность и субъективизм. Сразу же были проведены чистки среди интел-

лигенции, и значительная часть была снята с должностей и отправлена в деревню «на перевоспитание». Но после кампаний «против правых» и «большого скачка» разразился экономический кризис, который вынудил партийное руководство вновь призвать интеллигенцию на ключевые посты в науке и образовании и позволил прежним «правым» вернуться на старые должности.

Положение интеллигенции в 50-70-е гг. XX в. было неустойчивым. В руководстве КНР проявлялись две тенденции по отношению к интеллигенции, связанные с противоборством Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. В течение долгого времени интеллигенция считалась социальной группой с неопределенным статусом: она относилась не к рабочему классу, а скорее к буржуазии. Так было до января 1956 г., когда ЦК КПК созвал специальную конференцию, посвященную интеллигенции. В своей речи премьер Госсовета Чжоу Эньлай объяснил отношение партии к этой проблеме, согласно которому подавляющее большинство интеллигенции стало государственными рабочими, трудящимися во имя социализма, и являлось отныне частью рабочего класса [8]. Но на II пленуме ЦК КПК 8-го созыва (ноябрь 1956 г.) Мао Цзэдун отнес преподавателей к буржуазии и назвал их объектом критики и идейного перевоспитания. Во взглядах Мао Цзэдуна на интеллигенцию отчетливо проявлялись махистские тенденции.

В начале 1960-х гг. Чжоу Эньлай снова повторил на конференции в Гуанчжоу, что подавляющее большинство интеллигенции, с энтузиазмом работающее на благо социализма, принимающее руководящую роль партии и готовое к самореформированию, относится теперь к рабочему классу и не должно рассматриваться как буржуазия. В то же время вице-премьер Чэнь Йи говорил: «Китаю нужна интеллигенция, нужны ученые. В течение всех этих лет с ними обращались несправедливо. Их следует вернуть на те посты, которые они заслуживают» [9].

Результатом этих дискуссий стало преобладание авторитета и взглядов Мао Цзэдуна и во время «культурной революции» интеллигенция была причислена к социальным изгоям наряду с помещиками, кулаками, контрреволюционерами, социально вредными элементами, правыми, предателями, шпионами и «идущими по капиталистическому пути». «Культурная революция» нанесла ощутимый урон интеллигенции и парализовала систему образования Китая. В 1966 г. страна отказалась от формального высшего образования. Мао Цзэдун объявил, что период обучения нужно сократить, стандартный курс

обучения продолжался три года; самое продолжительное образование было сокращено с шести до четырех лет. Считается, что из-за «культурной революции» Китай потерял, по меньшей мере, один миллион выпускников и 100 тыс. аспирантов [10].

По китайским данным, на конец 1970-х гг. численность интеллигенции равнялась 25 млн чел. [11]. Однако в ее состав были включены не только окончившие высшие и средние специальные учебные заведения, но и лица, ставшие специалистами на практической работе или путем самообразования, выпускники «учебных» заведений с предельно упрощенной и ускоренной программой типа курсов «босоногих врачей», «университетов 21 июля» и т.д. Подобные методы подготовки вели к заметному снижению уровня профессиональной подготовки, количественный рост рядов интеллигенции не мог привести к качественным сдвигам. Такая политика отбраковывания лучших и искусственного интенсивного пополнения из иных социальных групп истощила китайскую интеллигенцию и лишила укорененности и зрелости.

Период модернизации, последовавший после «Культурной революции» повысил роль интеллигенции в обществе. Хотя контроль и давление со стороны партии сохранились, и время от времени усиливались, что показали различные кампании 1980-х гг. В целом, с начала преобразований в стране престиж интеллигенции возрос.

По данным социологических исследований, проведенных китайскими и американскими учеными в Пекине и Тяньцзине в 1983 и 1988 гг. соответственно, по вопросу о статусе различных, профессиональных групп наивысший балл получили профессии, ассоциируемые с высоким уровнем образования и особой квалификацией (ученые, врачи, инженеры, писатели и преподаватели вузов), а также кадровые работники центральных и провинциальных органов управления [3].

Структура китайского общества конца XX в. представляет собой пеструю и сложную картину. По мнению Е.Г. Пащенко, границы основных классов общества окончательно не сложились, между ними сохраняются промежуточные слои и группы, которым не свойственны четкие классообразующие признаки [11]. Место интеллигенции окончательно не установлено, также остается зависимым от государственной политики.

Сведения о количестве интеллигенции в КНР противоречивы. По подсчетам западных исследователей в 1980-е гг. удельный вес лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образова-

ние, в КНР составлял 0,6% от всего населения [12]. Из расчета общей численности населения в один миллиард двести миллионов человек приблизительно получаем цифру семь миллионов двести тысяч.

Согласно данным всекитайской переписи населения 1982 г., в КНР насчитывалось 26,46 млн чел., имевших высшее и среднее специальное образование, а также 8,13 млн чел., занимавших руководящие должности на предприятиях и организациях. Таким образом, в 1985 г. общая численность социального слоя интеллигенции оценивалась примерно в 34 млн чел. (6,8% экономически активного населения) [13].

По данным Председателя государственного комитета по делам образования Чжу Кайсюань: «За 16 лет после начала проведения политики реформы и открытости общество пополнилось почти 10 млн выпускников университетов, подготовлены 15 тыс. докторов наук и 260 тыс. магистров. К 2000 г. примерная численность слушателей основных и специальных курсов в высшей школе должно составить 6 млн 300 тыс. чел.» [14].

По сообщению агентства «Синьхуа», в 2008 г. в Китае было зарегистрировано 46,86 млн специалистов, а количество кадровых работников достигло 114 млн чел. В числе специалистов около 28,83 млн чел. заняты в государственном секторе, около 497 тыс. получили высшее образование в зарубежных вузах, а число членов Академии наук и Академии общественных наук КНР превысило 1,4 тыс. По прогнозу, к 2015 г. число специалистов в Китае возрастет до 68 млн чел., а к 2020 г. – до 75 млн [8].

По сообщению Канцелярии Центральной координационной группы по делам интеллектуальных ресурсов, на конец 2012 г., интеллектуальные ресурсы Китая оцениваются в 120 млн чел. [15].

Китайская интеллигенция имеет глубокие корни, основы формирования заложены в древности и связаны с общественным разделением труда; в начале формирования китайская интеллигенция представляла собой небольшую группу людей, которая трансформировалась в сословие, а затем в социальный слой; место интеллигенции в структуре китайского общества характеризуется как неустойчивое, зависимое от политики государства и его руководителей, но с момента модернизации общества после «культурной революции» место и роль интеллигенции становятся все более значительными; в современном модернизирующемся обществе китайская интеллигенция стала социальной группой, с

которой связывают и от которой зависит будущее КНР.

Литература

1. Лю Цзэхуа, Лю Хунтао, Ли Жуйлань. Шижэнь юй шэхуй (сянь Цинь цзюань). – Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1988. – №4. – С.217, 8, 21–37, 115,116, 137.
2. Янь Буке. Шидайфу цзэнхэ ды синче // Вэньши чжиши. – 1989. – №9. – С.15, 12.
3. Юй Инши. Интеллигенция в Китае: исторический обзор // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия «Китаеведение». – 1992. – №1. – С.111.
4. Bol P.K. This culture is ours: intellectual transmission in Tang and Sung China. – Standford, 1992. – P.84.
5. Смит С.А. Рабочие, интеллигенция и марксистские партии: Санкт-Петербург, 1895–1917 гг. и Шанхай, 1921–1927 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия «Китаеведение». – 1997. – №2. – С.124.
6. Сташевский В.А. Некоторые вопросы организации научной деятельности в КНР / Интеллигенция: место в обществе и политика руководства КПК. – М., 1978. – С.57.
7. Китай. – Пекин: Синьсин, 1990. – С.217.
8. Китай: количество специалистов по различным специальностям превышает 46,86 млн человек // Русско-китайский фонд развития культуры «Образование в Китае» // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.chinastudy.ru/news/show/id/466> (дата обращения 25.12.2013).
9. Zhou Enlai. On the question of intellectuals / Communist China 1955–1959: policy document with analysis / ed. R.V. Bowie, J.K. Fairbank. – Cambridge, 1962. – P.128–144.

10. Qu Shipei. Zhongguo daxiejiaoyu fazhanshi. – Shanxi, 1993. – P.648.

11. Пашенко Е.Г. Социально-классовая структура общества / Государственный строй КНР. – М., Наука, 1998 – С.73–82.

12. Merle Goldman. The intellectuals in the deng xiaoping era / State and Society in China. – Boulder, 1992. – P.67.

13. Экономика КНР в 80-е годы: стратегия, проблемы и тенденции развития. – М., 1991. – С.221.

14. Чжу Кайсюань. На пороге XXI века: реформа и развитие образования в Китае / Развитие образования и науки на пороге XXI века: сб. ст. – М.: МАН ВШ, 1995. – С.44–45.

15. Китай больше чем другие страны страдает от «утечки мозгов» // Агентство «Синьхуа» // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения 25.12.2013).

Барлукова Оксана Дмитриевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р.Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: oxana106@mail.ru

Barlukova Oksana Dmitrievna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of philosophy, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: oxana106@mail.ru

УДК 325.1

© Н.В. Кондрашова

РОЛЬ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Мигранты оказывают существенное влияние на изменения в социальной структуре страны пребывания. Изучение социальной роли вынужденных мигрантов необходимо в целях оптимизации управления процессом с учетом специфики многонациональной страны и более полного удовлетворения потребностей, как индивида, так и интересов общества и государства. Актуальность получения нового знания обусловлена и недостаточной изученностью.

Ключевые слова: социальная структура, стратификация, стратификационная шкала, вынужденные мигранты, миграционная ситуация, маргиналы, беженцы, вынужденные переселенцы.

N.V. Kondrashova

THE ROLE OF FORCED MIGRANTS IN THE SOCIAL STRUCTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Migrants have a significant impact on changes in the social structure of the host country. The study of social role of forced migrants is necessary to optimize a process of control taking into account the specificity of multinational country and better meet the needs both of individual and interests of society and state. The urgency of obtaining new knowledge is caused by its insufficient studying.

Keywords: social structure, stratification, stratification scale, forced migrants, migration situation, outcasts, refugees, internally displaced persons.

В нашем исследовании под понятием «вынужденные мигранты» мы понимаем беженцев и вынужденных переселенцев.

В международном праве и национальном зарубежном законодательстве термин «вынужден-

ный переселенец» не применяется – это исключительно российское определение. Как правило, за рубежом используются понятия «перемещенные лица», «внутренние беженцы» и т.п. Правовое положение беженцев и перемещенных лиц в

мире регулируется рядом международно-правовых актов, как общих, так и специальных. В октябре 1992 г. к этим актам присоединилась и Российская Федерация (Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 26 октября 1992 г. №37281 «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о статусе беженцев и Протоколу, касающемуся статуса беженцев»).

Нормы международного права в отношении беженцев и вынужденных переселенцев нашли применение в законодательстве России. На основании международно-правовых документов и в связи с усилившимся потоком беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации в 1993 г. были приняты Законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах».

Беженцы и вынужденные переселенцы – это люди, вынужденные в силу каких-либо обстоятельств политического, военного, религиозного характера покинуть место постоянного жительства и искать приют на территории другого государства либо на территории своего государства, но в иной его части. Проблема беженцев и вынужденных переселенцев имеет международный характер и является актуальной для Российской Федерации.

Характер и структура миграционных процессов претерпели значительные изменения, поскольку конец XX в. ознаменовался неуклонным ростом числа вынужденных мигрантов во всем мире. По данным Управления Верховного ко-

миссара по делам беженцев Организации Объединенных Наций (УВКБ ООН) в разных уголках земного шара к концу 1999 г. насчитывалось свыше 11,5 млн беженцев, которые по различным причинам в поисках убежища и безопасности покинули свои страны и пересекли международные границы. Внутренних перемещенных лиц, вынужденно покинувших места проживания, но оставшихся в пределах своих стран, еще больше – по разным оценкам их от 20 до 25 млн чел. [3].

Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), в мире в 2012 г. количество беженцев выросло на 3 млн составило 45,2 млн чел., что является максимумом за последние 18 лет. Это 15,4 млн получивших статус беженца, около миллиона подавших заявление на убежище, а также около 30 млн тех, кто был вынужден сменить место жительства в пределах одного государства. Фактически каждые 4,1 секунды в мире появляется новый беженец, конкретизирует UNHCR. Говоря о возрасте переселенцев, в ООН отмечают, что 46% от 45,2 млн – это дети и подростки младше 18 лет [6].

Федеральная служба государственной статистики РФ на 01.01.2013 г. отмечает 39133 чел. (без снятых с учета) вынужденных переселенцев и беженцев с начала регистрации: из них вынужденные переселенцы (с 01 июля 1992 г.) – 38370 чел., беженцы (с 20 марта 1993 г.) – 763 чел. [7].

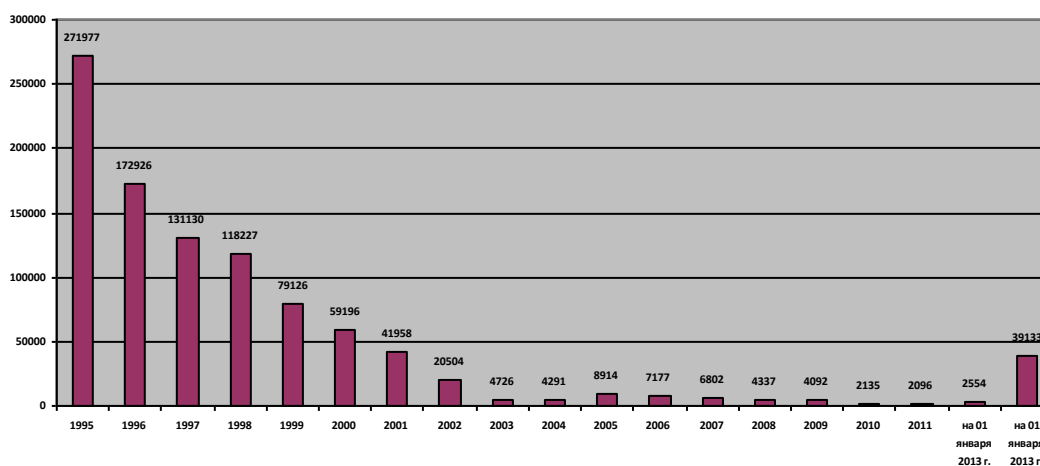

Рис. 1. Численность вынужденных переселенцев и беженцев (чел.)

Мигранты оказывают существенное влияние на изменения в социальной структуре страны пребывания.

Вынужденные мигранты переживают наиболее интенсивные изменения своего положения по отношению к прежней системе социальных

отношений. Эти изменения обусловлены внешними обстоятельствами, маргинальная ситуация в значительной мере «навязана» людям извне. Для мигрантов характерна неопределенность их положения, «потенциальная поливекторность их социальных траекторий».

В западной литературе группы иммигрантов и беженцев традиционно включаются в разряд «маргинальных». Они «исключены» не только из рынка труда (как главной стратифицирующей оси современного общества), но также и из «социального контекста». Данная проблема особенно актуальна для развитых стран, в которых масштабы иммиграции таковы, что последняя выходит из-под контроля и приобретает неуправляемые и незаконные формы. Она несет экономическую нестабильность, нагрузку на системы социальной защиты принимающих стран, и это обуславливает неприятие ищущих убежище лиц, определенную фобию перед незнакомой культурой.

Основные характеристики территориальной дифференциации образа жизни связаны с устойчивостью и изменчивостью, относительной частотой смены образов и поведения. Изменение образа жизни сопровождается разным по продолжительности состоянием маргинальности. Примером понятия инверсивной маргинальности служит ситуация, когда отмечается хорошая приживаемость мигрантов в сочетании с психологическим дискомфортом местных жителей, т.е. «...маргинальный образ жизни характеризуется психологическим дискомфортом индивида, связанный с необходимостью или невозможностью реализации образцов поведения и неустойчивостью социальных эстафет, определяющих данный образ жизни» [5]. Однако быстро меняющийся образ жизни не является маргинальным. Выделение маргинальной личности справедливо только по отношению к определенным условиям жизнедеятельности, в определенном контексте.

Маргинальная ситуация вынужденных мигрантов связана с потерей собственности, жилья, работы, то есть вызвана не столько культурными, сколько социально-экономическими причинами. Наиболее радикальные изменения в жизни людей касаются переоценки своих возможностей и необходимости задействовать свои ресурсы для преодоления экстремальной ситуации.

Следствием миграционных перемещений является адаптация или ассимиляция. Адаптация есть ключевой вопрос стабильности общества. Чем выше уровень адаптации, тем более значима экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов для развития региона, а усиливающаяся конфликтная ситуация свидетельствует о снижении уровня адаптации, разрушает систему и усиливает социальную напряженность.

Важную роль играют объективные факторы, детерминирующие процесс социальной адапта-

ции вынужденных мигрантов, среди которых следует рассматривать естественные (природные) и общественные – демографические, этнические, экономические, социальные, социально-психологические.

Экономические факторы определяют территориальные различия в возможностях занятости, заработной плате, жилищных условиях. Демографические факторы определяют различия в возрастной и половой структуре населения, показателях его воспроизводства, уровнях образования населения.

Один из важнейших демографических факторов миграции населения – сама миграция. Во-первых, выбытие людей из определенных мест составляет в большинстве случаев необходимую предпосылку к вселению в эти места других лиц. Во-вторых, вероятно, неудачное переселение мигранта. В-третьих, в процессе миграции изменяется распределение родственников, друзей, земляков по территории, что существенно изменяет условия переселений. Наконец, сами переселения дают мигрантам опыт устройства на новых местах, а также влияют на физическую и моральную дееспособность работников, что облегчает им вселение в определенные пункты.

Этнические факторы также играют существенную роль: сказываются своеобразие языка, быта, материальной и духовной культуры, обычаев, привычек и навыков.

Проблемы адаптации и аккультурации занимают значительное место в современной социологической литературе. Немаловажным является исследование проблем связанных со стратегиями и последствиями межкультурного взаимодействия. Например, стадии аккультурации: 1) интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп и ее представители сохраняют свою культуру, но одновременно они устанавливают тесные контакты между собой; 2) ассимиляция, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но поддерживают тесные контакты с другой культурой и фактически перенимают ее; 3) сепаратизм, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но не устанавливают тесных контактов с другой культурой [8].

Нельзя не принимать во внимание тот факт, что мигранты привносят в жизнь принимающего общества культурное разнообразие, сформировавшиеся в иных условиях ценности, нормы, обычаи и традиции. Роль вынужденных мигрантов в социальной структуре определяется спецификой адаптационных процессов, зависит от половозрастной структуры и семейного положения вынужденных мигрантов, от численности и характера расселения каждой группы, исходит

из характеристики взаимодействующих культур, степени их сходства и различия, возможности и способности вынужденных мигрантов к усвоению социокультурных норм принимающего общества, а также от интенсивности взаимодействия с окружающими иноэтничным обществом, в зависимости от рода деятельности вынужденных мигрантов.

Результаты наших социологических исследований позволяют выявить некоторые особенности положения вынужденных мигрантов в Республике Бурятия. Прежде всего – уровень безработицы среди вынужденных мигрантов превышает этот показатель у местного населения. На прежнем месте жительства 77% вынужденных мигрантов имели работу, в то время как на новом месте – только 66%.

Наблюдения показывают, что вынужденные мигранты, приехавшие в Республику Бурятия, являлись в основном представителями славянских этносов, впитали элементы культуры доминирующего этноса того государства или региона, где они проживали прежде, что проявляется в поведении, языке, ценностных приоритетах, так как вынужденные переселенцы более остро ощущают различия культур: в той, в которой они жили ранее, и той, с которой столкнулись. Данные исследования, говорят о частичной ассимиляции, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды, старается придерживаться своей (8%), своей и новой (25%) респондентов, новой (67%) респондентов.

Имеющиеся культурные отличия не создают трудностей в общении, конфликта новых и старых норм не наблюдается. Это во многом и объясняется, тем, что у большинства (70%) вынужденных мигрантов в Республике Бурятия проживают родственники, а 50% из них являются уроженцами республики, т.е. они либо знакомы с обычаями, традициями, правилами поведения, либо имеют полное представление о них.

Планы вынужденных мигрантов на жительство говорят о том, что большая часть из них (56,44%) не намерены покинуть республику и, очевидно, что их жизненные стратегии связываются с вливанием в новую среду, поиском путей и форм, позволяющих сделать это успешно. Однако значительная часть (7,92%) думает о возвращении на прежнее место жительства, 7,92% намерены переехать в другой район республики, 6,93% – переехать в другой регион

России, а 3,96% предполагают переехать в другую страну.

Кроме того, выявлены следующие особенности:

- расселение вынужденных мигрантов не равномерно по административным территориям;
- большая часть вынужденных мигрантов «оседает» в городской местности, многие при этом меняют статус сельского жителя на городского;

- для прибывших на территорию Республики Бурятия характерно снижение жизненного уровня, каждый четвертый переселенец теряет профессиональный статус и работу по специальности как источник существования. Все это становится основанием для десоциализации, влияет на изменение ценностных ориентаций.

Беженцы и вынужденные переселенцы играют определенную роль в социальной структуре российского общества и требуют повышенного внимания со стороны институтов государства и общества в силу остроты социальных проблем, возникающих в процессе их переселения.

Литература

1. Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. – 2004. – №5. – С.7–8.
2. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества. – М., 1997.
3. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2001. – С.4.
4. Социально-экономическое положение Республики Бурятия: комплексный доклад / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2007. – С.109.
5. Шаракова И.В. Дифференциация образа жизни в системах расселения: дис. ... канд. геогр. наук. – М., ИГАН, 1991. – 184 с.
6. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gazeta.ru/social/2013/06/19/5386513.shtml>
7. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
8. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // *Applied psychology: an international review*. – 1997. – Vol. 46(1). – P.5–34.
9. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relation / *Cultures in contact*. Ed. by Bochner S. – Oxford: Pergamon press, 1982. – P.5–44.

Кондрашова Наталия Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: prokusheva0103@mail.ru
Kondrashova Nataliya Vasilevna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of social work, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: prokusheva0103@mail.ru

УДК 316.4.051

© Б.Б. Степанова

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье рассматриваются основные виды социальной адаптации иностранных студентов. Проводится анализ факторов, положительно и отрицательно влияющих на процесс адаптации студентов из других стран. Предлагаются некоторые рекомендации по решению проблем связанных с социальной адаптацией студентов из-за рубежа.

Ключевые слова: социальная адаптация, иностранные студенты в России, факторы адаптации.

B.B. Stepanova

FOREIGN STUDENTS' SOCIAL ADAPTATION IN MODERN RUSSIA

In this article the main types of foreign students' social adaptation are considered. The analysis of the factors positively and negatively influencing on the adaptation of students from other countries is conducted. Some recommendations are offered to solve problems related to social adaptation of students from abroad.

Keywords: social adaptation, foreign students in Russia, factors of adaptation.

Благодаря обмену студентами, многочисленным грантовым программам, направленным на обучение за рубежом, доля иностранных студентов в вузах всего мира постоянно растёт.

Россия не является исключением. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в период с 2000 г. по 2010 г. количество иностранных студентов в России увеличилось почти в 2 раза [1]. Программа «Развитие образования до 2020 г.», принятая в сентябре 2012 г., предусматривает расширение международных обменов [2]. «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» включает в себя меры по содействию образовательной миграции в Россию (пункт из 15 подпунктов посвящен учебной миграции и академической мобильности) [3, с. 9–10].

Вовлечение иностранных студентов в учебный процесс на базе российских вузов – важная и ответственная задача. Решение проблем, связанных с адаптацией студентов-иностранцев, повышает престиж учебных заведений и, как следствие, престиж России за рубежом. Студенты из других стран – это потенциальные экономические инновации из-за рубежа; возможность привлечь одаренных в сфере науки или искусства молодых людей к работе в рамках международных проектов. Наконец, обучение иностранных студентов – это часть культурного обмена между принимающей и направляющей странами: взаимное обогащение культур, получение новых знаний о иных обычаях, традициях и особенностях быта.

Для вовлечения России в процесс международного студенческого обмена, повышения ее привлекательности для студентов из других

стран необходимо улучшить условия социальной адаптации иностранных студентов. Социальная адаптация иностранных студентов понимается как интеграция личности в новый социокультурный контекст. Это сложный и многогранный процесс, связанный с рядом трудностей.

Рассматривать проблемы социальной адаптации иностранных студентов представляется возможным через призму стадий самого процесса адаптации: деятельности, общения, самосознания [4].

Деятельность студентов-иностранцев связана с их основной целью – получением качественного образования в выбранной стране. На этом этапе актуализируется целый ряд проблем. Во-первых, это уровень образованности студента (качество знаний, данных ему в учебном заведении в его родной стране) и специфика его образования (какова была специализация учебного заведения, законченного студентом: теоретическая или практическая направленность, социогуманитарная или естественнонаучная).

Во-вторых, важную роль играет форма организации учебного процесса, ее отличия от привычных студенту: длительность занятий, расписание занятий и каникул, форма контроля и проверки знаний, форма оценки знаний и т.д.

Промежуточным между проблемами стадии деятельности и стадии общения является языковой барьер. Затрудненность общения с преподавателями, одноклассниками, соседями по общежитию и другими окружающими студента людьми может стать серьезным барьером на пути социальной адаптации студента.

На стадии общения принципиально значимы и культурные особенности: обычаи, традиции,

конфессиональные и/или этнонациональные различия принимающей и родной стран. Не менее значимы и индивидуально-психологические характеристики студента: готовность к сотрудничеству, стрессоустойчивость, обучаемость, открытость новому опыту, коммуникабельность. Эти характеристики важны и на фазе самосознания: как студент оценивает свое место в новой социокультурной среде, свою способность стать частью иной культурной системы, нового коллектива.

В целом, в процессе социальной адаптации студентов-иностранцев можно выделить несколько взаимосвязанных уровней: 1) академическая адаптация; 2) культурная адаптация; 3) психологическая адаптация; 4) иные виды адаптации.

Академическая адаптация связана с трудностями привыкания к новым формам подачи знаний, организации учебного процесса, способностью воспринимать информацию на другом языке.

Важную роль в процессе адаптации иностранных студентов играет принимающий вуз. Процесс взаимодействия вуза и студентов основывается на общеобразовательном уровне сторон, профессиональной подготовке преподавателей и готовности студентов воспринимать инокультурные правила поведения и ценности. Вуз должен обеспечивать возможность вовлечения студентов в общеобразовательную и культурно-массовую жизнь.

Трудности, с которыми сталкивается иностранный студент, в процессе культурной адаптации – это языковой барьер, национальные особенности, несхожесть традиций, обычаев и даже (в некоторых случаях) морально-этических норм поведения и сосуществования.

Психологическая адаптация связана с индивидуальными особенностями каждого студента и спецификой культурного окружения, в котором он вырос. Важную роль играют ценностные ориентации студента, его волевые качества, коммуникативные способности, способность воспринимать новый опыт. Внедрение в культурно-социальный контекст другой страны происходит быстрее в случае, когда иностранный студент заводит дружеские отношения с другими студентами, ощущает их приязнь и расположение, имеет общие интересы (музыка, кино, литература).

Психологическая адаптация связана также с новыми условиями жизни индивида: финансовая самостоятельность, жизнь без родных и друзей, бытовая независимость.

Важным аспектом социальной адаптации студентов-иностранцев является социально-экономическая адаптация. Согласно исследованиям, проведенным Е.Е. Письменной, проблемы иностранных студентов связаны с поисками работы, получением жилья и медицинской страховки. Это обусловлено сложностями законодательного характера, административными особенностями организации работы с иностранными студентами [5, 6].

Другие виды адаптации не менее важны: климатическая, социально-бытовая и т.д. Социально-бытовые проблемы могут быть связаны с питанием, особенностями гигиенического характера, медицинским обслуживанием, жилищными условиями, транспортными затруднениями, вопросами по работе с почтовыми и банковскими системами и т.д. Отсутствие у студентов-иностранцев информации по вопросам учебы, общежития, медицины принимающей страны могут существенно снизить адаптивность.

Продолжительность социальной адаптации иностранных студентов связана со степенью сходства или различия между социокультурными характеристиками принимающей и родной страны студента, с длительностью пребывания студента в новой среде, индивидуальными особенностями студента (психологическими, демографическими). Значительно быстрее приспосабливаются к новой среде те студенты, которые уже имели опыт обучения (или пребывания с иными целями) за рубежом.

Проблемы социальной адаптации студентов-иностранцев требуют принятия определенных мер. Ответственность за их реализацию должна быть возложена на принимающие вузы и в определенных пределах на органы власти.

Прежде всего, необходимо повышать уровень толерантности, как среди преподавателей, так и среди студентов. Студенты принимающего вуза должны быть готовы к тому, что в их группе окажется иностранец (иностранцы) – человек иной культуры, говорящий на другом языке, нуждающийся в помощи, возможно, выглядящий иначе, чем местные жители. Внимательное, доброжелательное отношение сверстников поможет студенту быстрее адаптироваться и почувствовать себя спокойнее и увереннее.

Принципиально значимым является вопрос повышения уровня знаний иностранных языков принимающей стороной. Хотя бы некоторое количество преподавателей и студентов принимающей стороны должно понимать студентов-иностранцев на достаточном для общения уровне.

Таким образом, для разрешения проблем адаптации студентов-иностранцев необходимо проводить качественную подготовку кадров: педагогическую, психологическую, языковую. Также нужно повышать уровень толерантности студентов принимающего вуза (необходимы исследования, направленные на выявление проблемных моментов: имеются ли у студентов какие-либо предрасположения против выходцев из тех или иных стран и регионов; готовы ли студенты принимать в свою среду иностранных учащихся; не воспринимают ли местные студенты иностранных негативно, если да, то почему).

Другим важным аспектом решения проблем, связанных с социальной адаптацией иностранных студентов, является их информирование. В рамках повышения осведомленности студентов-иностранцев стоит проводить экскурсии по ключевым точкам вуза: учебным корпусам, общежитиям, спортивным сооружениям, медицинским учреждениям и т.д., а также по окрестным объектам инфраструктуры (например, почта, банк, Интернет-кафе) – на родном языке приезжих. Студенты должны знать, где искать то или иное здание, куда можно обратиться в случае возникновения проблем со здоровьем, связью, финансами.

Важной является организация работы специалистов, чья деятельность не связана с обучением студентов: медицинского персонала, психологов, кураторов. Все эти специалисты должны владеть иностранным языком направляющей студентов страны и ориентироваться в ее культурных особенностях.

Помогать студентам-иностранцам может специализированная служба. Ее задачи связаны не только с информированием иностранных студентов, но и с вовлечением их в культурную, спортивную жизнь вуза (и города). Такая служба может быть организована из

числа студентов-волонтеров, желающих оказать помощь иностранным студентам, попрактиковаться в иностранных языках, познакомиться с представителями иных культурных сообществ.

Работа с иностранными студентами в вузе подразумевает формирование понимания значения адаптированности, повышение мотивации студентов, выработку самостоятельности, пробуждение интереса к принимающей стране, ее культурным особенностям и к предметной области научно-исследовательской работы студентов.

Литература

1. Взгляд на образование 2012 // Официальный сайт Организации экономического развития и сотрудничества // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.oecd.org/edu/educationataglance2012oecdindicators-chapteraccessstoeducationparticipationandprogression-indicators.htm>.
2. Проект государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. // Официальный сайт Министерства науки и образования РФ // [Электронный ресурс] – http://минобрнауки.рф/документы/2474/файл/901/Госпрограмма_Развитие_образования_%28Проект%29.pdf
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Официальный сайт Федеральной Миграционной Службы России // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>
4. Кравченко А.И. Социология. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 384 с.
5. Pis'mennaya E.E., Riazantsev S.V. The Effects of Foreign Academic Migration for Russia / Russian Education and Society. – vol. 52. – №5. – May. – 2010. – pp. 55–70.
6. Письменная Е.Е. Тенденции учебной иммиграции в Россию: современные тенденции. – М.: Экономическое образование, 2008. – 160 с.

Степанова Байрма Байровна, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: 682022@mail.ru

Stepanova Bairma Bairovna, postgraduate student, department of political sciences and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: 682022@mail.ru

УДК 316.346.32–053.9

© Т.Б. Аншукова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ

В статье анализируются научные дефиниции пенсионной системы, ее функции, виды, а также современные тенденции развития пенсионного обеспечения в российском обществе. Трансформация социально-демографической структуры социума обусловила сложности реализации прав пожилого населения на получение государственной помощи в виде набора социальных услуг.

Ключевые слова: социальная защита, реформа пенсионной системы, пенсионный возраст, трудовая пенсия, пенсионные выплаты, демографическая структура общества.

MODERN TENDENCIES OF PENSION PROVISION IN RUSSIA

In the article the scientific definitions of pension system, its functions, types are analyzed, as well as current trends of development of pension provision in Russian society. Transformation of social and demographic structure of society has caused difficulties of implementation the rights of the elderly population on receiving a state aid in the form of a set of social services.

Keywords: *social protection, reform of pension system, retirement age, labor pension, pension payouts, demographic structure of society.*

В современном обществе социальная защита населения является важнейшим направлением социальной политики государства. Ее роль заключается в установлении и поддержании необходимого материального и социального положения всех членов общества, в обеспечении определенного уровня доходов для не- или слабо защищенных слоев населения, утративших в силу разных причин способность самостоятельного обеспечения. К таковым группам относятся лица, вышедшие на пенсию по старости, болезни, безработные, дети-сироты, одинокие матери, многодетные семьи и др. В кризисные периоды общества данные категории населения нуждаются в привлечении дополнительных гарантий со стороны государственных и негосударственных органов социальной защиты. Кроме базового критерия гуманности социальной опеки, требуется комплексность мероприятий адресной помощи в обеспечении прав гражданина и личности. Социальная сфера государственной политики, ее стратегий является маркером стабильности общества: обеспечение социально незащищенных слоев населения является свойством устойчивой экономики государства. Предоставление социальных гарантий населению с учетом особенностей и социальных характеристик в мировой истории признано наиважнейшим процессом формирования положения человека в обществе.

Функции и формы современной системы социальной защиты населения рассматриваются по-разному, но ее главным критерием, установленным в статьях 7, 39 Конституции РФ, является предупреждение и/или максимально возможное нивелирование негативных последствий для человека, а также его семьи в ситуации наступления социальных рисков или иных социально значимых обстоятельств с целью сохранения или формирования приемлемого уровня материального и социального благополучия.

Система социальной защиты населения содержит четыре компонента: 1) «систему социального обеспечения, включающую социальное обслуживание; 2) систему социального страхо-

вания, представленную федеральными фондами: социального страхования, пенсионным, обязательного медицинского страхования и негосударственным сектором; 3) систему социальной помощи, включающую в себя систему фондов социальной поддержки населения, а также негосударственный благотворительный сектор; 4) блок остальных, предоставляемых государством социальных преференций и форм социальной защиты (например, индексация доходов населения, обеспечение минимальных социальных гарантий доходов, предоставление льгот (скидок и субсидий), установление дотаций к ценам, государственное регулирование потребительских цен, нормы прямого действия социально-трудового законодательства» [1, с. 7–8].

Реализацией решений социальной политики заняты государственные внебюджетные фонды, а именно: Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Фонд обязательного медицинского страхования. К государственным формам социальной защиты следует отнести доступное здравоохранение и образование, льготы, меры социальной поддержки, систему социального обслуживания и предоставления социальных услуг и, конечно, пенсионное обеспечение. Социальное обеспечение занимает одно из определяющих мест в жизни государства и общества. Оно непосредственно зависит от развития экономики и напрямую связано с политикой социального благополучия населения. Достойное пенсионное обеспечение населения является неотъемлемой частью современной системы социальной защиты населения в любом государстве.

В России пенсионная система находится в состоянии реформирования. Необходимость трансформации данной формы государственной поддержки объясняется многими процессами, наиболее серьезным из которых является такая проблема современных социально-трудовых отношений, как демографическое старение нации, которое обуславливает увеличение расходов, покрывающих выплаты социальных гарантий. Данное увеличение сопровождается снижением

уровня социальных бюджетов ввиду уменьшения численности лиц, находящихся в фазе трудовой, а значит, налоговой активности. Демографические, социально-экономические проблемы вынуждают государство пересмотреть вопросы пенсионного обеспечения граждан. Процесс реформирования, начавшийся в 1990 г., продолжается и требует серьезных действий. Главным шагом является выбор модели обеспечения, ее структуры, а также алгоритма работы, финансирования, развития, обеспечения надежности, определение продолжительности и др.

Основные задачи пенсионной реформы – обеспечение надежности выплат социальных гарантий и увеличение размеров пенсий. 23 декабря 2013 г. были приняты основополагающие законопроекты по пенсионной реформе, среди которых: «О страховых пенсиях», «О накопительной пенсии». Основа пенсионной реформы 2014 г. в России – перевод пенсионных накоплений за текущий год в распределительную систему. Речь идет о принятом правительством в конце сентября решении перечислить все пенсионные накопления за 2014 г. в распределительную систему обязательного пенсионного страхования. Иными словами, направить их на выплату текущих пенсий.

Пенсионная система Российской Федерации – это совокупность, создаваемых в России правовых, экономических и организационных институтов и норм, имеющих целью предоставление гражданам материального обеспечения в виде пенсий. Понятие «пенсия» (от лат. *pensio* – «платеж») определяется в отраслевых классификациях по-разному. Большинство дефиниций имеют экономический характер. Рассмотрим некоторые из них:

1) ежемесячные выплаты алиментарного характера из фондов для нетрудоспособных граждан в случае старости, инвалидности, выслуги лет, потери кормильца, назначаемые в связи с прошлой общественно полезной деятельностью, в размерах, как правило, соизмеримых с получаемым ранее заработком [7];

2) регулярная денежная выплата социально-алиментарного назначения, производимая лицам пожилого возраста, инвалидам и иным категориям граждан и их семьям в случаях, предусмотренных законом, из общественных фондов потребления в связи с их прошлой трудовой деятельностью, которая прекращена или заменена более легкой деятельностью по предусмотренной законом уважительной причине; выплата, размер которой соизмеряется, как правило, с прошлым заработком [7];

3) гарантированная ежемесячная денежная выплата для обеспечения граждан по достижении ими определенного законом возраста, а также в случае потери трудоспособности, потери кормильца [2, с. 92];

4) регулярная и (как правило) пожизненная денежная выплата гражданам со стороны государства или иных субъектов в установленных законом случаях (определенный возраст, инвалидность, потеря кормильца, выслуга лет и особые заслуги перед государством). Является формой социального обеспечения. Различаются государственные и негосударственные пенсии [4];

5) регулярные денежные выплаты, выплачиваемые гражданам, на основании действующего законодательства, при достижении определенного возраста, наступлении инвалидности, в случае потери кормильца, а также за выслугу лет, особые заслуги перед государством и др. Такие выплаты могут производиться как из государственного бюджета, так и из средств специальных пенсионных фондов, если данный гражданин является членом такого фонда [6];

6) денежное обеспечение, получаемое гражданами из общественных фондов потребления в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Право на пенсию установлено Конституцией СССР (ст. 120). Выплачиваются также пенсии за выслугу лет и по случаю потери кормильца. Назначаются за прошлый труд или общественно-полезную деятельность и служат, как правило, постоянным и основным источником средств к существованию [3].

В основе данных дефиниций – понимание материальной компенсации по потере трудоспособности ввиду оговоренных законом причин. Среди них старость, утрата здоровья, инвалидность, сиротство. Комплексное определение, основанное на синтезе юридических, экономических, социальных, медико-рекреационных подходов, представлено в ФЗ № 166 «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» от 15.12.2001: «Ежемесячная государственная денежная выплата, право на получение которой определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными настоящим Федеральным законом, и которая предоставляется гражданам в целях компенсации им заработка (дохода), утраченного в связи с прекращением государственной службы при достижении установленной законом выслуги при выходе на трудовую пенсию по старости (инвалидности); либо в целях компенсации вреда, нанесенного здоровью граждан при прохождении военной службы, в результате радиационных или техногенных

катастроф, в случае наступления инвалидности или потери кормильца, при достижении установленного законом возраста; либо нетрудоспособным гражданам в целях предоставления им средств к существованию».

Пенсионная система РФ включает в себя формирование, назначение, увеличение, развитие и выплату пенсий. В настоящее время структура трудовых пенсий, установленная ФЗ «О трудовых пенсиях в РФ», складывается из трех частей: страховой, базовой, накопительной. Размер базовой и страховой частей индексируется с учетом инфляции. Следует отметить, что пенсия, пенсионное обеспечение содержат в себе множество функций. Важнейшими из которых являются: 1) социальная (получение государственной социальной помощи в виде портфеля социальных услуг); 2) воспроизводственная; 3) стимулирующая.

Изменение численности возрастных контингентов определило дефицит средств, направленных на покрытие пенсионных выплат. Эффективным методом решения данной проблемы является используемое в ряде стран повышение пенсионного возраста. Поскольку около 80% пенсионеров получают трудовую пенсию по старости, пенсионному законодательству трудно преодолеть ситуацию: неуклонно уменьшающееся число работников при постоянном росте числа пенсионеров.

Главным поручителем пенсионного обеспечения в России выступает государство. Оно обеспечивает за счет перечислений из федерального бюджета финансирование базовой части трудовых пенсий. Официальным органом государственной власти, выполняющим все функции по пенсионному обеспечению, является Пенсионный фонд. Пенсионное обеспечение в РФ регламентируется целым рядом законодательных актов. Несмотря на широту санкций, юридическое сопровождение в современных условиях не способно значительным образом корректировать социальную ситуацию в государстве и его ре-

гионах. В Иркутской области по состоянию на 1 июля 2013 г. каждый третий житель представляет социальную группу пенсионеров (733,8 тыс. чел.). Согласно классификации ООН, население государства считается старым, если доля лиц старше шестидесяти пятилетнего возраста превышает 7% от общей численности. В 2010 г. в России этот показатель составил 12,9%, в Иркутской области – 10,4% [9, с. 3]. В расчете на 1000 человек населения в области в 1996 г. приходилось 218, а в 2013 г. – 266 человек пенсионного возраста. Затраты на пенсионное обеспечение увеличиваются не только в связи с расширением данной социальной группы, но и с пусть незначительным, но все же увеличением средней продолжительности жизни населения, что означает: пенсию нужно выплачивать большему числу людей в течение более длительного периода. Необходимость поиска источников прибыли для покрытия расходов на пенсионные отчисления обуславливает неизбежность реформ.

Пенсионный возраст был установлен в 1932 г. и с тех пор не менялся: для мужчин – 60 лет, женщин – 55 лет. Сложность реформирования пенсионной системы заключается, с одной стороны, в растущей потребности увеличить пенсионный возраст ввиду нехватки средств, невозможности обеспечить достойный уровень социальных выплат, с другой, пониманием того, что динамика пенсионного возраста исключит возможность достаточно большой группы лиц обрести статус пенсионера по причине недожития. Это объясняется тем, что средняя продолжительность жизни в Иркутской области составляет 66,3 года, что значительно ниже, чем пенсионный возраст в иных государствах. Сегодня в большинстве стран мира возраст наступления пенсии составляет 65 лет. Сравнительный анализ пенсионного возраста и продолжительности жизни в ряде странах мира представлен в таблице 1 [10].

Таблица 1

Пенсионный возраст и продолжительность жизни в разных странах мира

Страна	Пенсионный возраст		Продолжительность жизни
	мужчины	женщины	
Грузия	65	60	77
Дания	67	67	78
Норвегия	67	67	80
РФ	60	55	68
США	65	65	78
Таджикистан	63	58	74
Финляндия	63	63	78
Япония	70	70	82

Процесс реформирования остается проблематичным по ряду причин, наиболее очевидными из которых являются:

– дистанция в продолжительности жизни мужчин и женщин (по Иркутской области в среднем в 13 лет), что дает основания для непопулярной в народе меры – уравнивать пенсионный возраст в гендерном отношении;

– низкий уровень продолжительности жизни, который вызывает протест населения против повышения пенсионного возраста;

– криминализация социально-трудовых отношений (неофициальное трудоустройство обуславливает дефицит налоговых сборов, что сказывается на уровне социального обеспечения);

– неготовность молодого населения беспокоиться о будущей старости;

– недоверие населения государственной пенсионной системе;

– правовая безграмотность и др.

Сложности реформирования связаны также с изменением геополитических факторов. Например, вхождение Крыма в состав РФ требует дополнительных расходов на незапланированные выплаты крымчанам-пенсионерам.

Увеличение продолжительности активной фазы, трудовой стадии социализации личности из-за качества (с точки зрения здоровья) и длительности жизни может быть реализовано при условии повышения уровня жизни населения, который зависит от множества экономических, политических, социальных регуляторов.

Важным средством регуляции пенсионного обеспечения на современном этапе являются личностно-психологические и социально-экономические факторы: участие в легальных трудовых отношениях, личный контроль за отчислениями работодателя в ПФР, повышение правовой грамотности, своевременная информированность об изменениях пенсионной системы в государстве, формирование «подушки безопасности» в виде накоплений, недвижимости, вкладов в негосударственные пенсионные фонды. Это специализированные некоммерческие организации, выплачивающие дополнительные пенсии. Чтобы получать такую пенсию, гражданин должен заключить договор с негосударственным пенсионным фондом и в течение определенного времени осуществлять собственные добровольные взносы. Кроме самого гражданина, взносы на дополнительное негосударственное пенсионное обеспечение может делать его работодатель. Более 200 тысяч граждан ушли в НПФ из Пенсионного фонда по Иркутской области [5]. По состоянию на 28.06.2013 г. в

России зарегистрировано 125 негосударственных пенсионных фондов.

Еще один из способов увеличить будущую пенсию – это корпоративные пенсии. Такого вида социальная поддержка развивается на крупных и средних предприятиях. Одной из главных целей руководства предприятий является мотивация работника оставаться работать в компании, тем самым сохранить численность высококвалифицированных работников, а так же привлекать к сотрудничеству молодое население.

Пенсионная система России нуждается в серьезных коррективах с учетом всех социально-демографических изменений. В основе новой модели должна лежать простая, понятная населению форма взаимоотношений работника и государства, гаранта социального обеспечения этого работника в старости или потери трудоспособности. Важно понимать, что только комплексная система мер способна изменить социально-трудовую и социально-демографическую ситуацию. Это и обеспечение социально-экономической стабильности в обществе, повышение качества жизни, выполнение социальных гарантий населения, увеличение продолжительности жизни и трудовой активности, формирование ответственности как работодателей, так и работников, информирование работающих обо всех изменениях пенсионной системы, укрепление доверия населения административным системам государства и другие. Следует помнить, что целью социальной политики является развитие образующих то или иное общество классов и социальных групп, а также поддержка в процессе социализации личности. Социальная политика ориентирована на исключение или нивелирование деструктивных процессов в обществе на разных этапах его развития, на выполнение масштабных стратегических установок политики государства в целом.

Литература

1. Шарин В.И. Фонды социальной защиты. – Екатеринбург, 2001.
2. Кураков Л.П. Словарь-справочник по экономике. – М., 2004.
3. Академик. Словари и энциклопедии // [Электронный ресурс] – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse>
4. Большой юридический словарь онлайн // [Электронный ресурс] – URL: <http://juridical.slovaronline.com>
5. Новости@mail.ru: лента новостей // [Электронный ресурс] – URL: <http://news.mail.ru/inregions/siberian/38/society/16687110/>
6. Onlinedics.ru: крупнейший сборник онлайн-словарей // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/biz/p/pensija.html>

7. Пенсионный консультант: аналитический портал // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pension-npf.ru/index.php?src=227>

8. Пенсионный фонд Российской Федерации: официальный сайт // [Электронный ресурс] – URL: www.pfr.ru/ot_irkut/

9. Старшее поколение Приангарья: стат. сб. – Иркутск, 2010.

Аншуква Татьяна Борисовна, соискатель, специалист-эксперт Управления Пенсионного фонда РФ Ленинского района г. Иркутска, г. Иркутск, e-mail: anshukova.001@mail.ru

Anshukova Tatiana Borisovna, competitor for a candidate degree, specialist-expert, Administration of Pension Fund of the Russian Federation, Leninsky district, Irkutsk, e-mail: anshukova.001@mail.ru

УДК 316.752

© И.И. Осинский, В.А. Хабудаева

ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Раскрываются традиции в культуре современной бурятской молодежи, в частности, в языке, религии, обычаях, обрядах, праздниках. Прослеживаются тенденции их изменения в процессе трансформации русского общества.

Ключевые слова: национальные традиции, бурятская молодежь, язык, религия, обычаи, традиции, обряды, праздники.

I.I. Osinsky, V.A. Khabudaeva

TRADITIONS IN THE CULTURE OF MODERN BURYAT YOUTH

The traditions in the culture of modern Buryat youth, particularly in language, religion, customs, rituals, holidays are revealed. The trends of their changes in the process of transformation of the Russian society are traced.

Keywords: national traditions, Buryat youth, language, religion, customs, traditions, rituals, holidays.

Исследование проблем традиционной культуры в наше время приобретает особую актуальность и значимость.

Традиции – это духовная основа, на которой базируется общество, все его сферы. Они выступают мощной интегрирующей силой, объединяющей все социальные группы, общественные институты социума. Без традиций не могут существовать ни одна нация, ни одно общество, ни одна культура. Народ строит свое будущее на фундаменте прошлого.

Особую роль в судьбах национальных традиций играет молодежь, выполняющая в обществе функцию преемственности поколений. Именно от нее зависит будущее национальных традиций: в каком виде и как они сохранятся для следующих поколений. Молодежь пополняет культурный и интеллектуальный потенциал страны, от нее зависит стабильность во всех сферах жизнедеятельности общества. Миссия молодежи во многом определяется ее численностью, а также численностью этноса, который она представляет. В Сибири проживает более 30 этносов. Наиболее многочисленным этносом являются буряты. Их численность в данном регионе составляет более 440 тыс. чел. [1].

Какое место занимают традиционные ценности в духовной культуре современной бурятской молодежи? Для ответа на этот вопрос авторы

опирались на материалы собственного социологического исследования молодежи Республики Бурятия, проведенного в 2012–2013 гг., данные Всероссийской переписи населения 2010 г., полустандартизированных индивидуальных интервью, материалы исследований других авторов. Генеральную совокупность составила молодежь, проживающая на территории Республики Бурятия. Объем выборочной совокупности равняется 426 чел.

Одной из основных традиционных ценностей любого народа является язык. Он хранит и ретранслирует духовные ценности, выражает менталитет, углубляет у этнофоров ощущение принадлежности к данному этносу. Языку присуща важнейшая функция в формировании национального самосознания, без которого не может быть самой этносоциальной целостности.

Как свидетельствует наше исследование, бурятская молодежь ценит факт приобщения к нему: 75,1% опрошенных представителей бурятской молодежи считают родным языком бурятский язык, 34,5% – русский язык, 9,6% указали в качестве родного языка оба – и русский и бурятский язык. Молодежь старшего возраста чаще указывает бурятский язык в качестве родного, нежели младшего возраста. 85,9% респондентов бурятской молодежи считает необходимым знание родного языка, так как он сохраняет само-

бытность народа, его культуру. В то же время многие представители бурятской молодежи не владеют бурятским языком.

Об уровне знания бурятского языка национальной молодежью Республики Бурятия дают представления материалы приводимой ниже таблицы 1.

Таблица 1

Результаты ответов респондентов на предложение: «Определите уровень своего знания бурятского языка», %

Варианты ответов	Город	Село
Свободно владею (читаю, пишу, говорю)	23,1	42,0
Недостаточно знаю	16,5	11,2
Понимаю, но не говорю или говорю с затруднениями	22,9	17,3
Практически не владею	18,3	5,0
Совершенно не владею	24,5	19,3

В той или иной степени владеют бурятским языком, включая уровень понимания, 62,5% городских и 70,5% сельских респондентов. Наблюдается тенденция уменьшения доли национальной молодежи, владеющей и пользующейся бурятским языком. Преобладает в языковой жизни молодого поколения русский язык как средство межнационального и внутринационального общения. Бурятский язык используется преимущественно в семейно-бытовой сфере. На работе и учебе в городе употребляет бурятский язык только 3% респондентов национальной молодежи. Конечно, во многом это можно объяснить недооценкой в прошлом национальных языков в национально-государственных образованиях СССР. Нельзя упускать из виду и объективного фактора – относительная немногочисленность бурятского населения, значительная часть которого растворена в инонациональной среде.

В последние годы Правительством Республики Бурятия и общественностью осуществляются меры по пропаганде бурятского языка, приобщению к нему всех заинтересованных в его знании и использовании.

Наряду с языком в духовную структуру национальной молодежи входит традиция уважительного отношения к старшим. По результатам полученных данных можно отметить, что она не утратила своего значения. Но в то же время теряет свою значимость такая традиция, как знание своей родословной. У бурят раньше считалось обязательным знание своих предков по прямой отцовской линии. Данные исследований показывают, что самым распространенным ответом среди бурятской молодежи является знание трех поколений, так ответили 16,4%. Значимой традицией всегда были доброжелательные отношения с представителями других наций. Данная традиция сохраняется и среди современной бурятской молодежи. Молодежь толерантна в отношении браков с представителями других

национальностей, при общении с представителями другой нации не испытывает существенных затруднений. О важности национальных ценностей для современной молодежи можно судить по чувствам, испытываемым по отношению к своей нации, к культуре своего народа. Большая часть молодежи отметила, что при прослушивании национальных песен, просмотре национальных танцев она ощущает гордость за свой народ, восхищение своей нацией, в то же время высоко оценивает культуру других этносов.

Важной характеристикой религиозной ситуации среди молодого поколения является положительный настрой по отношению к религии. Основными конфессиями в Бурятии традиционно являются буддизм, шаманизм и православие. Исследование показало, что 89,4% респондентов относят себя к буддизму, 18,5% – к шаманизму, 1,4% к православию. Свое объяснение приверженности к данным конфессиям респонденты мотивировали следующим образом: 66,0% – «это религия моих предков», 42,5% – «ее придерживается моя семья», 25,6% – «мне нравится ее мировоззрение, взгляды». Среди опрошенной молодежи бурятской национальности регулярно молятся и посещают дацан (буддийский храм) – 41,6%, иногда соблюдают обряды богослужения – 45,3%, считают себя верующими, но не молятся и не ходят в дацан – 7,9%. На наш взгляд, истинные мотивы религиозной принадлежности бурятской молодежи не всегда совпадают с мотивами обращения человека к религии. Скорее всего, этим часть молодежи показывает свою принадлежность к своему народу – бурятскому этносу. Молодежь в сельской местности проявляет большую приверженность к религии, чем городская молодежь: ее представители чаще посещают религиозные учреждения.

С религиозными традициями тесно связаны, а нередко переплетаются национальные обычаи, то есть установленные в общине, этносе или

обществе образцы поведения, социального действия. Наиболее распространенными обычаями в бурятской среде, которые передаются из поколения к поколению, являются поклонение духам, угощение хозяина огня, «брызганье», гостеприимство, дарение подарков, благопожелания. По преданию существуют «священные» места, где обитают духи, хозяева определенных мест. По установившейся традиции проезжающие мимо этих мест люди останавливаются, бросают монетку, брызгают спиртным напитком, привязывают к ветке дерева кусочки ткани, чтобы задобрить духов.

Наше исследование показало, что полностью соблюдают этот обычай 39% респондентов – представителей бурятской молодежи, столько же соблюдают в основном, 16,2% – придерживаются этого обычая только в отдельных случаях, 5,9% не соблюдают. Этот обычай соблюдает и часть молодежи русской национальности.

Не забыт обычай «угощения хозяина огня». Огонь всегда был великим благодетельным явлением. Хозяин или дух огня занимал одно из почетнейших мест в пантеоне божеств, которым поклонялись буряты. Во время приготовления (варки) мясного или молочного блюда, приготовления архи, первая «порция» бросается или выливается в огонь. Этот обычай соблюдает в настоящее время половина опрошенной национальной молодежи.

Сохранился обычай гостеприимства, который был известен еще в глубокой древности. Отправляясь в дорогу, путник брал с собой минимум пищи. Существовал не писанный закон кочевой цивилизации: в любой юрте путника накормят, напоят, а в случае необходимости, дадут и коня. Обычай гостеприимства не утратил своих основных функций и сегодня. Процедуру эту, как правило, выполняют женщины.

Таблица 2

Результаты ответов на вопрос: «Какие песни Вы предпочитаете слушать?», %

Варианты ответов	Респонденты	Ранг
Бурятские народные песни	32,6	4
Современные бурятские песни	46,2	2
Русские народные песни	4,7	7
Народные песни других народов	4,5	8
Современные русские эстрадные песни	44,6	3
Западные эстрадные песни	54,5	1
Затрудняюсь ответить	7,3	6
Другое	9,9	5

Таблица 3

Результаты ответов на вопрос: «Какие танцы Вам больше нравятся?», %

Варианты ответов	Респонденты	Ранг
Бурятские народные танцы	48,6	2
Русские народные танцы	6,8	6
Народные танцы других народов	13,6	4
Бальные танцы	15,9	3
Современные танцы	64,8	1
Затрудняюсь ответить	11,5	5
Другое	3,9	7

Продолжает бурятская молодежь соблюдать и многие национальные обряды. В их числе: предсвадебные и свадебные обряды, связанные с заключением брака, сохранились обряды по случаю рождения ребенка, праздничные. Правда, полностью соблюдает их только четвертая часть респондентов. Основная масса опрошенных (две третьих) ограничивается частичной их реализацией. Ряд обрядов потерял свою актуальность, в связи с изменившимися социально-экономическими условиями жизни этноса. Некоторые из них как, например, бурятская свадьба, подверглись заметной модернизации, то есть произошло соединение части элементов тради-

ционных и новых обрядов. Наиболее устойчивыми оказались обряды в погребально-поминальной сфере. Их соблюдают полностью 51,2% респондентов и частично – 41,3%. Такая ситуация по мнению специалистов связана скорее всего с верой в бессмертие души, перерождение умерших родственников, являющимися одними из основных положений традиционных религий бурят – буддизма и шаманизма.

Представляет интерес отношение бурятской молодежи к традиционным ценностям в области песенного и танцевального искусства. К таким традиционным ценностями относятся бурятские народные песни и танцы. Какое место они зани-

мают в современной культурной жизни бурятской молодежи? Некоторое представление об этом дают материалы таблиц 2, 3.

У бурятской молодежи в песенных предпочтениях на первом месте западные эстрадные песни, в танцевальных – современные танцы; на втором – современные бурятские песни и бурятские народные танцы; на третьем – современные русские эстрадные песни и балльные танцы; на четвертом – бурятские народные песни и народные танцы других народов.

На наш взгляд, вполне естественным является предпочтение молодежи современных форм песенного и хореографического искусства, что больше отвечает социально-психологическим характеристикам молодежи. Этому способствуют и средства массовой информации, особенно сети Интернет. В то же время значительная часть национальной молодежи не чуждается традиционных национальных форм самовыражения в области духовной жизни. Более того, она отдает им предпочтение, участвуя в их функционировании и развитии. Уместно отметить, что идентичные показатели характеризуют ценностные ориентации в области песенного и хореографического искусства и представителей русской молодежи, проживающей в Бурятии.

В последние десятилетия бурятская молодежь все больше проявляет интерес к национальным праздникам, и связанным с ними традициям. Известно, что праздники содержат в себе все элементы культуры этноса, преподносящие традиции в красочной и яркой форме. Они выступают также социальным механизмом, действия которого способствуют воспроизводству, сохранению, трансляции традиционных ценностей от поколения к поколению. Народ-

ный праздник является одним из средств формирования национального самосознания молодежи. У всех этносов существуют свои праздники, отражающие их образ жизни, культуру, менталитет. Исследование выявило, что бурятская молодежь предпочтительно относится к национальным праздникам. Так, на вопрос анкеты, «Какие праздники Вы отмечаете?» 92,7% респондентов ответили, что отмечают национальные бурятские и буддийские праздники, 66,4% – официально установленные праздники, 62,9% – праздники своих друзей, 25,4% – неофициально установленные праздники, 18,1% – профессиональные праздники, 15,0% – православные и народные русские праздники. По мнению молодежи, национальные праздники – это часть национальных традиций, они красивы, интересны, помогают молодежи лучше ознакомиться с культурой своего народа. Это говорит о том, что национальный праздник высоко ценится современной молодежью, и ее представители уважительно относятся к нему, принимают активное участие в их праздновании.

С национальными праздниками тесно связаны такие составляющие бытовой культуры как национальная одежда и пища. Традиционно на торжествах готовили много еды, надевали специальную праздничную одежду. В последующем эти традиции претерпели заметные изменения. Исследование 2012–2013 гг. показало, что часто готовят дома национальные блюда 55,2% респондентов, редко – 27%, только по праздникам – 16,2%, никогда не готовят – 0,2%. Основной рацион национальной кухни – мясные и молочные блюда. Так, на вопрос анкеты, «Какие блюда Вы чаще всего готовите?» респонденты бурятской молодежи ответили следующее:

Таблица 4

Результаты ответов на вопрос: «Какие блюда Вы чаще всего готовите», %

Варианты ответов	
Буузы	96
Саламат (шанаан зоохэй)	20,9
Зеленый чай с молоком	26,5
Зугаран-сай (зерновой соленый чай)	11,5
Шулэн (суп-лапша по-бурятски)	62,7
Арса	11,3
Хурууд (натуральный сыр)	7,5
Шаньги	4,2
Кровяная колбаса	45,8
Бухлер	47,9
Урмэ (молочные пенки)	19,7
Другое	1,4

Самым распространенным блюдом являются буузы (или позы), без которых не обходится ни одно торжество. На втором месте по частоте приготовления находится шулэн, на третьем и

четвертом – бухлер и кровяная колбаса. Попутно отметим, что блюда бурятской национальной кухни пользуются популярностью у представителей других национальностей, проживающих

на территории Бурятии. Буузы, зеленый чай с молоком готовят и многие русские семьи.

Существенным изменениям подверглись традиции в области национальной одежды. На вопрос анкеты, «Есть ли в Вашем доме национальная одежда?» ответили «да, есть» 31,2% представителей бурятской молодежи, «совсем нет» – 43,2%. Отдельные элементы национального костюма имеются у 25,6% респондентов. Представители молодежи, отметившие, что надевают национальные костюмы, это главным образом учащиеся старших классов, колледжей или студенты вузов, участвующие в национальных ансамблях. Чаще всего это бывает на концертах по случаю национальных праздников (Сагаалган, Сурхарбан и др.). В повседневной жизни бурятская национальная одежда используется редко, особенно в городской среде.

Как видим, некоторые национальные традиции по мере развития российского общества не только сохранились, но и получили свое дальнейшее развитие в среде бурятской молодежи. Часть же традиций сузила сферу своего применения. Изменения, произошедшие в сфере традиционных ценностей, в своей основе – естественный процесс, вызванный динамикой в жизни общества, глубокими сдвигами в различных его сферах. В то же время обращает на себя внимание преждевременный уход в небытие некоторых прогрессивных традиций, что существенно обедняет духовную жизнь народов, их молодежи. Это вызывает беспокойство не только у малочисленных народов, но и крупных этносов.

Какие национальные традиции и обычаи необходимо поддерживать и возрождать в первую очередь. По мнению опрошенной бурятской молодежи, в числе первоочередных – национальный язык – 88%. Затем по убывающей идут: национальные обычаи и традиции – 75,4%, традиционные народные праздники – 39%, народный фольклор, песни, танцы – 37,3%, национальная кухня – 32,2%, национальные виды спорта – 28,2%, национальная одежда – 17,1%, национальные ремесла – 12,2%.

Проблемы сохранения и развития традиционных национальных ценностей в обществе зависят от многих факторов. Одним из главных является политический фактор. На сохранение социокультурных традиционных ценностей оказывают влияние социальные и экономические факторы, деятельность учреждений культуры. На данном этапе развития российского общества основным институтом, влияющим на приобщение молодежи к традиционной культуре, по

мнению самой молодежи, является семья. В век информационных технологий большую роль в молодежной среде играют средства массовой информации. Социокультурная среда оказывает большое влияние на традиции и ценности молодого человека. К социокультурным факторам относятся воспитание, образование, проведение свободного времени и т.д.

По мнению респондентов для возрождения традиционных национальных ценностей в молодежной среде необходимо воспитание с детства на национальных традициях своего народа – 76,5%, внедрение в учебные программы школ, вузов курсов по традиционной культуре – 33,1%, активная организация народных праздников (в селе, в учебных заведениях) и других мероприятий по возрождению народных традиций – 32,2%, организация работы молодежных центров, занимающихся проблемами возрождения национальной культуры – 20,9%, пропаганда национальных традиций через СМИ – 20,0%.

В этом далеко не полном перечне мер по возрождению национальных традиций важное место принадлежит самой молодежи. Она выполняет в обществе важную функцию преемственности поколений. Именно от молодого поколения зависит судьба национальных традиций, в каком виде и как они сохраняются для следующих поколений.

Таковы некоторые проблемы национальных традиционных ценностей современной бурятской молодежи.

Литература

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия // [Электронный ресурс] – http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/

Осинский Иван Иосифович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: intellige2007@rambler.ru

Хабудаева Валентина Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной стратификации БГУ, г. Улан-Удэ, e-mail: Valenta25@yandex.ru

Osinsky Ivan Iosifovich, doctor of philosophical sciences, professor, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: intellige2007@rambler.ru

Khabudaeva Valentina Aleksandrovna, candidate of sociological sciences, senior researcher, laboratory of social stratification, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: Valenta25@yandex.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.22

© Э.Д. Дагбаев

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БУРЯТИИ

Рассматриваются факторы регионального развития, модели и практики их осуществления, классификации и оценки, направленность и интенсивность их действия. Определены и охарактеризованы основные черты и направленность процессов политического развития Республики Бурятия в современных условиях.

Ключевые слова: региональное политическое развитие, региональная идентичность, модель регионального развития, региональный политический режим.

E.D. Dagbaev

MODELING OF POLITICAL DEVELOPMENT OF BURYATIA

The factors of regional development, models and practices for their implementation, classification and evaluation, direction and intensity of their action are considered. The main features of the processes and direction of the political development of the Republic of Buryatia in modern conditions are defined and described.

Keywords: regional political development, regional identity, model of regional development, regional political regime.

Как и чем определяется региональное развитие в России? Существует целый набор признаков, свидетельствующих об успешности / неуспешности региона. Однако в основном они касаются отдельных сторон регионального развития, в частности, политической или социально-экономической сферы.

Мы думаем, что социально-политическое моделирование, позволяющее получить целостное представление о целях и уровне регионального развития, проявляется, прежде всего, в формирующейся некой «идентификационной матрице» (ИМ). Она представляет собой набор ключевых «семантических маркеров», с помощью которых происходит конструирование региональной идентичности. Сюда же включаются черты самовоспроизводства «для внутреннего потребления» и его символическое позиционирование в отношении внешнего мира. В самом общем виде, модель – это образ объекта, отражающий его специфические черты.

Назовем некоторые из ключевых «семантических маркеров». Для того, чтобы российский регион представлял собой целостное образование, региональную политику, способную защищать интересы регионального сообщества, необходимы как минимум пять условий: 1) некий общий образ или имидж, чем сумел наделить себя или наделен волею обстоятельств сам регион; 2) экономическая самодостаточность, или хотя бы определенная экономическая специали-

зация, позволяющая региону не быть в абсолютной зависимости от федерального бюджета; 3) наличие населения, обладающего исторической преемственностью и современными коммуникативными связями, включая информационные, транспортные, энергетические и т.д.; 4) объективные условия совместной жизни людей, их общая заинтересованность в благополучии края (природа солидарности); 5) этнический фактор, придающий национально-культурное своеобразие и усиливающий региональную автономию.

Следует помнить, что выбранная соответствующая модель регионального развития успешно работает только в случае своего соответствия потребностям регионального сообщества. Только в этом случае она становится эффективной. Очень важным, учитывая исторический фактор (колониальный тип освоения пространства), является соответствие политическим ожиданиям граждан. Вероятность успешного регионального развития в России, на наш взгляд, определяется взаимодействием четырех ключевых факторов власти и управления: оптимальной модели региональной идентичности и политической власти, соответствующей политической культуре сообщества модели политического режима и модели партийной системы, определяющей допустимый уровень конкуренции и соревновательности.

Итак, какова идентификационная матрица Республики Бурятия, определяющая модель региона в территориальной структуре России? Начнем с политического имиджа. Вне всякого сомнения, что для Республики Бурятия первичным основанием политической роли является ее нахождение вне исторического ядра государства, по сути, это территория-наследие колонии-переселения. Территория отдаленная и малоосвоенная. Именно этим обстоятельством и определяется во многом содержание политических действий и стратегий политических акторов. Для Бурятии когда-то стихийно избранные маркеры типа «республика у Байкала» смотрятся не очень презентабельно, ибо они проигрывают в географическом плане даже своим соседям. Сравните: «Центр Азии» – Республика Тыва, «Центр Евразии» – Республика Алтай или Забайкальский край.

Активный поиск соответствующего бренда начался не так давно – лет пять назад. Но общая региональная идентификация и самоидентификация еще впереди.

В свое время в качестве одной из возможных стратегий брендинга Республики Бурятия было предложено позиционирование Бурятии как сердца России в Азии, «восточных ворот», то есть «исторической площадки» России в XXI в. Под исторической площадкой понимается территория, на которой в течение нескольких столетий вершатся судьбы этноса, страны, мира. На территории Европейской России существовало несколько исторических площадок: Киевская Русь (IX – начало XII в.), Новгородская республика (XII–XV вв.), Московская Русь (XIV – начало XVIII в.), Санкт-Петербург (начало XVIII в. – первые десятилетия XX в.). Но исторические площадки не образуются сами по себе. Они есть результат сочетания объективных (природно-географических, демографических и исторических) и субъективных (осознание исторической ситуации, желание народа и его лидеров использовать исторический шанс для своего выживания и самоутверждения) факторов. К сожалению, основные остросюжетные линии проходят в других геополитических точках России. И государство, увы, долгое время не обращало внимания на довольно перспективную геополитическую точку развития. Может быть, сейчас, после событий в Украине и Крыму она повернется лицом к «воротам Азии»?

Проблема Бурятии – в ее экономике. С точки зрения экономической самодостаточности Республику Бурятия невозможно отнести к сильным и благополучным регионам, но на то есть свои объективные причины. Системный

кризис и распад СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. особенно тяжело сказались на социально-экономическом положении республики, ибо в народнохозяйственной структуре здесь преобладали предприятия союзного значения, прежде всего, военно-оборонного комплекса. Существовали и существуют до сих пор и другие объективные проблемы, сдерживающие динамику развития республики.

Самым важным из них является так называемый байкальский фактор. Уникальность природы Байкала, его высокий экологический статус как участка всемирного природного наследия требуют обеспечения сохранности этого уникального природного объекта, в результате чего существенно удорожается себестоимость выпускаемой продукции за счет повышенных текущих экологических трат и прямых потерь экономики региона.

К другим проблемам и объективным сложностям в экономическом развитии относятся: низкий уровень диверсификации экономики, высокий уровень безработицы и бедности населения, недостаточное развитие коммуникаций и инфраструктуры (имеются в виду дороги, связь, электроэнергия), периферийное расположение в структуре макроэкономического районирования России. В то же время в республике есть ряд несомненных общепризнанных конкурентных преимуществ, к которым относятся значительные запасы лесных, топливных и минерально-сырьевых ресурсов (почти вся периодическая таблица Менделеева), развитый промышленный и кадровый потенциал, рекреационные ресурсы, возможности для туризма, приграничное положение, международный аэропорт, региональные участки Транссиба, БАМа. Промышленное производство в валовой продукции занимает 24,4%, что говорит об индустриальном характере экономики Бурятии, да и доля сельского хозяйства остается значительной – 12,9%. Высока доля и строительной индустрии – 6,7%. Доля непродовольственной сферы составляет 9,3%.

Из вышесказанного вытекает, что в обобщенном смысле в Республике Бурятия могут быть реализованы две долговременные геостратегические цели государства: 1) обеспечение экономического, политического и военного влияния России в регионе Байкала или Внутренней Азии (монгольском); 2) сохранение и использование важнейшего природного ресурса и экологического фактора мирового значения – озера Байкал.

Развитие Республики Бурятия строится на основе долгосрочного планирования, главным документом является программа социально-

экономического развития до 2027 г. Ее основная цель – повышение уровня и качества жизни населения на основе конкурентных преимуществ экономики Бурятии. В соответствии с программой, определены пять конкурентноспособных приоритетных направлений: добыча и переработка полезных ископаемых; развитие агропромышленного комплекса; развитие лесопромышленного комплекса; туризм; создание транспортно-логистического комплекса. Очевидно, что в Бурятии есть значительный потенциал разведанных запасов полезных ископаемых, их стоимость оценивается более чем в 5,3 трлн руб. Всего предполагается реализация около 320 инвестиционных проектов, в результате чего объем продукции вырастет с 12 млрд до 66 млрд руб., производительность труда – в 4 раза, численность занятых увеличится до 40 тыс. чел.

В последние годы много говорится о превращении Бурятии в туристский регион, создании особой туристско-рекреационной зоны. На территории Бурятии предполагается сформировать 8 туристских зон. Особая экономическая зона «Байкальская гавань» будет построена на берегу озера Байкал. На ней планируется создать всегодный курорт мирового уровня с высокоразвитой инфраструктурой, крупнейшим горным курортом на востоке страны, крупным центром тибетской медицины. Правда, отношение самих жителей к озвученному ежегодному туристскому приросту к 2020 г. более 2 млн в год довольно скептическое.

В области транспортно-логистического комплекса предполагается формирование и развитие международного транспортного коридора «Улан-Удэ – Наушки / Кяхта – Улан-Батор – Пекин – Порты Юго-Восточной Азии («Монгольский вектор»), создание на базе аэропорта «Байкал» мультимодальной транспортно-логистической развязки, создание транспортного коридора между Транссибом и БАМом. По добыче полезных ископаемых следует отметить, что в целом на территории Байкальского и Дальневосточного экономического региона добывается 100% российских алмазов, олова и урана, 93% вольфрама, 67,5% золота, 50% молибдена, 18% угля, 13% нефти, 1% газа. При этом производительность труда в расчете на одного занятого в экономике региона в 4 раза ниже, чем в Японии, в 6 раз ниже, чем в США, и в 5 раз ниже, чем в Австралии.

Разумеется, экономику Республики Бурятия нельзя рассматривать в отрыве в целом от экономики Байкальского и Дальневосточного экономического региона, который, к сожалению, не имеет пока еще четкой стратегии своего разви-

тия. Ресурсный потенциал не используется полностью. Только скорейшее принятие полномасштабных проектов позволит России осуществлять геополитический контроль над данной территорией, повысить эффективность производства и уровня жизни ее граждан до выравнивания с европейской частью страны.

Мы видим, что до экономической самостоятельности в Республике Бурятия еще далеко, и в этом не ее вина. Однако в случае успешного выполнения программы социально-экономического развития Бурятии ее экономическая мощь существенно возрастет и приобретет важное геостратегическое значение для страны. Решающее значение будет иметь геостратегическая политика России на востоке страны. Активизация этого направления, особенно в связи с ухудшением отношений с Западом, украинским кризисом и переориентацией внешнеэкономических связей на Восток.

Что касается конструирования региональной идентичности. В принципе, любой из российских регионов является особой моделью региональной идентичности, и складывается она либо активной политикой по конструированию этой самой региональной идентичности либо стихийно, на основе имеющихся естественных признаков.

Первая модель – дискурс культурно-психологического единства регионального сообщества, когда осознается собственная уникальность и стимулируются соответствующие этому символы. Вторая – модель политики идентичности, ориентированная на внешние атрибуты. Третья – модель стихийного развития региональной идентичности. В первом случае население осознает свою уникальность и, по сути, это замкнутый регион. Во втором случае население слабо ощущает свою культурно-психологическую близость, зато присутствует осознание общего интереса, общее следование сконструированному имиджу. В третьем случае общая идентичность практически отсутствует, в них существуют сегменты различных этнических и территориальных групп.

Самая распространенная модель – многофакторная. В совокупности данная модель дает сильное ощущение собственной уникальности и ее презентацию через целенаправленный политический курс. Наиболее важные характеристики этой модели: выраженность внутренней самости, четкая идентификация жителей с регионом и, как следствие, определение наиболее значимых символов идентичности, завязанных на историко-культурный, природный и иной потенциал территории. В национальных республи-

ках, конечно же, в первую очередь, отражается историко-культурная уникальность и основанная на этом региональная идентичность. То же самое можно сказать и о Республике Бурятия. В последние годы конструирование усилилось, благо, есть на чем основываться.

В одном из исследований наших молодых коллег на вопрос: «Какие информационно-политические технологии формирования имиджа используются в СМИ Республики Бурятия?», 32% опрошенных ответили, что СМИ используют PR-технологии, освещение мероприятий; 18% – через привлечение известных людей; 13,6% – новостное телевидение событий и достижений, Интернет-технологии; по 9% – прямая реклама от Правительства за освещение событий (форумы), частота публикаций в СМИ о данной проблеме, активная политика формирования лояльности региональных и федеральных СМИ к деятельности Президента РБ; по 4,5% – платные материалы и брендинг. Очевидно, что работа по продвижению бренда и имиджа Бурятии идет активно, и она вошла в число приоритетных направлений деятельности для региональной власти.

Политическая система страны за последнее десятилетие подверглась мощной унификации. Построена вертикаль исполнительной власти. Но даже в условиях унификации общенационального пространства существуют источники и ресурсы регионального разнообразия, вызванные социально-экономическими и культурными особенностями. Для региональной политической системы эффективна та модель, которая, с одной стороны, является частью общегосударственной (общенациональной) системы, отвечающей общегосударственным задачам, а с другой стороны, способна защитить интересы жителей региона. Кроме того, система должна выполнять функции взаимодействия с другими регионами (по горизонтали) и с общенациональным государством, местным самоуправлением (по вертикали).

Эффективность региональной политической системы выражается в способности обеспечить горизонтальную и вертикальную интеграцию общества и элитных групп, всю их совокупность, включая неформальные группы. Механизмы функционирования власти предполагают взаимодействие институтов публичной власти (госорганы – элиты), включая систему формальных и неформальных взаимодействий, набор средств и технологий политического управления. Таким образом, если модель политической власти отвечает представлениям граждан, и она функционирует достаточно стабильно, то такая система власти является эффективной.

Но насколько эффективна модель политического развития Республики Бурятия?

В постсоветский период во всех регионах России (за некоторым исключением) использовались две модели политической (в узком смысле – государственной) власти, которые попеременно сменяют друг друга. В принципе, они являются альтернативными, взаимоисключающими друг друга, несмотря на попытки искусственным образом приблизить их. Именно в них можно увидеть главное звено региональной конструкции власти. Ключевым элементом в данной конструкции является глава исполнительной власти: в областях и краях чаще называемый губернатором, в республиках – президентами (в Бурятии ныне – глава). Заметим, что их назначение президентом Б.Н. Ельциным в начале 1990-х гг. (за исключением лидеров национальных республик) в конечном итоге привело к массовым требованиям из регионов о введении всенародных выборов их глав. В начале 2000-х гг. регионы «промолчали», когда фактически отменили выборы, заменив их «наделением полномочий законодательным (представительным) органом». В 2012 г. по инициативе Д.А. Медведева вновь иницируется законодательство о введении выборности глав российских регионов, но спустя год для регионов предоставляется право самим решить – избирать ли глав или предоставить право внесения кандидатур президенту страны с утверждением законодательным органом.

Значит, необходимо рассмотреть обе модели, то, как они проявили себя в Республике Бурятия. Как показал опыт семнадцати «суверенных» лет, при выборности глав, во-первых, кандидатура основного кандидата определяется той частью региональной политической элиты, которая обладает реальной властью; он является консолидированной фигурой власти и, как правило, этот кандидат занимает на тот период времени самый высокий государственный пост. Во-вторых, команда любого кандидата подбирается самим кандидатом и, как правило, включает в себя перечень наиболее лояльных ему лиц и организаций. В-третьих, в условиях Республики Бурятия кандидат в главы республики является кандидатом не только политической партии (даже если формально он является таковым), а совокупным представителем регионального сообщества, включающего в себя политический, этнический, территориальный, отраслевой и иные сегменты; то есть он представитель корпоративной группы. В-четвертых, все кандидаты в той или иной степени стремятся заручиться поддержкой одной из политических сил, представляющих со-

бой федеральный центр; демонстрируется способность коммуницировать и отстаивать интересы республики в Москве. В-пятых, избранный Президент или Глава Республики Бурятия в лимитированном количестве привлекает для работы в исполнительных органах власти и бывших политических противников, если они выразили готовность сотрудничать с ним.

При второй модели с условным названием «назначаемости главы» выделяются следующие ее элементы. Прежде всего, кандидатура основного кандидата определяется в Администрации Президента России и она является креатурой самого главы государства (в реальности, однако, это кандидатура одной из околосмоленских групп и для регионов самое важное не ошибиться в будущем референтной группы). Таких кандидатур выдвигается не менее трех, но это только видимость демократии. Во-вторых, не учитываются в настоящее время или учитываются в незначительной мере этнические, территориальные, сфера или отрасль экономики, выходцем из которой является кандидат; решающее значение имеет опыт менеджерской работы и лояльность и принадлежность к правящим группам (формально в виде принадлежности к «Единой России»). В-третьих, из опыта пока работы только одного руководителя республики можно заключить, что политическая команда главы формируется на протяжении всего первого срока и состоит как из числа бывшей правящей группы, так и вновь рекрутированных из числа молодежи. В-четвертых, главными основаниями рекрутирования являются два основания: лояльность выдвиженца (формально это может быть членство в «Единой России») и восприятие и готовность следовать политическому курсу правительства (который можно назвать технократическим). В-пятых, функционирование команды и принятие политических решений при такой модели можно называть технократическим, поскольку здесь не предполагается длительных согласований интересов, дискуссий и многосторонних коммуникаций; решения принимаются узким кругом лиц и транслируются через подконтрольные средства массовой информации.

Эти модели отражают основные тренды в развитии политической системы России. Республику Бурятия процесс вертикализации власти затронул гораздо позже других регионов по институциональным причинам – срок избранного в 2002 г. Л.В. Потапова заканчивался только в 2007 г., что, вероятно, также сыграло свою роль в выборе преемника. Точно также цикл совершенствования политической системы, связанный с либерализацией после бурных «Болотной

площади» в 2011–2012 гг., для Бурятии наступит позже других регионов. Выборы главы региона в случае, если не произойдет досрочного ухода нынешнего главы, пройдут только в 2017 г.

Моделируя тренды регионального политического режима Бурятии, можно отметить, что в контексте процессов децентрализации и рецентрализации наблюдается наличие трех последовательно сменявшихся друг друга режимов. Мы комплексно рассмотрели проблему трансформации политического режима Республики Бурятия в постсоветский период. В качестве обоснования были избраны основные параметры, оцениваемые при рассмотрении политических режимов: 1) наиболее принципиальный параметр – способ смены главы, таких вариантов может быть только два: либо выборы, либо назначение; 2) смена элит, характеризующая взаимодействие акторов и институтов в соответствии с ресурсами и стратегиями; 3) основные акторы; 4) доминирующие институты с точки зрения того, какие из них преобладают – формальные ли неформальные, то есть, как принимаются принципиальные решения; 5) характеристика выборов с позиций не формального их наличия, а конкурентности и открытости; 6) представительные институты, то есть характер их взаимоотношений с исполнительной властью; 7) роль партий в политической жизни; 8) роль средств массовой информации; 9) характер оппозиции.

Сочетания этих параметров в итоге позволяют нам выделить демократический, авторитарный и гибридный режимы. Гибридный режим представляет собой сочетание как авторитарных, так и демократических элементов без резких кренов в ту или иную сторону (так, смену главы и элит через выборы, свободные СМИ можно считать демократическим элементом, а отсутствие какой-либо серьезной роли партий, противостояние двух ветвей власти – авторитарным). Главная характеристика подобного режима заключается в отсутствии явно доминирующего актора. Более сложной по своим характеристикам является модель режима, названного нами «авторитарно-ситуативным». По своим основным характеристикам это, безусловно, авторитарная модель, но в ней присутствуют ситуативно такие демократические элементы, как, например, выборы или с ограниченным плюрализмом СМИ. Что касается так называемой «умеренно-авторитарной» модели, то это авторитарный режим, но умеренного характера, так как он включает в себя ряд демократических элементов, необходимых, скорее, для декорации.

Как показали исследования, первая модель политического режима Бурятии имела место в период с 1994 по 1998 гг., то есть в первый срок президентства Л.В. Потапова (за скобками остается период неопределенности с 1991 по 1994 гг., закончившиеся «учредительными выборами»). Авторитарно-ситуативный режим установился к началу второго президентского срока (1998–2007 гг.), а уже к 2008 г. после выборов

в Государственную Думу 2007 г. и Президента России в 2008 г. был продемонстрирован завершённый вариант выхода из авторитарной неопределенности – установлен умеренно-авторитарный режим.

Структурные параметры, определяющие различия в характеристиках моделей, представлены на этой таблице 1.

Таблица 1

Модели политических режимов Республики Бурятия

Характеристики	Гибридный	Авторитарно-ситуативный	Умеренно-авторитарный
Смена главы	выборы	выборы	фактическое назначение
Смена элит	выборы, назначение	выборы, назначение	выборы для представительного органа и МСУ, назначение
Акторы	бицентризм	моноцентризм	моноцентризм
Доминирующие институты	баланс сил	неформальные	неформальные
Выборы	конкурентные	ограниченно конкурентные	ограниченно конкурентные
Представительные институты	противостояние парламента и правительства	подчиненные парламенты	подчиненные парламенты
Партии	не играют никакой роли	автономные партии	административные партии, автономные партии
СМИ	свободные, функционируют на идейной основе	подконтрольные, с ограниченным плюрализмом	подконтрольные, неформальный альянс
Оппозиция	нелояльная, открытая	нелояльная, латентная	нелояльная, но ограниченная в ресурсах

В Бурятии процесс конституционного строительства, определивший основные параметры политического режима, был сложным и противоречивым ввиду столкновения интересов самых различных политических сил. Именно это обстоятельство повлияло на формирование наиболее приемлемой для Республики Бурятия схемы институционального оформления политического режима, сохранившейся вплоть до настоящего времени.

Так, с согласия политической элиты и широкой общественности, в случае с Бурятией наиболее оптимальной стала модель суперпрезидентской республики, приведшая к ослаблению роли парламента, а значит и понижению статуса политических партий. Также это повлияло на выбор политической элитой мажоритарной избирательной системы в два тура, что опять-таки в значительной степени понижало роль партий в качестве механизма формирования парламента.

Президентская республика естественным образом способствовала складыванию авторитарной модели, но зато постепенно минимизировало большое количество конфликтов. В период формирования политического режима Бурятии целая серия конфликтов между основными акторами – президентом и парламентом, а также президентом и органами местного самоуправле-

ния, президентом и региональным отделением КПРФ – показала разрушительный потенциал региональных политических конфликтов. Преодоление этих конфликтов привело к консолидации политического режима, приобретшего форму моноцентризма. Президенту Бурятии в условиях сложившейся политической ситуации удалось достичь ее благодаря постепенному снижению влияния блоково-партийной политики. Так, был сконструирован и укреплен моноцентрический режим, ставший выбором политической элиты региона. В дальнейшем он обретал новые качества, но полицентрическим так и не стал.

Движение в сторону усиления авторитарности, приобретшего качества умеренно-авторитарного режима, началось с усиления вертикали власти и установления контроля центра над всеми значимыми акторами региона через так называемую партизацию. Прежде всего, это фактическое назначение Президента республики, избрание половины депутатов Народного Хурала посредством партийных списков, в результате чего законодательный орган полностью превратился в партийный. Примечательно, что и Президент, и руководитель его администрации фактически руководили избирательной кампанией «Единой России». Учитывая, что едино-

россы составили абсолютное большинство и в законодательном, и в исполнительном органе власти, следует говорить об установлении однопартийной системы. Влиятельные оппозиционные группы, скорее, находятся внутри самой партии, поскольку они возглавляются членами той же правящей группы. Однако они ограничиваются тем, что продвигают на ключевые посты приемлемые для своих групп фигуры, не несущие угрозы их ослаблению. В то же время при радикальной смене политической ситуации они способны обозначить собственные претензии на власть в республике. Большинство из них, как и прежде, представляют, скорее, латентные земляческо-корпоративные группы, формирующиеся вокруг влиятельных местных политиков. К системной оппозиции можно отнести только группу, которая представляет Бурятское региональное отделение КПРФ, она и позиционируется как таковая.

Очевидно, что избранный глава региона продвигает более демократический режим, нежели назначенный. Расхожая фраза «об удельных княжествах» при избранных губернаторах применима не ко всем российским случаям. В национальных республиках, как уже было сказано, доминирующим кандидатом всегда выступает тот, который консолидирует собой региональное сообщество, его основные сегменты, включая этнические, территориальные, отчасти конфессиональные. Все остальные, как бы они ни старались, все равно будут выглядеть кандидатами отдельных групп. Даже в случаях успешной предвыборной агитации восприятие этого кандидата не изменится. Именно этими обстоятельствами объясняется трехкратное избрание с подавляющим преимуществом на всенародных выборах республики Президента Бурятии Л.В. Потапова. Даже несмотря на то, что по отдельным личностным характеристикам другие кандидаты могли быть сильнее его. Проблема периода его правления в Бурятии заключалась помимо объективных сложностей того времени в отсутствии всякой политической поддержки со стороны федерального центра.

Прибывший из центра руководитель-«варяг» воспринимается региональным сообществом, прежде всего, как представитель одной из политических групп, представляющих собой федеральный центр (точнее, даже не группу, а группировку), что само по себе уже снижает его властный потенциал. Если он представляет собой одну из политических партий, тогда, как в Бурятии, он вынужден опираться лишь на один из политических сегментов данного сообщества. При анализе деятельности первого лица-

«варяга» видно, что это главная его политическая проблема. Даже несомненные экономические успехи, связанные с финансовой поддержкой центра, не освободили В.В. Наговицына от сопротивления части элиты, прямой атаки его соперников.

Следующая переменная – модели партийной системы Республики Бурятия. Как ни парадоксально, модели партийной системы являются производными от моделей политического режима, а не наоборот, как это принято в других странах. Причиной тому служит роль партий в политической жизни, где, несмотря на попытки повышения их значимости, они все еще служат инструментом политических сил. Институциональная особенность функционирования партий в регионах в российских условиях состоит в том, что они являются лишь региональными отделениями центральных партий. Впрочем, это характерное явление для посткоммунистических стран с государственным устройством централизованного порядка. Тем не менее они в этом случае выступают проводниками не только политики центральных партий, но и могут иметь некоторые тактические и стратегические задачи, приспособленные под региональную специфику.

В зависимости от реальной значимости партий выделяются несколько партийных моделей. Одна из них может быть названа «декоративной многопартийностью» (множество действующих партий без реального участия в функционировании парламента и правительства), другая – «фракционализацией парламента» (когда партии создают фракции в парламенте, но реального участия в формировании правительства не принимают). Наконец, в том случае, когда партии участвуют в избрании / назначении главы региона, имеет значение партийность членов правительства, не говоря уже о функционировании партийных фракций в парламенте. В этом случае мы имеем дело с «партизацией регионов».

Протопартийные организации активно принимали участие уже в начале 1990-х гг. В Республике Бурятия в этот период развивались общественно-политические движения, особенно экологические и национальные организации, противостоящие власти рескома КПСС. Но они так и не стали играть определяющую роль в региональном политическом процессе. Региональное партийное противостояние появилось только благодаря актуализации межличностного противостояния глав исполнительной и законодательной власти, причиной которого стала борьба за институциональное доминирование и большую власть. Накануне выборов в Госдуму в 1993 г. конфликтное взаимодействие глав ветвей

власти было дополнено идеологической составляющей и стало приобретать черты партийно-политического. Глава законодательной власти Л.В. Потапов, ранее занимавший пост первого секретаря обкома КПСС, был поддержан региональным отделением партии КПРФ, в свою очередь, глава исполнительной власти В.Б. Саганов, консолидировав региональные проправительственные силы, создал в регионе отделение демократической федеральной партии – ПРЕС (Партия российского единства и согласия). Влияние остальных отделений федеральных партий – ДПР, СДПР, НПСР и других, а также региональной – Бурят-Монгольской народной партии – было минимальным.

Идеологическая и корпоративно-отраслевая составляющие партийной борьбы стали причудливым образом сочетаться, но тем не менее они позволили стать основой развития традиционных принципов партийной борьбы, среди которых особое значение стал приобретать ресурс разветвленной системы региональных (районных) представительств политических партий, что в условиях разбросанности и удаленности районов Республики Бурятия становилось особенно значимым. В процессе идейно-политического размежевания ведущим акторам было просто невыгодно связывать себя с партиями. Партии воспринимались гражданами, скорее, как способ коммуникативного общения.

Вторая модель отражает вынужденное движение по пути партийного строительства в период 1994–2006 гг. В регионах России отмечается слабость партийного влияния на политику. Причинами слабой артикуляции социальных интересов партиями являются, по крайней мере, до принятых институциональных мер, призванных повысить ее роль, в том числе в регионах – слабо структурированный социум и низкий уровень гражданского самосознания; доминирование личностного фактора в политике; постоянное воссоздание «партии власти», в полуадминистративных формах объединяющей представителей правящей элиты; постоянная смена организационных форм, воссоздающих картельные партии вместо массовых. Несомненно, институциональная мера, предполагавшая определенный порядок выборов, предусматривавших голосование по партийным спискам, оказала серьезное содействие региональному партстроительству. ФЗ от 11 июля 2001 г. «О политических партиях» положил конец существованию региональных партий, однако наличие региональных отделений в половине субъектов стало условием существования федеральных партий.

В случае с Бурятией не менее важным фактором стало институциональное доминирование исполнительных органов власти. Оно было осуществлено благодаря активным действиям президента, направленным на консолидацию сил пропрезидентской партийной коалиции в парламенте, а также на привлечение лидеров различных корпоративных групп.

Третья модель партийной системы установилась в республике в 2007–2008 гг., несколько позднее чем в целом по стране. Ее создание, безусловно, связано с достижением «партией власти» контроля над политической жизнью регионов. Фракционализация парламента постепенно увеличивала роль институционального механизма партий, особенно «партии власти» – «Единой России».

В результате партизации политической жизни партии все больше становятся структурообразующим элементом политической системы, хотя они все еще являются инструментом в руках политических тяжеловесов. В 2007–2008 гг. вхождение в политические партии и, конечно, в первую очередь, в «Единую Россию» стало важнейшим условием для политической карьеры. Активность партийного строительства касалась не только «Единой России», но и образованной из Российской партии жизни и Российской партии пенсионеров «Справедливой России» (СР), а также идеологизированных брендов партий КПРФ и ЛДПР. Именно вышеназванные партии и вошли в состав четвертого Народного Хурала в 2007 г. и Улан-Удэнского горсовета в 2008 г. В результате этих выборов федеральный центр получил универсальную систему двойного контроля органов региональной власти, продуцированную через назначение главы республики и опосредованную схему выбора спикера Народного Хурала РБ, а также всего депутатского корпуса.

Такой вариант может быть действенным при сравнении с «полной» демократизацией в связи с тем, что либеральная модель не отвечает традициям политической власти. Власть в представлениях жителей Бурятии должна быть решительной и сильной. В то же время авторитарность также имеет свои границы, потому что их переход чреват сильным отторжением со стороны граждан. В каком-то смысле мы имеем «монгольский вариант» политической власти, полностью не похожий ни на какой другой.

Итак, испробовав различные элементы политических модельных характеристик в Бурятии, мы имеем возможность сделать ряд выводов с позиции эффективности той или иной модели политического развития. Само сравнение харак-

теристик политической системы с «выборным» и «назначаемым» главой региона явно говорит в пользу первого в силу того, выборный глава обладает несравненно большей легитимностью и доверием со стороны граждан. Это есть основание для мобилизации сообщества на решение глобальной задачи эффективного регионального развития. При этом совершенно ясно, что в России эффективна только моноцентрическая мо-

дель власти, иная не признается в общественном сознании.

Дагбаев Эрдэм Данзанович, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: edagbaev@mail.ru

Dagbaev Erdem Danzanovich, doctor of sociological sciences, professor, department of political sciences and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: edagbaev@mail.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2:168.1

© М.А. Федоров

ТЕРМИН «ЛИНГВОКУЛЬТУРА» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

Понятие «лингвокультуры», будучи относительно новым в научном дискурсе, имеет различные толкования, обусловленные исследовательскими задачами. Рассматривая его с точки зрения различных аспектов изучения культуры и языка, мы определили этот термин как совокупность массива информации культуры, получившего объективацию в языке. В рамках этого подхода в качестве элемента лингвокультуры предлагается понятие «средство речевой деятельности».

Ключевые слова: лингвокультура, культура, языка, определение.

M.A. Fedorov

THE TERM «LINGUOCULTURE» IN THE ASPECT OF THE THEORY OF CULTURE

The notion of linguoculture is relatively new in scientific discourse and it has different interpretations conditioned by specific research goals. We defined a term as the total sum of culture information objectified in language, considering it from the viewpoint of various research aspects of culture and language. Within this approach a concept «means of speech activity» is proposed as an element of linguoculture.

Keywords: linguoculture, culture, language, definition.

В лингвистическом дискурсе все большую популярность приобретает понятие «лингвокультура», но в большинстве изученных источников отсутствует его определение, несмотря на то, что данное слово включено либо в название работы, либо в список ключевых слов. Пренебрежение дефиницией ключевого понятия может объясняться кажущейся самоочевидностью его внутренней формы: лингво + культура, вероятно, понимается, как «культура, получившая выражение в языке». В свою очередь, понятия «культура» и «язык» в силу своей многоаспектности имеют целую плеяду дефиниций, что не может не создать проблему осмысления феномена лингвокультуры.

Неудивительно то, что данное слово имеет чрезвычайно широкую трактовку: в разных источниках в содержание лингвокультуры включаются образы, прецедентные тексты и имена [18; 19], ценности [8], традиции [13], арсенал языковых средств и символов [11]. Также достаточно разнообразны аспекты рассмотрения лингвокультуры – как компонента лингвокультурного поля национального языка, как члена оппозиции «родная : иноязычная», «исходная лингвокультура : лингвокультура перевода» и как эквивалента концептосферы.

Если допустить, что некоторые подходы дополняют друг друга, то нельзя не увидеть, что расхождение в понимании этого феномена су-

ществует и усугубляет потребность дефиниций в каждом конкретном случае. Кроме того, создается впечатление, что в некоторых случаях предпочтительней более устоявшийся термин «культура». Так, если следовать вышеупомянутому определению лингвокультуры, то сочетания «вербализация ценностей национальной лингвокультуры» и «языковая картина мира русскоязычной лингвокультуры» кажутся как минимум избыточными.

Разностороннее осмысление данного термина получил в работах В.В. Красных. Лингвокультура определяется как культура, воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык. Культура вслед за Э. Сэпиром понимается как «отобранный инвентарь опыта», «то, что данное общество делает и думает», а язык вслед за А.А. Леонтьевым – как «единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования». При этом каждая система, по словам ученого, изначально существует отдельно, а потому лингвокультура, возникающая на их пересечении, претендует на статус самостоятельной системы. В качестве содержания лингвокультуры предлагается рассматривать образы сознания, облеченные в языковые знаки [5, с. 71–72; 6, с. 47–50].

Нам кажется, что тезис об отдельном существовании языка нуждается в корректировке:

можно согласиться с тем, что не все то, что «общество делает и думает» выражено в языке, но трудно представить себе единицы языка, которые бы выходили бы за рамки «отобранного инвентаря опыта». Таким образом, язык представляется одной из самых важных составляющих культуры, что подтверждается рассмотрением этих феноменов с точки зрения различных аспектов, о чем будет сказано позже.

Еще один важный аспект определения лингвокультуры, предложенный В.В. Красных, состоит в разграничении данного понятия от близких ему по содержанию. Для разграничения понятий языковой картины мира и лингвокультуры указано, что первая формируется знаками языка, выступая как сложно организованное семантическое пространство, а вторая – образами сознания, облеченными в языковые знаки, являясь феноменом лингвокогнитивным. Разграничивая понятие «образ мира» (*целостная, многоуровневая система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности* [2; 3; 4, курсив – М.Ф.]) и «лингвокультура», ученый относит к последнему только общие компоненты образа мира, формирующие его объективную составляющую [5, с. 73], что определяет лингвокультуру как систему представлений о действительности, присущую определенному сообществу и, необходимо добавить, облеченные в языковые знаки, поскольку, насколько мы можем судить, В.В. Красных в контексте своего подхода сужает понятие культуры, рассматривая ее как пространство общей памяти, как систему представлений [5, с. 69], т.е. рассматривает с точки зрения семиотического аспекта.

Однако в такой трактовке появляются еще два понятия, нуждающиеся в отграничении – научная и этническая картины мира. Первый термин понимается *целостная система представлений о мире, его структурных характеристиках и закономерностях, вырабатываемая в результате систематизации и синтеза фундаментальных достижений науки* [1, курсив – М.Ф.]. Отличие научной картины мира от лингвокультуры в данной трактовке можно найти в том, что источником первой являются научные знания.

Понятие этническая картина мира в трактовке В.Г. Крысько (*совокупность устойчивых, связанных представлений и суждений об общественном бытии, жизни и деятельности, присущих членам конкретной этнической общности* [7, курсив – М.Ф.]) практически полностью совпадает с лингвокультурой как системой представлений общества. Отличия между двумя терминами видны в другой дефиниции: *единая ориентация когнитивная, фактически – невербали-*

зованное, имплицитное выражение понимания членами каждого общества, в том числе общности этнической, «правил жизни», диктуемых социальными, природными и «сверхъестественными» силами, поскольку акцент здесь делается на то, что содержание картины мира неосознаваемо и необсуждаемо [3; 12, курсив – М.Ф.]: разница между двумя понятиями состоит в вербализованности образов лингвокультуры и неосознаваемости элементов этнической картины мира.

Рассматривая перспективность понятия лингвокультуры с точки зрения теории и истории культуры, необходимо уточнить его сущность с позиции различных аспектов изучения культуры и языка, которых мы выделяем семь: функциональный, инвариантный, формальный, динамический, семиотический, структурный и онтологический [14, с. 17, 29, 55]. Первый аспект фокусирует внимание на функциях, выполняемых данной системой, второй – на ее содержании, перечне элементов и связей, которыми обладают системы подобного рода, третий указывает на характерные черты, отличающие данную систему от подобных ей, четвертый – на причины и механизмы ее изменения, пятый аспект акцентирует способы передачи значения и связи между поколениями. Структурный аспект рассматривает систему как необходимую составную часть более крупной системы, а последний – определяет онтологическую сущность рассматриваемого объекта. Указание аспекта исследования, с одной стороны, снимает противоречия между различными дефинициями, а с другой – позволяет уточнить объем рассматриваемого понятия.

Итак, культура – это необходимая и достаточная совокупность материальных и идеальных средств деятельности (содержательный аспект), направленных на адаптацию к окружающей среде и увеличение эффективности этой системы (функциональный аспект); присущая конкретной общности система форм поведения, видов деятельности и технологий производства, обусловленных спецификой бытия данного социума (формальный аспект); массив информации, передаваемый от одного поколения к другому через объективацию в деятельности и ее продуктах (семиотический аспект); социодействительный феномен, объективируемый в деятельности членов общества в многообразии вариантов различий и осознаваемый как идеал, являясь абстрактным конструктом, представленным в виде дистинктивных признаков способа деятельности (онтологический аспект).

С точки зрения динамического аспекта культура – это система, изменение которой, с одной стороны, предопределяется попытками отдельных индивидов найти новые или изменить существующие средства, являющиеся оптимальными для определенной деятельности, результатом чего становится вариативность средств, имеющих сходные функции, с другой – осуществляется тем, что социум начинает использовать наиболее приемлемые средства деятельности.

Определение культуры с точки зрения структурного аспекта представляется нам невозможным, т.к. культура – тотальность для субъекта познания, из которой можно выйти не на уровень в системы, в которую в входит культура, а только в другую культуру.

Язык – это необходимая и достаточная совокупность материальных носителей смыслов и правил их употребления (содержательный аспект); система речевой деятельности, отражающих специфику адаптации социума к окружающему миру и его консолидации как единого целого (формальный аспект); система речевых средств, используемых обществом для познания действительности и коммуникации между ее членами (функциональный аспект); система знаков, представленных в сознании в виде акустико-графических образов и объективируемых в речи при помощи звукокомплексов, закрепленных речевой практикой (семиотический аспект); социодетерминированный феномен (онтологический аспект), изменение которого представляет собой адаптацию средств речевой деятельности и отражает изменение концептуальной системы (динамический аспект).

С точки зрения структурного аспекта язык представляет собой область культуры, в которой получают реализацию основные функции языка – когнитивная и коммуникативная. Осмыслять когнитивную функцию языка необходимо в контексте основной функции культуры – приспособление к окружающей среде. Последняя предстает перед нами как недифференцированное целое, и познание начинается с выделения объекта на окружающем его фоне. И такое обособление объекта возможно при помощи означения средствами единиц языка.

Как справедливо отметил А.Ф. Лосев, язык отражает не объективную реальность *as is*, а коммуникативное использование действительности. Его суть состоит в том, что сознание активно вмешивается в действительность, выбирая из нее актуальные

характеристики объекта с отстранением на задний план других, не вызывающих интерес в данный момент [9, с. 11–12]. Такое понимание подтверждает наш тезис о культурной относительности языка: язык в силу своей орудийной природы закрепляет в инвентаре культурозначимые смыслы и способы размышления о них, делает его максимально удобным именно для выражения этих смыслов [15, с. 185].

Не менее глобальным представляется коммуникативный аспект: язык как система должен обладать необходимым и достаточным набором единиц и правил их сочетания для успешной коммуникации, предметами которой могут служить как объекты материальной и идеальной действительности, так и взаимодействие между индивидами. Даже при такой упрощенной картине содержания коммуникации язык должен обладать настолько обширным запасом единиц, чтобы соответствовать всему богатству ситуаций общения.

Ранее мы называли язык орудием культуры [16, с. 292], но это кажется не совсем точным, поскольку совокупность единиц языка, востребованных культурой, настолько велика, что более корректно было бы называть язык областью культуры, объединяющей средства осмысления объектов действительности и коммуникации, предметом которой служат последние. Таким образом, структурный аспект языка подводит нас к осмыслению понятия «лингвокультура», под которым мы понимаем всю совокупность массива информации культуры, получившей объективацию в языке. Без сомнения, лингвокультура в большинстве языков соответствует большей части семиотического пространства культуры, поэтому проще указать на то, что не входит в лингвокультуру: элементы массива, которые получают выражения при помощи других семиотических систем, например, языка жестов или тела.

Э.С. Маркарян предложил рассматривать в качестве элементов культуры средства деятельности [11, с. 119]. Следовательно, в рамках деятельностного подхода единицами лингвокультуры можно назвать средства речевой деятельности, к которым относятся средства номинации (слова и словосочетания) и средства обобщения (грамемы). Здесь можно увидеть параллель со словарем и грамматикой лингвокультуры в аспекте, предложенном В.В. Красных [5, с. 73].

В данной трактовке понятие лингвокультуры близко понятию языка, между которыми можно провести следующую демаркационную линию.

К содержанию лингвокультуры мы относим значимые единицы языка, рассматриваемые в аспекте функций культуры. Будучи представлены в речевой деятельности, единицы лингвокультуры являются объективными феноменами. Тогда как язык, (особенно в контексте парадигмы структурализма, рассматривающей язык как совокупность единиц различных уровней) вслед за Л.В. Щербой можно назвать продуктом умозаключений лингвиста, обобщающих знание речевой деятельности в виде словарей и грамматик, т.е. язык – это конструктор [17, с. 24].

В заключении скажем: изучении лингвокультуры в аспекте теории и истории культуры имеет то неоспоримое преимущество, что является наиболее объективным свидетельством характера изучаемой культуры, поскольку единицы лингвокультуры, представляя собой орудия осмысления объективной реальности и коммуникации в рамках потребностей общества, отражают специфику этнической картины мира. При этом язык позволяет заглянуть в любой период истории, представленный письменными источниками.

Литература

1. Анцупов А.Я. Словарь конфликтолога // [Электронный ресурс] – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/887/word>
2. Березин С.В., Лисецкий К.С., Серебрякова М.Е. Словарь психологических терминов // [Электронный ресурс] – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/22/word/obraz-mira>
3. Головин С.Ю. Словарь практического психолога // [Электронный ресурс] – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/25/word/obraz-mira>
4. Дудьев В.П. Психомоторика: словарь-справочник // [Электронный ресурс] – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/893/word/obraz-mira>
5. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2012. – №3. – С.67–74.
6. Красных В.В. Роль языка в свете интегративных исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. – 2013. – №4. – Т. 4. – С.46–51.

7. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. – М., 1999. – 343 с. // [Электронный ресурс] – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067>

8. Латышев Л.К., Тимко Н.В. Отражение ценностей американской лингвокультуры в художественном тексте при переводе на русский язык // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – №2. – С.44–49.

9. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.

10. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983 – 279 с.

11. Пожидаева Е.В. Пути формирования и развития национальной лингвокультуры питания (на примере английского языка) // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т.18. – №5. – С.84–87.

12. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. / под ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 176 с. // [Электронный ресурс] – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/852/word/kartina-mira-yetnicheskaja>

13. Супрун В.И., Кудряшова Р.И., Брыкина Е.В. Донская казачья лингвокультура в произведении Б.П. Екимова // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2013. – №6 (81). – С.79–85.

14. Федоров М.А. Принципы системного подхода в определении понятий «культура», «концепт» и «язык». – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. – 104 с.

15. Федоров М.А. От лингвистической относительности к относительности культурной // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. Серия Филология. – 2013. – №2 (23). – С.181–186.

16. Федоров М.А. Язык как феномен культуры // Вестник Иркутского гос. тех. ун-та. – 2013. – №6. – С.291–295.

17. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 202 с.

18. Юзефович Н.Г. Российская лингвокультура в произведениях Орландо Файджеса // Политическая лингвистика. – 2011. – №2. – С.244–249.

19. Юзефович Н.Г. Картины мира: лингвокультурологический аспект // Индустрия перевода. – 2013. – №1. – С.363–368.

Федоров Михаил Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: fma1105@gmail.com

Fedorov Mikhail Alexandrovich, candidate of philological sciences, associate professor, department of English philology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: fma1105@gmail.com

СТРУКТУРА КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТИИ

Статья посвящена актуальной проблеме культурной истории – созданию новой культуры на основе взаимосвязи различных элементов. Автор анализирует исторические условия и социально-культурную среду, в которых происходило взаимодействие европейской и бурятской музыкальных традиций. Музыкальная культура Бурятии рассматривается как система, которая содержит в себе потенциал и механизмы для самосохранения, самообновления и адаптации к меняющимся условиям.

Ключевые слова: межкультурные взаимодействия, профессионализм европейской традиции, национальный фольклор, интеграция традиций, условия взаимодействия, тип, характер, результат взаимодействия музыкальных культур.

O.A. Rusinova

STRUCTURE OF CULTURAL INTERACTIONS IN THE PROCESS OF FORMATION OF THE PROFESSIONAL MUSICAL CULTURE OF BURYATIA

The article is devoted to the important problem of the cultural history – creation of the new culture on the basis of interrelation of the different elements. The author analyzes historical conditions and socio-cultural environment in which the interaction of the European and Buryat musical traditions has taken place. The musical culture of Buryatia is viewed as a system which itself contains the potential and mechanisms for self-preservation, self-renewal, and adaptation to changing conditions.

Keywords: cross-cultural interactions, professionalism of the European tradition, national folklore, integration of traditions, conditions of interaction, type, character, result of interaction of musical cultures.

Формирование профессиональной музыкальной культуры в национальных республиках страны в советское время происходило на фундаменте взаимодействия национальных и инонациональных (преимущественно европейских) традиций. Наиболее остро вопрос об их интеграции стоял в республиках Средней Азии, Казахстана, Сибири, так как в данном процессе сочетались традиции разных геосоциокультурных ареалов: Востока и Запада. Кроме того, каждая из взаимодействующих систем представляла собой конгломерат историко-стилевых пластов, при этом национальная традиция, как правило, существовала в двух формах – фольклорной и профессиональной устной традиции. Таким образом, формирование профессиональной музыкальной культуры Бурятии отражает процесс внутрикультурных и межкультурных взаимодействий.

Внутрикультурные взаимодействия – тип связи с музыкальным наследием, при котором композитор использует принципы организации музыкального материала, выработанные в той культуре, к которой он принадлежит. Различий в темпоральной локализации при этом может не быть: две упомянутые формы народной культуры существуют в национальной традиции одновременно. Межкультурные взаимодействия – тип связи с музыкальным наследием, при котором композитор использует принципы органи-

зации музыкального материала, выработанные в иной культуре, чем та, к которой он принадлежит. Межкультурные взаимодействия проявляются при различной региональной локализации, когда в произведении синтезируются стилевые и структурные признаки, принадлежащие разным культурам.

Соприкосновение европейской и восточных культур, безусловно, является формой межкультурных взаимодействий. Но поскольку в основе межкультурных контактов лежит контакт разных музыкальных языков, генетически связанных с разными культурами, то профессиональная и фольклорная традиции также оказываются принадлежащими к разным системам, следовательно, их контакт также определяется как межкультурные взаимодействия. Таким образом, профессиональная музыкальная культура Бурятии сформировалась на фундаменте двойственного межкультурного взаимодействия: с европейской системой и с системой фольклора.

Однако внутри обеих систем действуют отношения традиции и новаторства, то есть проявляются внутрикультурные взаимодействия: в общеевропейской системе это становление советской музыки на фундаменте русской традиции, сформировавшейся, в свою очередь, на основе европейской. В системе же национальной музыки отношения традиции и новаторства складываются между элементами разной темпо-

ральной локализации. Следовательно, профессиональная музыкальная культура Бурятии, как итог внутри – и межкультурных взаимодействий, может быть определена, как мультикультурное целое.

Структура взаимодействующих систем не была одинаковой: слагаемое «профессиональное – новаторское» отличалось большей многосоставностью не только по количеству компонентов (стиль, жанр, драматургия), но и по соотношению традиционного – новаторского и общего – индивидуального. Слагаемое же «народное – традиционное» демонстрировало большее внутреннее единство, при естественном внутрикультурном взаимодействии разнорегиональных и стадийных составляющих. Это выявляет многомерность взаимодействия элементов системы «профессиональная музыкальная культура Бурятии», которую подчеркивает динамический характер их функционирования, поскольку каждый элемент продолжает развивать свой потенциал и экстенсивно и интенсивно.

Взаимодействующие культуры Востока и Запада принадлежали к разным – полюсным – системам. Различие их музыкальных традиций проявляется на нескольких уровнях: мировоззренческом, психологическом, эстетическом. Взаимосвязь этих уровней проявляет цепочка: национальная психология – устойчивость эмоциональных реакций – выработка содержательных, выразительных, ритмо-пластических характеристик, составляющих музыкальную традицию. На эстетическом уровне проявляются различия в характере создания артефактов, их исполнения (инструментарий, формы музицирования) и восприятия. В свою очередь, созидательный уровень демонстрирует несовпадение всех фундаментальных показателей: жанров, драматургии, лада, фактуры. Наиболее остро различие традиций проявляется в характере передачи традиции: на Западе – письменной, на Востоке – устной, а также в противопоставлении восточной монодии и западного многоголосия.

Глубина различий между традициями Востока и Запада обусловила сомнения в возможности их синтеза. Европейская система определялась как главенствующий компонент, разрушающий национальную самобытность культуры-реципиента. Основанием для сомнений служили не только стилевые различия: феномен композиторского профессионализма, как основанный на европейских ценностях, интерпретировался как антагонистический по отношению к традициям национальным.

Существовала «стадийная» теория, отождествлявшая данные компоненты со стадиями раз-

вития культуры. Проводились аналогии со стадийным развитием европейского искусства, в котором профессионализм устного (анонимного) типа сменился письменным (авторским) и делался вывод о неизбежной смене национальной культуры – более мобильной европейской. Однако музыкально-исторический процесс подтверждает концепцию Д. Белла о нелинейном движении культуры, при котором каждый новый этап не отменяет предшествующих форм, а обеспечивает их параллельное существование с новыми формами.

Процесс формирования бурятской профессиональной культуры демонстрирует два типа реализации взаимодействия традиций: эволюционный и революционный. Эволюционный тип, естественный путь адаптации к европейской традиции, развертывающийся в продолжительных хронологических рамках, характеризовал музыкальную культуру Бурятии в XIX в., когда складывался контингент исполнителей и потребителей культовых, салонных, военных жанров европейской традиции. Он позволял поддерживать структурное и функциональное равновесие компонентов, не переходя на стадию интеграции.

Революционный тип формирования композиторского профессионализма – директивный путь, развертывающийся в узких хронологических рамках. Он характерен для республик СССР, в том числе и для Бурятии, когда политическая воля партии и государства диктовала и обеспечивала форсированное создание социокультурных условий взаимодействия культур. Различия же путей и результатов его реализации обусловлены уровнем (структурным, жанровым) развития культур-реципиентов до контакта с европейской культурой и степенью приобщенности к ней.

Возможность взаимодействия разных традиций обусловлена сложностью структуры обеих взаимодействующих систем, в которых в динамической связи существуют элементы, общие для музыки всех народов, элементы особенные, определяемые темпоральной и региональной локализацией культур, и элементы специфические, определяющие своеобразие исторического развития данной культуры. Но множественность отличий в культурах Запада и Востока не умаляет наличия типологических параллелей [4, с. 134–158], что обусловлено универсалиями культуры – общечеловеческими репрезентациями культурного опыта. Представленные в мировоззренческих конструкциях, художественной символике и отражающие устойчивые антропологические – биологические, психологические,

социальные – характеристики человека и природные условия его существования, они приобретают деятельностный, эмоциональный, ритмо-энергетический характер [6, с. 34].

Структурно-функциональные отношения внутри каждого из взаимодействующих компонентов – этнонационального и инонационального инвариантов – характеризуются сосуществованием в них стабилизирующих и динамизирующих элементов. Практика показывает, что традиционные этнические и национальные культуры могут адаптироваться к изменяющимся условиям. Так, в бурятской культуре сохранились вербальный язык, обычаи, вера, моральные и художественные ценности, пусть и в модифицированном виде. Мы полагаем, что адаптация к современной динамике основана на сохранении этнокультурной идентичности, а также на толерантности к инонациональной традиции. Роль интегративного фактора – организационного, нормативного, ценностного – сыграла государственная культурная политика.

Историческая эволюция культур народов мира подтверждает позитивность взаимодействий: они не нарушают их целостности и самобытности, лишь в редких случаях приводя к размыванию одной их культур. Напротив, взаимодействие направлено на повышение их адаптационного потенциала к меняющимся социокультурным условиям. В развитии культуры Западной Европы, например, неоднократные процессы ассимиляции инонациональных влияний способствовали ее самообновлению.

Взаимодействие культур способствовало распространению модели композиторского творчества с Запада на Восток. Россия освоила западно-европейскую модель творчества в XVIII в., при этом она соотносилась с культурой Запада как периферийная по отношению к центру. Преодоление периферической функции произошло к середине XIX в., когда русское композиторское творчество, приобретшее национальную самобытность, смогло оказывать влияние на композиторов Грузии, Армении, Украины, Азербайджана [5, с. 88]. Послереволюционная ситуация дала новый импульс для продвижения русского варианта европейской модели на Восток: в сферу периферии включились республики Средней Азии и Сибири. В конце XX в. складываются условия для функциональной трансформации композиторского творчества Бурятии, приобретающего значение центра для соседних – периферийных – культур Тывы, Алтая, Хакасии, Прибайкалья.

Разнородность национальной и инонациональной традиций не могла быть преодолена на

уровне контакта. Требовалось продолжительное взаимодействие, масштабное в плане количества участников. Данные параметры во всех трудах, посвященных исследованию проблемы взаимодействия культур, отмечаются как определяющие результативность межкультурного контакта. Однако практика корректирует теоретические построения: формирование профессиональной музыкальной культуры в восточных республиках СССР осуществилось за короткий период. В силу сложившихся социально-исторических условий произошло форсированное освоение жанров, форм, методов и средств, которые в самой европейской традиции складывались в протяженных временных рамках нескольких столетий.

Взаимодействие компонентов системы «бурятская профессиональная музыкальная культура» осуществляется по принципу свободного самоопределения: компоненты «композиторское творчество» и «традиционный фольклор», сохраняя свою специфику, функционируют в самостоятельном режиме. В то же время компоненты системы «бурятское композиторское творчество» взаимодействуют по принципу иерархии. Данный принцип основан на неравноправном взаимодействии, когда одна культура – в данном случае культура европейского типа – выступает, как донор, а другая – в данном случае бурятская традиционная – как реципиент. Культура-донор предоставляет для заимствования широкий арсенал средств, приемов, принципов, методов организации творческого продукта. Культура-реципиент в большей степени заимствует, нежели отдает. В композиторском творчестве взаимодействуют: один национальный компонент – тематизм со специфическими ладовыми, мелодическими, ритмическими, структурными характеристиками и целый ряд компонентов европейской музыки: фактурный, ладо-гармонический, композиционный, драматургический, тембровый. Обратное действие проявилось только в расширении «европейским» субъектом взаимодействия своего индивидуально-стилевого диапазона.

Однако в композиторском творчестве Бурятии есть пример проявления подвижности функций взаимодействующих культур, когда со сменой исторических стадий они изменили свое место в иерархии. Так, в 1980-е гг. Ю.И. Ирдынеев начал поиск выразительных средств, исходящих из фольклорного тематизма и традиционной музыкальной практики (балет «Лик богини»), другие же бурятские композиторы в те годы не смогли преодолеть влияния европейских принципов музыкального мышления. С измене-

нием социокультурной практики в 1990-е г. в композиторское творчество проникают новые языковые тенденции, разрушающие принципы европейской классики, и взаимодействие национального и инонационального становится более органичным, хотя и осуществляется по принципу иерархии.

В теории и истории культуры характер взаимодействий определяется парадигмами консенсуса, конфликта, диалога, полилога. В формировании профессиональной музыкальной культуры в Бурятии в чистом виде не проявляется ни одна из них. Диалоговая парадигма, о которой обычно говорят в связи с данной проблематикой, проявляется в наличии интегративной платформы, объединяющей базовые оппозиции и формировании новых ценностей. Однако отсутствует характерное для нее различие начальных позиций участников взаимодействия, исходящий из этого несоответствия поиск вариантов синтеза. Главное же – отсутствует равноправие сторон.

Консенсусная парадигма предполагает наличие у участников взаимодействия близости представлений, позиций, оценок, ожиданий результатов творчества, реализуемых путем взаимных уступок. Из этих положений для Бурятии актуально только ожидание результата – создания советской профессиональной музыкальной культуры.

Конфликтная парадигма, для которой характерно несовпадение эстетических позиций субъектов, проявляется нередко в вынужденном взаимодействии. Так, бурятская национальная культура вынуждена была принять влияние лидирующей инонациональной культуры. Вместе с этим несовпадение целей субъектов взаимодействия, характерное для данной парадигмы, нехарактерно для Бурятии.

Таким образом, взаимодействие национальной и инонациональной культур в Бурятии носит смешанный характер, что связано со своеобразием социокультурной ситуации и поставленной государством социально-политической задачи.

Результат взаимодействия культур также выходит за рамки однозначного определения: с одной стороны, это ассимиляция, так как субъекты взаимодействия проявили себя, как донор и реципиент; доминирующая культура имеет сложный характер, осуществляет контакт наступательно. Однако подавления национальной культуры не произошло, и признаков упадка она не проявила, сохранив этнонациональное своеобразие. С другой стороны, это интеграция, так как в культуре одного из партнеров осуществле-

на интеграция разнородных содержательных и технологических элементов, появился новый стиль, значительные творческие результаты, системы образования, сохранения и трансляции культуры.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Формирование профессиональной музыкальной культуры в Бурятии произошло в результате взаимодействия отдаленных типологически и цивилизационно друг от друга культур, в чем проявилось межкультурное взаимодействие. При этом обе культуры были представлены темпорально различными компонентами, что свидетельствует о наличии внутрикультурных взаимодействий в каждой из них.

Становление национальной культуры в хронологически узких рамках проявило прямую зависимость от социально-политических условий: культурная политика советского государства обеспечила форсированные темпы освоения национальной традиционной монодической культурой устной традиции жанровых, стилевых, драматургических норм европейской многоголосной культуры письменной традиции.

Синтез данных исторически сформированных целостных компонентов привел к образованию нового явления национальной культуры – профессиональной музыкальной культуры. Музыкальная практика республики была преобразована, национальная культура выведена из состояния самодостаточности и спорадических связей с соседними культурами. При этом взаимодействующие компоненты сохранили свое своеобразие, хотя соотношение «традиционно-специфического» и «инонационального» не было равным. Однако единственный участвующий во взаимодействии «традиционно-специфический» элемент – национальная монодия – стал определяющим характер трансформации ряда «инонациональных» элементов.

Динамика процесса взаимодействия культур носила конструктивный характер, что подтверждается скоростью реагирования на изменение социокультурных условий: национальная профессиональная культура демонстрирует многоуровневый характер, о чем свидетельствует появление новых форм музыкальной практики, создание композиторской, исполнительской, воспринимающей среды, использование разных трансляционных каналов, расширение содержательного, жанрового, стилевого диапазона артефактов.

Литература

1. Алексеев Э. Фольклор в контексте современной культуры. – М.: Советский композитор, 1988. – 237 с.

2. Березовчук Л. О специфике периодов изменения системы музыкального языка (к постановке проблемы) / Эволюционные проблемы музыкального мышления. – Л.: Советский композитор, 1986. – С.3–20.

3. Брославская Т. Проблемы и перспективы изучения истории национальных музыкальных культур (стран СНГ и ближнего зарубежья) / Петербургские страницы русской музыкальной культуры. – СПб.: Композитор, 2001. – С.156–169.

4. Варфа А. К проблеме типологических параллелей в музыкальной культуре Востока и Запада / Варфа А., Рустам-заде Д., Черкасова Н. / Взаимодействие художественных культур Востока и Запада. – М.: Музыка, 1998. – С.134–158.

5. Дрожжина М. Молодые национальные композиторские школы Востока как явление музыкального искусства XX века. – Новосибирск: ИПК НГК, 2004. – 279 с.

6. Каяк А. Методология исследования культурных обменов в музыкальном пространстве. – М.: Академический проект, 2006. – 256 с.

Русинова Ольга Артемовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории музыки Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ, e-mail: xelga.ru@gmail.com

Rusinova Olga Artemovna, candidate of historical sciences, associate professor, department of history and theory of music, East Siberian Academy of Culture and Art, Ulan-Ude, e-mail: xelga.ru@gmail.com

УДК 316.732

© З.А. Будаева

АККУЛЬТУРАЦИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МАРКЕР ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Автор статьи на основе анализа работ зарубежных и российских ученых характеризует аккультурацию как важнейшее следствие, проявление глобализации; определяет фундаментальные основы аккультурации, основные тенденции, формы, стратегии. Значительное внимание уделяет дискурсу мультикультурализма, прослеживает различные позиции ученых по наиболее спорным аспектам проблемы.

Ключевые слова: глобализация, аккультурация, интеграция, мультикультурализм, трансккультурация.

Z.A. Budaeva

ACCULTURATION AS A DOMINANT THEORETICAL MARKER OF THE PROCESSES OF GLOBALIZATION

On the basis of the analysis of the works of the foreign and Russian researchers the author of the article describes the acculturation as a very important result and a manifestation of globalization. He defines the fundamentals of acculturation, the main trends, forms, strategies. He pays considerable attention to the discourse of multiculturalism, traces the various positions of scientists on the most controversial aspects of the problem.

Keywords: globalization, acculturation, integration, multiculturalism, transculturation, marker.

Масштабность, необратимость и противоречивость процесса межкультурного взаимодействия, обусловленного глобализацией, вызывают растущий интерес ученых к исследованию его сущности, закономерностей, тенденций.

Для отображения данного процесса и его последствий в англоязычной научной литературе с конца XIX в. используется понятие аккультурация (acculturation – англ. неологизм от лат. ad – «к» и cultura – «возделывание, образование, развитие» [7, с. 149]).

Американский этнолог XIX в. Д. Пауэлл, этнографы и этнопсихологи первой половины XX в. У. Хоумз, Р. Турнвальд, Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц аккультурацией обозначили результат прямого и длительного культурного контакта одной группы индивидов с другой, изменения культурных парадигм обеих групп.

Вслед за большинством российских ученых мы признаем, что данный англоязычный термин «аккультурация» краток и удобен в применении по сравнению с его русскими аналогами «межкультурная коммуникация», «культивизация», «окультуривание», «культурный контакт», «взаимодействие культур», «межкультурное взаимодействие», «кросс-культурное взаимодействие». В условиях новой социальной реальности, обусловленной процессами глобализации, критерии общности, емкости и краткости выдвигаются на первый план.

Сегодня к аккультурационному процессу проявляют профессиональный интерес не только ученые, но и работники, соприкасающиеся на практике с механизмами данного процесса (политики, экономисты, преподаватели, работники культуры, СМИ и др.). Представители интеллектуальных элит тех или иных народов стремятся на основе изучения общемировых культурно-

цивилизационных процессов определить формы и модусы аккультурации своих национальных культур, преодолеть или ослабить тревожные негативные стороны «культурного контакта», «межкультурного взаимодействия» народов, обосновывают необходимость изменений в стратегии поведения людей-носителей этнической культуры.

В культурологии нет единого понимания сущности аккультурационных процессов. Выделим основные позиции:

1. Определенная часть научного сообщества суть аккультурации сводит к созданию некой единой мировой культуры / цивилизации, которая обусловлена распространением достижений западной цивилизации;

2. Аккультурация понимается также как растущая взаимосоотнесенность различных культур, не порождающая, однако, новую культуру, а построенная либо на господстве одной из них, либо на их «концерте» [3, с. 30];

3. Учеными предлагаются и более сложные схемы, например достижение общности сознания, включающего в себя проекции глобального мира, продуцируемого локальными цивилизациями [6, с. 70].

Безусловно, каждая из этих позиций имеет свои основания. Реализация того или иного сценария зависит от множества факторов как объективного, так и субъективного характера. Очевидно, что прояснение направлений, модусов аккультурационных процессов имеет не только теоретическое, но важное практическое значение: позволит вовремя корректировать стратегии поведения людей-носителей той или иной этнической культуры, выстраивать эффективное взаимодействие субъектов аккультурации.

Выявление сущности процесса, характеристика форм, модусов, видов, стратегий поведения субъектов составляют фундаментальные положения теории аккультурации. Данные проблемы проработаны недостаточно, за что приверженцы теории, как отмечает И.А. Ушанова, справедливо подвергаются критике [6, с. 67].

Первые исследователи (Д. Пауэлл, У. Хоумз, Р. Турнвальд и др.) склонялись к отождествлению аккультурации с ассимиляцией, т.е. процессом, в результате которого члены одной этнической группы утрачивают свою первоначальную культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой находятся в непосредственном контакте. В исследованиях второй половины XX в. прослеживается более широкое понимание аккультурации, как процесса взаимодействия культур, в ходе которого те изменяются, усваивают новые элементы, и в результате

смешения разных культурных традиций образуют новый культурный синтез.

Американские культурантропологи Р. Линтон, Р. Редфилд и М. Херсковиц в середине XX в. выделили модели аккультурации: одностороннюю (унилатеральную), двустороннюю (билатеральную) и многостороннюю (полилатеральную) [1, с. 8].

В 1960-е гг. были определены типы аккультурации: прошлые и современные; групповые и индивидуальные; непрерывные и эпизодические; «индуцированные» и стихийные.

Исследователи отошли от понимания аккультурации только как группового феномена и стали рассматривать ее на уровне психологии индивида, представляя процесс аккультурации как изменение ценностных ориентации, ролевого поведения, социальных установок индивида.

Так, канадский психолог Дж.В. Берри выделил четыре стратегии аккультурации личности [4, с. 10]. Выбор стратегии поведения связан с решением двух основных проблем: поддержанием культуры (признанием важности сохранения культурной идентичности) и участием в межкультурных контактах (включением в иную культуру или невключением в нее).

В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса возможны такие стратегии аккультурации как: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.

Ассимиляция понимается, как вариант аккультурации, при котором человек полностью принимает ценности и нормы новой культуры и отрицает культуру этноса, к которому принадлежит.

Сепарация означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности.

Маргинализация – это результат того, что представитель не доминирующей культуры не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства. Это может быть следствием отсутствия возможности (или интереса) поддержания культурной идентичности (часто из-за вынужденных или навязанных культурных потерь) и отсутствия желания установления отношений с окружающим обществом (из-за отвержения доминирующей культурой или дискриминации).

Интеграция характеризуется идентификацией, как со старой, так и с новой культурами. Данная стратегия становится наиболее приемлемой для недоминирующей группы (этнического меньшинства, реципиента), ведущей к

приобщению к другой доминирующей культуре при сохранении основ своей культуры, к формированию позитивной этнической идентичности и этнической толерантности личности.

С позиций доминирующей группы или всего общества, включающего многие этнические группы, процесс аккультурации приобретает иное содержание. Ассимиляция характеризуется как «плавильный котел», сепарация – сегрегация, маргинализация – исключение, выпадение личности или группы из общего процесса. Интеграции соответствует стратегия мультикультурализма [8, с. 158].

Аккультурация зависит от политических, экономических и других факторов, она видоизменяется и проявляется в виде модусов: бикультурализм, поликультурализм, мультикультурализм, транскультурализм, суперкультура и др.

Проявление аккультурации в модусах означает, что она имеет субстанциональный признак.

Аккультурация также есть родовое понятие межкультурного взаимодействия, на что указывают ее виды: политическая, экономическая, правовая, религиозная, психологическая, образовательная и др.

Итак, исследования ученых XX в. позволяют говорить о следующих основах аккультурации:

а) сущность аккультурации заключается в процессе и результате взаимодействия разных культур (в приобщении, окультуривании, культивировании, культивизации реципиентной культуры донорской, или доминантной культурой);

б) аккультурация может приобретать односторонний (насильственный) и двухсторонний (добровольный) характер;

в) можно также говорить об односторонней (унилатеральной), двусторонней (билатеральной), многосторонней (полилатеральной) моделях аккультурации;

г) типы аккультурации: прошлые и современные; групповые и индивидуальные; непрерывные и эпизодические; «индуцированные» (вынужденные) и стихийные;

д) виды аккультурации: политическая аккультурация, экономическая, правовая, религиозная, психологическая, образовательная и др.;

е) стратегии аккультурации: интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация;

ж) модусы аккультурации: бикультурализм, поликультурализм, мультикультурализм, транскультурализм, суперкультура и др.

В последнее десятилетие предметом острых споров ученых, работников культуры, общественных деятелей стали судьбы национальных культур в условиях глобализации. Среди пред-

полагаемых вариантов и моделей развития сначала выделим крайние.

Критики культурной глобализации видят в ней угрозу самобытности и многообразию культур, предсказывают тенденцию к гомогенизации – сплаву культур. Так как большинство современных духовных и материальных благ имеет западное происхождение, то и глобализация в таком случае превращается в разновидность «американизации» / «вестернизации». Аккультурационные процессы будут происходить по единственному возможному варианту – ассимиляции.

Второй путь, по которому может пойти глобализация, является противоположностью первого, и выражается в полной фрагментизации ранее целостных культур и в активизации межкультурных конфликтов. В такой ситуации на первый план могут выйти «негативные» варианты аккультурации, т.е. сепарация и маргинализация.

Подобный взгляд на проблему глобализации чрезмерно сужает понимание динамики культуры и культурных изменений.

И.А. Ушанова имеет несколько иную точку зрения на перспективы аккультурации. Вслед за немецкими исследовательницами Й. Брайденбах и И. Цукригл, И.А. Ушанова акцентирует внимание на том, что в процессе глобализации не только исчезают некоторые традиционные формы жизни и способы мышления, но и, что особенно важно, возникают новые формы культуры и образы жизни. Конечно, подобные культурные изменения не новы, новой является скорость этих изменений в глобальную эпоху. Локальные культуры меняются и вступают между собой в необычные комбинации. Границы между своим и чужим стираются. Наблюдается «смешение культур» (*kulturmélange*) [6, с. 68].

Подчеркнем, что при смешении культур, а не «сплаве», лидирующая роль определенно достанется интеграции, предполагающей достижение взаимной адаптации (приспособления) и хорошо развитой мультикультурной идентичности.

Изучение мультикультурной идентичности, мультикультурализма и его разновидности – поликультурализма становится, пожалуй, наиболее перспективной тенденцией в развитии современной теории аккультурации.

В культурологии, как и в политической практике, данное явление интерпретируется с разных позиций. В разных контекстах вводится в оборот сам термин мультикультурализм.

Первоначально в 70-х гг. XX в. он выполнял исключительно инструментальную функцию.

Официальный термин мультикультурализм (многокультурализм) обозначал политику, компромиссную стратегию правительств Канады, Швеции, Австралии, США, избегающую двух крайностей: дифференцированного инкорпорирования мигрантов (т.е., по сути, их социального исключения) и принудительной ассимиляции [2].

Идеологическим обоснованием данной политики стали либеральные концепции культурного разнообразия, пропагандирующие позитивное отношение к наличию в обществе различных культурных групп и добровольную адаптацию социальных институтов к потребностям этих групп.

Крупнейшие современные авторитеты в вопросах мультикультурализма Б. Парех, А. Янг, Ч. Тэйлор декларируют его интеграционную направленность: мультикультурализм означает взаимную адаптацию разных категорий населения, создание более комфортных условий для меньшинств, а значит – повышение их социальной мобильности и укрепление общегражданской лояльности.

Движение к мультикультурализму позволит личности обрести мультикультурную идентичность с гибким и потому успешным приспособлением к меняющимся культурным условиям глобализованного мира, с межкультурной толерантностью.

Интересной представляется нам позиция М.В. Глостановой. Она полемизирует со сторонниками поли- и мультикультурализма, акцентируя внимание на позитивных результатах процесса. Современный неолиберальный мультикультурализм, как отмечает М.В. Глостанова, провозглашает равноправный диалог культур, «различие на словах, на деле ведет к унификации, к коммерциализации предсказуемого и красиво упакованного различия» [5, с. 146].

Здесь сохраняется снисходительно покровительственное отношение носителей западной культуры к иной культуре, жесткая установка на ее исключение из области принятия решений. Аккультурация в рамках декларируемого мультикультурализма (будь то классического либерального, неолиберального, «мягкого», «жесткого») осуществляется как мягкая ассимиляция.

Характеризуя и поддерживая взгляды кубинского ученого Х. Ортиса и российского культуролога М. Бахтина, она доказывает перспективы иной транскulturационной модели развития, предполагающей взаимодействие различных культур на паритетных началах, прежде всего в коммуникативном измерении.

В термине «транскulturация» особое значение она придает переводу приставки «транс» как «через», «по ту сторону», подразумевая включение не одной, а нескольких культурных точек отсчета, пересечение нескольких культур [5, с. 148].

В рамках транскulturации происходит выравнивание этической коммуникативной асимметрии, формируется новая парадигма мышления, свободная от западной эгополитики. Она основывается на переосмыслении основ доминировавшей западной современности / колониальности. Это движение к конструктивному диалогу, к общению разных культур, преодоление западной модерности и ее мифов. Транскulturация учитывает в должной мере человеческое разнообразие, плюриверсальность истории, сохраняет в процессе коммуникации смысл, динамику и драматическую интригу живых жизней.

Мы видим общее во взглядах приверженцев транскulturации (Х. Ортиса, М.В. Глостановой) и сторонников «смещения культур» (И.А. Ушановой, Й. Брайденбах, И. Цукригл). Последние обозначают свои исследования как мультикультуралистские, изучают роль мультикультурной идентичности в происходящих культурных процессах. Но стремясь уйти от крайних позиций мультикультурализма, характеризуя их слабые стороны, они выдвигают модель, схожую с моделью транскulturации.

И те, и другие ученые отмечают, что на пути становления находится новая культурная реальность – глобальная культура.

При этом Й. Брайденбах и И. Цукригл первоочередное внимание уделяют структурному аспекту, глобальную культуру рассматривают как «структуру общих различий», «систему категорий, внутри которой мы должны определять культурные различия, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания» [6, с. 70]. М.В. Глостанова особое значение придает коммуникативному аспекту, возможности глобального диалога «других», разных культур.

В условиях постоянно меняющегося глобализованного мира, в котором все более тесно взаимодействуют народы, а СМИ позволяют людям быть в курсе глобальных и местных событий, невозможно создать однозначный сценарий аккультурационных процессов.

Все же большинство ученых, изучающих эти процессы, склоняются к дискурсу мультикультурализма. Свои позиции по обозначению и характеристики моделей, модусов, аспектов мультикультурализма они продолжают уточнять, пе-

реосмысливать, порой изменять под влиянием мировых событий.

Два феномена – глобализация и мультикультурализм пересекаются в проблеме сохранения культурной идентичности того или иного этноса, базовых ценностей традиционной культуры.

Претерпевающее большие перемены современное общество, в частности российское, создает «угрозы» и вместе с тем открывает новые перспективы, дает шансы для развития этнической культуры.

Й. Брайденбах и И. Цукригл справедливо заметили, «каждое культурное различие в глобальной культуре должно быть «выторговано». Свою позицию нужно отстаивать, а кто кричит недостаточно громко, пойдет ко дну» [5, с. 150].

Формирующееся мультикультурное общество бросает вызов этносам – смогут ли они сохранить свою культурную идентичность, при этом не чувствовать себя чужими в новых условиях; ведя открытый диалог с другими народами, интегрировать в глобальную культуру элементы своей культуры?

Литература

1. Абрамян Н.Л. Диалог культур: проблемы и перспективы // Этнокультурное разнообразие и проблема

взаимодействия культур: мат. науч. конф., г. Москва, 23 апреля 2004 г. – М., 2004.

2. Акопян К.В. Мультикультурализм: основные теоретические подходы // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/akopyan.htm>

3. Байдаров Е.У. Глобализация в культурно-цивилизационных процессах современности: сб. конф. НИЦ. – Социосфера. – 2011. – №30. – С.31.

4. Берри Дж.В. Кросс-культурная психология: актуальные проблемы: сб. ст. / под. ред. Л.Г. Почебут, И.А. Шмелевой. – СПб., 2005.

5. Глостанова М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т.5.

6. Ушанова И.А. Перспективы развития теории аккультурации в глобализованном мире // Вестник Новгородского ун-та. – 2003. – №24.

7. Ушканова Р.Д. Логико-семантический анализ аккультурации // Вестник Якутского гос. ун-та. – 2010. – №1.

8. Хантаева И.К. Концептуальные основы формирования этнической толерантности школьников // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2011. – №15.

Будаева Зоригма Аркадьевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: imbt@burinfo.ru

Budaeva Zorigma Arkadievna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: imbt@burinfo.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Янгутов Л.Е.</i> О добуддийских религиозных верованиях Китая (часть 2).....	3
<i>Тайсина Э.А.</i> Сократ, «Евтифрон» и аналитическая философия.....	9
<i>Гениндоржиева Д.Б.</i> Античное понимание феномена харизмы.....	12
<i>Станкевич А.Р.</i> Система нравственных принципов и категорий в работах И.А. Ильина.....	16
<i>Власова С.А.</i> Механизмы взаимодействия базовых социальных институтов России в условиях формирования информационного общества: к постановке вопроса.....	21
<i>Башмановская Я.В.</i> Преодоление социального отчуждения как условие выхода из состояния одиночества.....	25
<i>Сафонов А.Л.</i> Нация и этнос как различные феномены: эпистемологический анализ теорий социогенеза... ..	30
<i>Антонов А.В.</i> Пролетарий или наемный работник?	35
<i>Бальчиндоржиева О.Б.</i> Диалог между государством и обществом в условиях модернизации Китайской Народной Республики.....	40
<i>Авдошин Г.В.</i> Фотография как отражение.....	44

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Данилова З.А.</i> Риски вертикальной мобильности будущих специалистов.....	49
<i>Барлукова О.Д.</i> Интеллигенция в пространстве китайского социума: прошлое и настоящее.....	53
<i>Кондрашова Н.В.</i> Роль вынужденных мигрантов в социальной структуре современного российского общества....	58
<i>Степанова Б.Б.</i> Социальная адаптация иностранных студентов в современной России.....	62
<i>Аншуклова Т.Б.</i> Современные тенденции пенсионного обеспечения в России.....	64
<i>Осинский И.И., Хабудаева В.А.</i> Традиции в культуре современной бурятской молодежи.....	69

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Дагбаев Э.Д.</i> Моделирование политического развития Бурятии.....	74
---	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Федоров М.А.</i> Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры.....	83
<i>Русинова О.А.</i> Структура культурных взаимодействий в процессе формирования профессиональной музыкальной культуры Бурятии.....	87
<i>Будаева З.А.</i> Аккультурация как доминирующий теоретический маркер проявления процессов глобализации.....	91

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Yangutov L.E.</i> On the pre-buddhist religious beliefs of China (part 2).....	3
<i>Taysina E.A.</i> Socrates, «Euthyphro» and analytical philosophy.....	9
<i>Genindorzhieva D.B.</i> Ancient interpretation of the phenomenon of charisma.....	12
<i>Stankevich A.R.</i> System of ethical principles and categories in the I.A. Ilyin`s publications.....	16
<i>Vlasova S.A.</i> Interaction mechanisms of basic social institutions in Russia under the conditions of formation of information society: to putting forward a question.....	21
<i>Bashmanovskaya Y.V.</i> Overcoming social alienation as a condition of release from a state of loneliness.....	25
<i>Safonov A.L.</i> Nation and ethnos as different phenomena: epistemological analysis of the theories of sociogenesis..	30
<i>Antonov A.V.</i> A proletarian or an employee?	35
<i>Balchindorzhieva O.B.</i> A dialogue between state and society under the conditions of modernization of the Chinese Peoples Republic.....	40
<i>Avdoshin G.V.</i> Photography as reflection.....	44

SOCIOLOGY

<i>Danilova Z.A.</i> Risks of future experts' vertical mobility.....	49
<i>Barlukova O.D.</i> Intelligentsia in the Chinese society space: the past and the present.....	53
<i>Kondrashova N.V.</i> The role of forced migrants in the social structure of modern Russian society.....	58
<i>Stepanova B.B.</i> Foreign students' social adaptation in modern Russia.....	62
<i>Anshukova T.B.</i> Modern tendencies of pension provision in Russia.....	64
<i>Osinsky I.I., Khabudaeva V.A.</i> Traditions in the culture of modern Buryat youth.....	69

POLITICAL SCIENCE

<i>Dagbaev E.D.</i> Modeling of political development of Buryatia.....	74
--	----

CULTURAL STUDIES

<i>Fedorov M.A.</i> The term «linguoculture» in the aspect of the theory of culture.....	83
<i>Rusinova O.A.</i> Structure of cultural interactions in the process of formation the professional musical culture of Buryatia....	87
<i>Budaeva Z.A.</i> Acculturation as a dominant theoretical marker of the processes of globalization.....	91

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2014 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: feu-bsu@mail.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатъевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректуре авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 60x84 1/8.

- Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.

Образец оформления ссылки на Вестник Бурятского государственного университета:

Фамилия автора, его инициалы. Название статьи // Вестник Бурятского государственного университета. – Год. – Номер выпуска (номер тома *если есть*). – Страницы.

Например:

Сандитов Б.Д. Эффект пластичности стекол в модели делокализованных атомов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 99-104.